ИСТПАРТ ЦК ВКП(б)

М. КУБАНИН

МАХНОВЩИНА

·ПРИБОЙ·

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

под редакцией
М. Н. ПОКРОВСКОГО

М. КУБАНИН

МАХНОВЩИНА

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В СТЕПНОЙ УКРАИНЕ В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

Ленинградский Гублит № 47777 Тираж 5.000 — 15 л. Заказ № 1315

Государственная типография имени Евгении Соколовой. Ленинград, прос. Красн. Командиров, 29

ГЛАВА I.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МАХНОВЩИНЫ.

Локальность махновщины.

Одной из основных черт, характерных для махновщины, была ее локальность. Распространение махновщины, действия махновской армии и сочувствие местного населения были связаны с определенным, сравнительно узким районом. Нигде в другом месте махновщина не прививалась.

Аршинов, анархист, б. член РВС махновской армии, историограф махновщины, весь район влияния Махно делит на «район махновского влияния и район активного махновского влияния». Если посмотреть карту рейдов махновской армии, то мы увидим, что Махно все время вертится в сравнительно узком, тесном районе (нескольких уездов), в одних и тех же местах. Попадая в чужой район, махновцы стремятся уйти оттуда как можно скорее. Приняв бой и даже разбив врага, они не преследуют его, а поворачивают назад и стремятся уйти обратно в свой район.

Лишь однажды, в августе 1919 г., Махно под давлением деникинцев вышел далеко за пределы своей территории и проделал большой рейд по Донецкой, Екатеринославской, Полтавской и Киевской губерниям. Но, разбив деникинцев, Махно спешит вернуться обратно в свой район.

Это не случайный военный прием махновщины, это — явление постоянное, свидетельствующее о необходимости непрерывной и прочной связи с родными местами. «Обычно пополняются и быстро обрастают махновские отряды в районах, в то же время являющихся наиболее коренными и сочувствующими

махновщине: Екатеринославская губерния, части Новомосковского, Павлоградского уездов, почти вся Александровская губерния, со «столицей» Махновии Гуляй-Полем, Константиноградский уезд Полтавской губ., Изюмский и Купянский уезды Харьковской губ., Холодный Яр, Кременчугской губ. — вот главные очаги махновского движения» [1].

Об этом пишет и Эйдеман, командовавший в 1920 г. войсками, действовавшими против Махно и прочих банд на Украине и прекрасно изучивший политический бандитизм на Украине [2]. «Стоит даже совершенно незнакомому с украинской обстановкой человеку проследить маршруты следования банды Махно за месяц-другой, чтобы обратить внимание на исключительную посещаемость одних и тех же определенных селений и пунктов. Взятые в плен и перешедшие к нам махновские атаманы и руководители подтверждают, что именно эти селения являются опорными пунктами, материальными и моральными базами махновщины и что именно в них сосредоточены подпольные органы («пункты сбора и донесений»), через которые проходящие банды получают информацию и общие директивы и тем самым остаются неуловимыми для наших, нередко численно превосходящих войск».

Достоверным свидетельством этого являются показания б. начальника штаба махновской армии Виктора Белаша в ВУЧК [3].

Вопрос: «География махновщины (район, очаги, Дибривский лес, речка Волчья)?»

Ответ: «География Махно и махновщины — это Гуляй-Поле, Дибривки, Успеновка, Туркеновка, Санжаровка, Воздвиженка, Рождественка, Воскресенка, Конские Раздоры, Гусарка и Федоровка. Придаточные места махновщины — это» . . . (идет перечисление ряда сел). «Центр Махно — это Гуляйпольский уезд, а махновщины — Гуляйпольский, Гришинский, Мариупольский, Александровский и Бердянский уезды».

Эта черта локальной замкнутости не является типичной исключительно для махновщины. Эта постоянная связь с какой-либо территорией характерна для мелких и крупных атаманов крестьянских отрядов, будь то петлюровцы или махновцы.

[1] Д. Лебедь, Итоги и уроки трех лет махновщины, стр. 29.

[2] Эйдеман, Очаги атаманщины и бандитизма, стр. 28.

[3] Архив ГПУ Украины, д. Белаша, том 13, л. 162.

«Стоит лишь внимательно присмотреться к бандитскому движению на Украине, — пишет Эйдеман, — чтобы убедиться, что в каждой губернии имеются районы и целые уезды, являющиеся очагами бандитизма, а в уездах такие же — „черные волости“.

«В этих бандитских районах мы обыкновенно имеем дело с фактическим отсутствием власти. Ревкомы и советы существуют лишь номинально и находятся под влиянием того или другого атамана или же целых подпольных организаций; население же не выполняет никаких государственных нарядов и, беспрерывно питая оружием и живой силой банды, является громадным интендантством атамана и подпольных повстанческих центров.

«Каждый из таких районов имеет своих вождей — атаманов и главарей. Так, в Киевской губ., в районе Радомысль — Коростышев, неизменно оперирует Мордалевич и является в то же время председателем Радомысльского повстанческого комитета, в Черниговском уезде — Хмара, в Балтско-Ольгопольском районе — Кошевой и Заболотный и т. д.

«Характерно то, что эти атаманы даже в случаях военной опасности предпочитают укрываться в своем районе, чем удаляться от него. Их действия вне излюбленного района можно рассматривать лишь как вылазки или партизанские рейды, оканчивающиеся возвращением в исходное положение» [1].

Это подтверждает и Х. Раковский в своей ценной фактами брошюре «Борьба за освобождение деревни», подтверждает фактами, взятыми из информационных сводок военного командования, Всеукраинской ЧК и Наркомвнудела Украины. «В Киевском уезде, в южной его части, в районе Триполье—Обухово—Германовка — Кагарлык, действовал Зеленый. В северной части уезда расположился Струк, влияние которого распространялось и на Чернобыльский уезд той же губернии. Западнее, в Радомысльском уезде, действовал Соколовский. Точно так же и другие уезды в Киевской губернии периодически делаются центрами контрреволюционных выступлений. Так, в Каневском уезде действовала белогвардейская банда Трепета. В Васильковском уезде, имея центром Мотовиловку, действовала банда Гончара

[1] Эйдеман, Очаги атаманщины и бандитизма, стр. 7.

(Батрака-Бурлака), бывшего до того членом партии украинских с.-р. боротьбистов. Кроме того, на этот уезд распространялись действия Зеленого. В Сквирском районе и в районе Белой Церкви действовал в июне (1919 г. *М. К.*) так называемый Всеукраинский ревком, с Юрием Мазуренко во главе. В районе Бердичева находились петлюровские банды, в Умани — коммунист-боротьбист[1] Щогрин и российский с.-р. Клименко, в районе Звенигородки, до своего соединения с Мазуренко, действовал помощник Григорьева Тютюник»[2].

Эта типичная черта локальной замкнутости всех крестьянских партизанских отрядов, независимо от их политических убеждений, присуща была не только Украине. Так, например, антоновская армия, несмотря на то, что опору и сочувствие находила в 5 уездах Тамбовской губ. (Борисоглебском, Тамбовском, Кирсановском, Моршанском и Козловском), предпочитала укрываться лишь в сравнительно небольшом районе нескольких волостей. «Излюбленным местом пребывания бандитов были села: Рамза, Царевка, Канучино, Караванино, Трескино. Население этих мест в большинстве середняцкое, но кулацкое меньшинство было хорошо организовано и оказывало большое влияние на все остальное население. Первые бандитские выступления были организованы крестьянами перечисленных выше сел. В бандитизме они принимали самое активное участие»[3].

Махновцы ясно сознавали, что они сильны лишь в своем районе, и сознавали опасность, грозящую им при отрыве от своего района. Когда поляки наступали на Украину, командование XIV советской армии приказало штабу махновской армии отправиться на польский фронт. (Махновская армия тогда была легализована и подчинена командованию Красной армии.) «Всем стало ясно, — пишет Аршинов в своей «Истории», — что это — первый шаг большевиков к новому нападению на махновцев. Направить повстанческую армию на польский фронт — это значит отрезать главный нерв у революционного повстанчества на месте.

---

[1] Не было коммунистов-боротьбистов, были укаписты (Украинская ком. партия). Щогрин был не укапистом, а с.-р.-боротьбистом.

[2] Р а к о в с к и й, Борьба за освобождение деревни, стр. 4.

[3] «Антоновщина», сборник материалов, документов и воспоминаний, стр. 120. Изд. Тамб. губкома «Коммунист».

К этому стремились большевики, чтобы иметь возможность беспрепятственного хозяйничания в непокорном районе, и это прекрасно видели махновцы»[1]. Штаб махновской армии отказался итти на польский фронт, мотивируя тем, что «махновская армия всегда будет на революционном посту, оставаясь на Украине и не уходя для этого на польский фронт».

Крестьянская локальная ограниченность целиком сказывается в этом документе.

При внимательном изучении районов, затронутых крестьянским антисоветским движением, вернее сказать антипролетарским, так как в большинстве случаев крестьянские движения были «за советскую власть, но против коммунистов», можно заметить, что районы, бывшие активными в антипомещичьих крестьянских движениях в 1905 году, часто были активными и в антисоветских крестьянских движениях.

Так, например, на первом месте по количеству разрушений помещичьих усадеб в 1905 году, после 17 октября, подсчитанных В. Веселовским, стоял Верхнеднепровский уезд (66 разрушений), уступая место лишь Саратовской (272), Тамбовской (130) и Орловской (81) губерниям[2].

В Верхнеднепровском же уезде действовала в 1907 году боевая интернациональная группа анархистов-коммунистов, экспроприировавшая в уездной почтовой конторе 60 000 руб. и помогавшая экспроприированными средствами крестьянским союзам в уезде[3].

В эпоху гражданской войны об этом уезде Раковский пишет, как о самом бандитском и наиболее антисоветски активным[4].

Действительно, в этом уезде представители советской власти в 1921 году несколько раз должны были оставлять город под ударами петлюровских партизанских отрядов.

Следующей иллюстрацией к этому явлению могла бы послужить Тамбовская губерния, стоявшая на втором месте после Са-

[1] Аршинов, История махновского движения, стр. 157, Берлин.

[2] Маслов, Крестьянское движение в России в эпоху первой революции, стр. 99.

[3] Горев, Анархисты в русской революции, изд. «Книга», 1917 г.

[4] Раковский, Борьба за освобождение деревни.

ратовской по количеству разрушенных в 1905 году помещичьих имений. В ней крестьянами было разрушено 130 имений и причинено убытков на 2 475 608 руб. Крестьянство этой же губернии активно выступало против помещиков в 1917 году и еще более активно в 1921 году против советской власти.

В этой губернии наиболее активным было крестьянство Борисоглебского, Козловского, Кирсановского и Тамбовского уездов. Эти же уезды были территорией действия антоновской армии. При детальном изучении движения можно обнаружить и еще более любопытную деталь. Наиболее активными районами в этих уездах были как в 1905, так и в 1920—1921 гг. Рассказовский и Сампурский, в Тамбовском уезде, и Инжавинский в Кирсановском [1].

На Севере, в Архангельской губернии, в 1918 году активно выступало против советской власти крестьянство Шенкурского уезда; оно же проявляло активность и в 1905 году. Наконец, перечисленные нами выше уезды на Украине, являвшиеся центрами антисоветского крестьянского движения и территорией действий крестьянских антисоветских партизанских отрядов, отмечены в истории крестьянского движения 1905 года как уезды активного крестьянского движения.

Наконец, «в махновском районе» такое же наблюдение можно сделать относительно Гуляйпольского уезда, в котором в 1905 г. группа анархистов убила пристава и произвела ряд революционных актов. В сентябре 1917 г. крестьянство этого же уезда под руководством Махно выступает против помещиков, громит усадьбы, конфискует помещичий хлеб и тем самым входит в конфликт с уездной властью. Представитель Временного правительства, в лице уездного комиссара Михно, не может справиться с буйным Гуляй-Полем, месяца за полтора до Октября ликвидирующим помещичье землевладение [2].

Для того, чтобы понять причины постоянной активности крестьянства одних и тех же районов, необходимо уяснить со-

---

[1] Катаев, Аграрное движение 1905 г. в Тамбовской губ., «Прол. Рев.», № 6 за 1925 г. «Антоновщина», сборник документов, воспоминаний и т. д.

[2] Запись показания Чубенко. Архив музея ГПУ УССР.

циально-экономические особенности этих районов. В отношении махновщины это означает следующие губернии: Екатеринославская, Херсонская и Таврическая, т. е. так называемая южно-степная «тройка» губерний Украины, и уезды Купянский, Изюмский и Старобельский Харьковской губ. и Константиноградский — Полтавской губ. Из Таврической губ. надо исключить Крым, который резко отличается в хозяйственном отношении от южных уездов «тройки» и в котором махновцы не пользовались влиянием.

Основные черты экономики махновского района.

Вся Украина в экономическом отношении может быть разделена на части. Каждая из них имеет резко выраженные экономические различия как в строе с.-х. производства и классовой дифференциации деревни, так и в характере всей экономики деревни. Интересующие нас три губернии целиком попадают в южно-степную черноземную полосу, остальные шесть губерний носят лесо-степной характер.

Для уяснения экономики махновского района будем брать цифры по «тройке» и лишь проверять наши выводы на уездах Константиноградском, Полтавской губ., Купянском, Изюмском и Старобельском Харьковской губ. Одни и те же следствия, при равенстве всех прочих условий, должны быть вызваны одними и теми же причинами.

«Тройка» была районом экстенсивного зернового хозяйства, юго-запад — районом интенсивных культур — свеклы, картофеля. Площадь посевов картофеля, льна и конопли в губерниях «тройки» занимала от 1,2% до 2,8% всей площади посевов полевых культур, а в губерниях «шестерки» (остальные шесть губерний Украины) — от 4,5% до 12%. Посевы свеклы, занимавшие несколько сот тысяч десятин, падали почти исключительно на губернии «шестерки».

Посевы продовольственных культур для крестьянства юго-запада имели больше потребительский характер, для района же юго-степи — товарный. В южно-степной полосе сеяли главным образом пшеницу и ячмень — хлеба товарные, в юго-западной — рожь и овес, которые в значительной доле потреблялись в самом

крестьянском хозяйстве. Это распределение иллюстрируется следующей таблицей [1]:

Губернии	Посевы (в процентах ко всей посевной площади)			
	Ржи озимой	Пшеницы яровой	Ячменя	Овса
Юго-степные:				
Таврическая	6	25	34	5
Екатеринославская	5	50	33	3
Юго-западные:				
Киевская	27	0,7	10	24
Подольская	18	4	13	16

Особенно четко различие в посевах можно проиллюстрировать на примерах уездов Харьковской губ., зараженных махновщиной (Изюмский, Купянский и Старобельский) и не зараженных ею (уезды Сумский и Лебединский). Распределение посевов в процентах по роду культур было:

Уезды	Пшеница яровая	Ячмень	Рожь озимая	Овес	Свекла
Изюмский	41,0	24,2	11,0	2,6	—
Купянский	41,6	25,3	11,2	3,3	—
Старобельский	46,6	19,3	13,2	3,3	—
Сумский	4,3	6,8	37,0	27,2	—
Лебединский	5,9	14,3	31,1	17,4	4,4

То есть в махновских уездах преобладают посевы яровой пшеницы и ячменя — хлебов товарных; а в немахновских уездах

[1] Вычислено на основании данных «Сборн. стат.-экон. сведений по сельскому хозяйству России и иностранн. госуд.», изд. 1916 г., стр. 15–16.

картина противоположная: преобладают посевы озимой ржи, овса — хлебов потребительских и интенсивные технические культуры (свекла).

Поэтому крестьянство юго-степи и выбрасывало на рынок главным образом зерновые хлеба. Предложение хлеба в процентах к своему производству выражалось за период 1907—1910 гг. для Донской области в 65,3%, для Херсонской губ. — 64,9%, для Таврической губ. — 58,8%, для Екатеринославской губ. — 47,2%. Губернии лесо-степи показывают резкое снижение предложения зерновых хлебов: Полтавская губ. дает цифру в 29,5%, Подольская — 20%, Харьковская — 19,8% и т. д.[1]. Наибольшее количество излишков, которое могло быть вывезено из Украины, падало на южно-степную «тройку». По подсчету, произведенному Суховым, излишки, которые выбрасывала Украина в год, за период 1910—1914 гг. распределялись следующим образом: «шестерка», имевшая 16 477,7 тысяч сельских жителей, выбрасывала только 178 млн. пуд. хлебов и картофеля (в переводе на хлеб), а «тройка» при 6 404,7 тысяч сельских жителей (т.-е. в 2½ раза меньше, чем в «шестерке») выбрасывала 237,2 млн. пудов[2].

Большая товарность крестьянского хозяйства юго-степи влекла за собою большое распространение с.-х. машин, как одного из элементов процесса капитализации крестьянского хозяйства. Для примера приведем следующие данные. В 1913 году выпущено было на русский рынок с.-х. машин на 60 508 тыс. руб. Из них Украина дала 52,9% всего производства, в том числе в Херсонской губ. было изготовлено машин на 9 889 тыс. руб., т. е. 16,3% общего производства, в Екатеринославской на 7 459 тыс. руб. — 12,3%, в Таврической на 7 324 тыс. руб. — 12,1%, в Харьковской на 4 961 тыс. руб. — 8,1%. Из русских губерний с этими губерниями могла конкурировать только Московская, давшая машин на 6 452 тыс. руб., т.-е. 10,6% всего производства. Остальные губернии давали незначительный процент производства: Орловская — 4,5%, Пермская — 2,1%,

---

[1] Челинцев, Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, стр. 54.

[2] Сухов, Экономическая география Украины, стр. 58.

Калужская — 1,7%, Рязанская — 1,4%. На все прочие русские губернии падало лишь 6% производства [1].

И по потреблению с.-х. машин на первом месте стоят опять-таки губернии «тройки». Если расположить в нисходящем порядке губернии по данным о продажах с.-х. машин и металла из складов земств по России (а главными покупателями земств были крестьяне), то увидим, что на первом месте по покупкам с.-х. машин, кровельного и сортового железа в 1911 г. стоит Херсонская губ., где было куплено из складов на 1 063,3 тыс. руб., на втором Екатеринославская на 964,1 тыс. руб., на третьем Саратовская — на 941,7 тыс. руб., на четвертом Харьковская — на 891,5 тыс. руб. Полтавская идет лишь на восьмом месте, Самарская на десятом и Черниговская на девятнадцатом и, как исключение, Таврическая на двадцать восьмом, т. е. чуть ли не на последнем месте по количеству закупленных из земских складов с.-х. машин [2]. Крестьянство последней губернии в силу близости заводов и заводских складов покупало с.-х. машины и орудия не из земских складов, а непосредственно с заводов.

Большая обеспеченность с.-х. инвентарем по сравнению с соседними уездами была и в крестьянском хозяйстве тех уездов Харьковской и Полтавской губерний, где господствовало позже махновское движение. Так, например, на сто наличных хозяйств в 1910 г. в Константиноградском уезде приходилось плугов железных многолемешных — 3,7 (в прочих уездах число это не поднималось выше 0,8), плугов однолемешных — 56 (в прочих уездах Полтавской губ. самый высокий процент равнялся 50); рядовыми сеялками было снабжено 14,8% хозяйств Константиноградского уезда, а в прочих уездах процент не поднимается выше 3,3; веялками крестьянские хозяйства Константиноградского уезда были снабжены на 9,2%, в остальных процент не выше 1,9; молотилки конные имели 6,5% хозяйств Константиноградского уезда, а в других уездах наибольший процент был 4,6. В Старобельском уезде Харьковской губ. плуги железные имели 53,2% крестьянских хозяйств, по губернии же, включая сюда и Старо-

---

[1] Е. И. Измайловская, Русское с.-х. машиностроение.

[2] «Земская торговля железом, с.-х. машинами и орудиями в 1911 г.», изд. Совета съездов горнопромышленников юга России.

бельский уезд, в среднем плуги имели лишь 44% хозяйств. Букера в этом уезде имели 6,3%, по губернии средний процент — 4,3; веялки — в уезде 15,4%, по губернии — 8,9%. Но здесь в некоторых отраслях уезд стоял на втором месте: так, напр., молотилками крестьянские хозяйства Старобельского уезда были снабжены лишь на 10,9%, а по губернии, включая сюда уезд, — 21,6%. Объясняется это тем, что в некоторых уездах были и интенсивные хозяйства, имевшие свой собственный крупный инвентарь.

Но вместе с тем тот район, где крестьянское хозяйство было более обеспечено с.-х. инвентарем, вел более экстенсивное хозяйство, чем другие районы. Во многих местах «тройки» накануне войны существовала переложная система. Удобрения земля на полях «тройки» почти не знала. В Константиноградском уезде лишь 18% хозяев применяли навозное удобрение, в то время как во всех прочих уездах Полтавской губ. эта цифра не опускалась ниже 31% (за исключением одного Кобелякского уезда, где применялось удобрение в 20% хозяйств). Но те из хозяйств Константиноградского уезда, которые удобряли почву, вывозили навозу значительно больше, чем среднее крестьянское хозяйство других уездов. На одно хозяйство в среднем в Константиноградском уезде приходилось 62 воза навоза, тогда как в других уездах эта цифра не поднималась выше 50 возов на хозяйство. В Харьковской губ. наиболее экстенсивное крестьянское хозяйство было в Старобельском уезде. Здесь 99,3% хозяйств вовсе не удобряли навозом свою пашню. Близкие им по сельско-хозяйственному строю Изюмский и Купянский уезды не удобряли почвы в 70,6% и 84,6% крестьянских хозяйств, в то время как в других уездах не удобряли почву лишь 40,8% всех хозяйств. Экстенсивность хозяйства уездов, затронутых махновщиной, можно показать и на ряде других примеров, но ограничимся приведенными.

Такое хозяйствование приводило к тому, что десятина крестьянской земли в махновском районе давала невысокую урожайность, составляя в среднем за период 1906—1910 гг. для Екатеринославской губ. 52,6 пуда, для Херсонской — 45,4, для Таврической — 42; урожайность в других районах была выше: в Полтавской губ. она равнялась 59 пуд., в Подольской — 62,2, в Киевской — 62 и т. д. Чистая доходность одной десятины

удобной земли в 1914 г., по исчислению земских статистиков, в Старобельском уезде равнялась 3 р. 83 к., в Изюмском — 6 р. 65 к., в Купянском — 5 р. 85 к., в то время как доходность десятины земли в Сумском уезде равнялась 18 р. 52 к., в Лебединском — 16 р. 71 к., а в среднем по губернии равнялась 11 р. 80 к. [1].

Естественно, что крестьянство юго-степи, ведя экстенсивное хозяйство, стремилось к расширению площади своих посевов, но препятствием на этом пути был помещик, монопольный владелец значительной части земель.

Борьба с помещиком играла в истории махновского движения значительную роль, и поэтому следует обратиться к анализу взаимоотношений между помещичьим и крестьянским хозяйствами.

В районе «тройки» помещичьему хозяйству принадлежал больший процент земли, нежели в других районах. По статистике землевладения 1905 г. частновладельческие земли составляли в Екатеринославской губернии 50,4% всей площади земли, в Таврической губернии — 52,6%, в Херсонской губернии — 51,5%. В губерниях лесо-степи помещики владели сравнительно меньшим количеством земли. Так, например, в Черниговской губернии площадь частновладельческой земли равнялась 41,7% всей площади, в Полтавской губернии — 45,1%, в Харьковской губ. — 35,8%, в Киевской губернии — 45,2% и в Подольской — 44,4%. Такую же картину получаем при сравнении махновских уездов с немахновскими. В Константиноградском уезде Полтавской губернии процент удобной помещичьей земли равнялся 80% удобной крестьянской земли, т. е. помещик владел почти половиной всей удобной земли в уезде, в то время как в других — немахновских — уездах Полтавской губернии этот процент был значительно ниже. В Полтавском уезде он равнялся 63, в Хорольском уезде — 45, в Миргородском — 42, а во всех прочих ниже 40, давая в среднем по губернии без Константиноградского уезда цифру в 38%. К тому же помещик в уездах, затронутых махновщиной, был владельцем, главным образом, крупных имений. Размер помещичьего имения в Константиноград-

---

[1] «Статистический справочник по Харьковской губернии 1914 г.», изд. Харьковск. губ. земства, стр. 53.

ском уезде равнялся в среднем 279 десятинам. В других же уездах он не поднимался выше 250 десятин, равняясь в среднем по губернии 194 десятинам. В Старобельском уезде Харьковской губ. процент помещичьей земли равнялся 21,7% общинной земли, но помещик здесь также был владельцем крупных имений. Средний размер дворянского имения в этом уезде равнялся 806 десятинам, тогда как в прочих уездах губернии он не превышал 350 десятин (за исключением Волчанского уезда, где помещичье имение в среднем имело 716 десятин), равняясь в среднем по губернии 171 десятине. Такой же крупный размер имений был и у помещиков-разночинцев (т. е. недворян) Старобельского уезда. Средний размер их землевладения равнялся 217 десятинам, в то время как во всех прочих уездах он не превышал 48 десятин (за исключением одного Изюмского уезда, где имение разночинца в среднем равнялось 117 десятинам). Таким образом, имение старобельского дворянина было почти в 6 раз больше имения его собрата в другом уезде, а имение разночинца — почти в 9 раз больше.

Эти крупные помещичьи имения вели такое же экстенсивное хозяйство, как и крестьяне. Часть имений обрабатывалась с помощью пришлых наемных рабочих, часть же сдавалась в аренду крестьянам. Арендные отношения между помещиком и крестьянином изучаемого нами района характеризуются большими остатками натурально-крепостнических форм. Так, например, при сдаче земли в аренду в Старобельском уезде в 1913 году процент денежной аренды был значительно меньше, чем в других уездах, а процент издольной и других неденежных форм сдачи — значительно выше.

Соотношение между формами сдачи земли в аренду.

Уезд	Денежная аренда	Издольная аренда	На других условиях
Старобельский	65,2	20,5	14,3
По губернии в среднем	87,8	6,4	5,8

В 1905 году в Старобельском уезде натурально-крепостнические остатки в арендных отношениях являлись преобладающими. За деньги помещики сдавали 31,8% площади, за отработки — 2,0%, из доли — 61,5%, смешанным способом — 4,7%. Следующие цифры говорят о том, какие именно помещичьи хозяйства стремились сдавать землю на полукрепостнических условиях: за деньги сдавали 41,7%, из доли — 46,3%, смешанным способом — 4,8%. Совершенно правы были авторы, производившие обследование, когда писали: «Сопоставляя число случаев с площадью данной земли, мы можем сделать заключение, что средний размер площади, приходящейся на одного владельца, больше при издольной и меньше при денежной аренде; и действительно, владелец сдает 115,6 десятины за деньги и 201,6 десятины из доли»[1]. Крупные владельцы сдавали землю главным образом за натуральные повинности.

Такая же точно картина сохранения в большей мере остатков крепостничества во взаимоотношениях между помещиком и крестьянином наблюдалась и в Константиноградском уезде. Условия сдачи земли в этом районе были следующие: в 1900 году съемка за деньги равнялась 49%, тогда как в других уездах она была значительно выше и доходила до 92%, равняясь по губернии 69%. Но по съемке за отработки Константиноградский уезд стоял на первом месте: аренда за отработки равнялась 41%, в то время как в губернии в среднем равнялась 12%.

Таким образом, в том районе, где крестьянское хозяйство наиболее быстро капитализировалось, обладало большими товарными излишками, было более индустриализовано, оно было в то же время больше всего связано крупным помещичьим землевладением и остатками крепостничества. Монопольный владелец основного средства с.-х. производства — земли — тормозил крестьянину приложение его средств производства к земле, не давал возможности расширить экстенсивную запашку, которая являлась основным средством капиталонакопления крестьянского хозяйства в этом районе.

Помещик преграждал путь к земле. Между тем стремление крестьянства к земле выражалось в этом районе особенно бурно

[1] «Материалы по оценке земель Старобельского уезда», выпуск IV— «Частновладельческие хозяйства», стр. 56.

не только в аренде, но и в скупке помещичьей земли. Процесс скупки помещичьей земли шел быстрее в степной полосе и медленнее на юго-западе. Безземельное и малоземельное крестьянство юго-степи имело возможность отхода в быстро растущую металлургическую и горную промышленность Екатеринославщины и Донбасса. Наоборот, на Юго-западе большого отхода в города не могло быть, и это создавало в деревне застойное перенаселение, резервную армию труда для помещика и его сельскохозяйственных предприятий. Помещику Юго-запада было выгоднее сохранять землю в своих руках, обатрачивая безземельное население деревни. Борьба здесь шла в 1905 году больше за зарплату, чем за землю, в степной же полосе Украины, наоборот, причиной столкновений с помещиками были земельные отношения, так как рабочие были, главным образом, пришлые, а не местные.

В 1862 году площадь землевладения равнялась (в тысячах десятин) [1].

	Степь	Лесостепь	Украина
Дворян	7 697	11 280	18 977
Селян (крестьян и казаков)	464	354	818
Прочих владельцев	737	138	875
Итого	8 898	11 772	20 670

Дворянское землевладение было господствующим. За истекшие 52 года — до 1914 года — дворянство распродало 9 217 тыс. десятин, т. е. почти половину принадлежащих ему запасов. Но процесс распродажи земли в разных районах шел с неодинаковой интенсивностью. Так, например, за истекшее время в лесостепи продано было 4 625 тыс. дес., т. е. 41% дворянской земли, а в районе степи 4 525 тыс. дес., т. е. 58,3%. Разница

[1] «Бюллетень ЦСУ Украины» за 1924 г., № 24 (56).

довольно значительная. 80% проданной земли было куплено крестьянами.

Сельское население за этот период времени возросло в лесостепи всего лишь, — если принять 1861—1865 годы за 100%, — до 224%, а в степи до 296%.

Количество же земельных сделок за истекшее время выросло в степи с 485 до 4 979, т. е. на 1 027%, а в лесостепи с 2 249 до 21 603, т. е. на 961%.

Количество земельных сделок, таким образом, выросло в 4 раза больше, чем население. Но если мы обратимся к площади земель, предлагавшейся к покупке, то обнаружим резкую диспропорцию с количеством сделок. Если количество сделок за истекшие 50 лет (от реформы до войны) увеличилось в 10 раз, то количество поступившей в продажу земли увеличилось лишь в 3 раза.

Количество сделок в степи росло быстрее, чем в лесостепи: в первом районе оно выросло в 10,2 раза, а во втором в 9,7 раза. Предложение же земель в степи выросло в 1,6 раза, а в лесостепи — в 3,3 раза. Поэтому наблюдается резкое падение размера сделки: в степи — с 400 дес. до 60, т. е. в $6^2/_3$ раза, а в лесостепи — со 125 до 24 дес., т. е. лишь в 5,2 раза.

Соответственно большему напору крестьянства на землю растут и цены на нее.

Рост цен на землю (в рублях).[1]

	Степь	Лесостепь	Вся Украина
1863 — 1865 годы	14	25	21
1866 — 1875 „	22	31	28
1876 — 1885 „	32	49	43
1886 — 1896 „	70	74	72
1896 — 1905 „	138	123	128
1906 — 1914 „	202	193	196

То есть цены в степи возросли в 14,5 раза, а в лесостепи всего лишь в 7½ раз.

[1] «Бюллетень ЦСУ Украины» за 1924 г., № 24 (56).

Цена десятины степной земли в годы, следовавшие за реформой, равнялась 48% лесостепной, а затем достигла 104%, обогнав цену лесостепной десятины. Если даже мы исключим из таблицы, рисующей рост цен земли в лесостепной полосе, Волынскую и Черниговскую губернии (губернии низких цен на землю), то и тогда картина в общем и целом не изменится. Цена лесостепной десятины (без вышеуказанных губерний) вырастает с 35 руб. в 1863—1869 гг. до 228 руб., степная же десятина — с 14 до 202 руб., т. е. с 48% цены лесостепной она догоняет ее, подымаясь до 89%. Стремительный натиск крестьянства степи на помещичью землю взвинчивал цены на землю и еще больше затруднял переход ее в руки крестьянства.

Обратимся теперь к анализу дифференциации внутри крестьянства разных районов.

Крестьянские хозяйства Украины по посевной площади в 1917 г. распадались на следующие группы (в %%) [1]:

Группы хозяйств	Степь		Лесостепь			
	Екатеринославск. губ. (1917 г.)	Одесск. губ. (в границах 1916 г.)	Черниг. губ. (1916 г.)	Полтавская губ. (1910 г.)	Харьковск. губ. (1913 г.)	Волынская губ. (1916 г.)
Беспосевные	28,8	17,3	5,9	5,2	18,6	9,1
До 1 десятины	5,2	7,0	21,9	21,1		12,6
От 1,1 до 3,0	14,0	17,1	22,3	22,6	21,5	40,8
« 3,1 « 6,0	16,3	20,4	29,9	25,0	19,5	26,6
« 6,1 « 9,0	12,1	13,2	20,0	12,6	14,2	7,2
« 9,1 « 15,0	12,9	25,0		9,0	20,2	3,7
« 15,1 и более	10,7			4,5	6,0	
Итого	100	100	100	100	100	100

[1] М. Б. Гуревич, К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины, Материалы к Всеукраинской партконференции, изд. ЦСУ Украины, 1925 г., очерк I.

Объединив все группировки в 3 группы: 1-я — беспосевные и малопосевные хозяйства, 2-я — среднепосевные и 3-я — крупнопосевные, получим следующую картину дифференциации по посевной площади (в %%):

Группы хозяйств	Степь		Лесостепь			
	Екатеринославск. губ.	Одесск. губ.	Черниговск. губ.	Полтавск. губ.	Харьковск. губ.	Волынск. губ.
Беспосевных и малопосевных (от 0 до 3 дес.)	48,0	41,4	49,1	48,9	40,1	89,1 [1]
Среднепосевных (от 3 до 9 дес.)	28,4	33,6	50,9 [2]	37,6	33,7	
Крупнопосевных (от 9 дес. и выше)	23,6	25,0		13,5	26,2	10,9
Итого . .	100	100	100	100	100	100

Сравнивая данные по степи с данными по лесостепи, обнаруживаем, что дифференциация дальше всего зашла в степи. Но данные расслоения по посевам не являются достаточными. Приведем данные расслоения по рабочему скоту в отдельных губерниях [3]. Мы не располагаем сведениями по всем губерниям.

---

[1] Критерием к определению посевных групп для Волынской губернии, как для губернии с более интенсивным хозяйством, является: для мелкопосевной группы—площадь до 2 дес., среднепосевной группы — от 2 до 6 десятин и крупнопосевной группы — свыше 6 дес.

[2] В виду отсутствия отдельных данных о количестве хозяйств от 6 до 9 дес., нельзя выполнить таблицу для Черниговской губернии.

[3] М. Б. Гуревич, К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины, очерк I. Изд. ЦСУ УССР.

Группы хозяйств	Полтавская губ. (1910 г.)	Харьковск. губ. (1913 г.)	Одесская губ. (1916 г.)
Без рабочего скота . .	36,8	26,9	42,8
С 1 головой	30,8	33,7	4,2
« 2 головами	19,6	26,8	35,3
« 3 головами	7,5	8,0	6,1
« 4 и более головами .	5,3	4,6	11,6
Итого	100	100	100

И здесь отчетливо можно проследить более глубокую дифференциацию в степной Одесской губернии, где процент хозяйств безлошадных и многолошадных больше, чем в прочих губерниях. Так, например, процент безлошадных в Одесской губернии был 42,8, в то время как в Полтавской и Черниговской губерниях он равнялся лишь 36,8 и 26,9. Многолошадных хозяйств (с 3 головами и более) в Одесской губернии 17,7%, в Полтавской и Харьковской — лишь 12,8% и 17,6%.

Зато средняя группа хозяйств в лесостепной полосе больше, чем в степи. Так, например, количество хозяйств с 1—2 головами в Полтавской и Харьковской губерниях равно 50,4% и 60,5%, а в Одесской — лишь 39,5% всех хозяйств. Количество хозяйств без рабочего скота в Екатеринославской губернии перед революцией было очень велико: в Екатеринославском округе (сюда входят б. Екатеринославский и Верхнеднепровский уезды) оно равнялось 51,85%, в Запорожском — 36,65% [1].

В виду отсутствия других данных для определения мощности отдельных социальных групп обратимся к распределению земли по количеству скота.

[1] «Статистический сборник Екатеринославской губернии», изд. ГИК, 1925 г., стр. 267.

Земли на 1 хозяйство	Полтавская губерния (1910 год)					
	Без раб. скота	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	С 4 гол. и более. гол.	Всего
До 1 десятины	**74,5**	30,4	4,3	0,6	0,2	100
От 1,1 до 3 дес. . .	47,4	38,6	11,3	2,0	0,7	100
« 3,1 « 6 « . .	22,1	**45,2**	24,7	5,9	2,1	100
« 6,1 « 9 « . .	9,8	33,5	37,4	13,1	6,2	100
« 9.1 « 15 « . .	5,4	18,1	**38,4**	22,4	15,7	100
« 15,1 дес. и бол. .	2,8	7,1	25,6	**27,2**	**37,3**	100

Для сравнения приведем данные по степной Одесской губернии.

Земли на 1 хозяйство	Одесская губерния (1916 год)					
	Без раб. скота	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	С 4 гол. и более гол.	Всего
До 1 десятины	**91,0**	3,0	5,0	0,4	0,6	100
От 1,1 до 3 дес. . . .	71,8	5,6	21,5	0,7	0,4	100
« 3 « 7 „ . . .	26,5	**7,3**	**59,2**	3,7	3,3	100
« 7 « 11 „ . . .	3,5	1,9	46,5	**15,3**	**32,8**	100

Не продолжая дальше нашего анализа, сделаем основные выводы:

1) Процесс дифференциации крестьянства в степи накануне революции зашел значительно дальше, чем в лесостепи.

2) Степь имела большее количество бедняцких элементов, чем лесостепь.

3) Середняцкая прослойка между этими двумя группами была значительно тоньше в губерниях степи, чем в губерниях лесостепи. Середняк все же являлся основной группой деревни.

4) Середняк степи был более зажиточен, чем середняк лесостепи: первый, в основном, был двухлошадник, владея от 3 до

9 десятин посева, второй являлся однолошадным, при том же количестве десятин посева.

Казалось бы, что значительные кадры бедноты в губерниях юго-степи должны были влиять и на общую политическую физиономию края. Но особенностью этого района было то, что беднота фактически не влияла на жизнь деревни, так как при наличии крупной индустрии вся она отсасывалась в нее, в деревне оставались середняк и зажиточный. Обуржуазивающиеся слои деревни и помещик пользовались пришлыми с Севера батраками, а не местными. Пришлые батраки, как сезонные, отработав, уходили, и деревня целиком оставалась без влияния бедняцких элементов.

Но если на деревню не могла оказывать непосредственного влияния беднота, то большое влияние, революционизирующее психику середняка, оказывали индустриальный город и вкрапленные между деревнями рудники, шахты, заводы и т. п.

Юго-степная полоса Украины резко отличается от прочих и по характеру своей промышленности. Промышленность Украины знает две главных отрасли — горную и металлообрабатывающую, в юго-степной полосе, и пищевую—в остальных 6 губерниях. Насколько резко произошло разделение отраслей промышленности по районам, — свидетельствует следующая таблица состояния промышленности в 1912 году[1].

Горная и металлообрабатывающая промышленность.

	По „тройке“		По „шестерке“	
	Абсолют. число	В %% к общему числу на Украине	Абсолют. число	В %% к общему числу на Украине
Число предприятий . .	571	17,2	167	4,8
« рабочих	247 809	53,7	17 181	3,7
Стоим. производства в тыс. руб.	3 183 619	32,8	34 223,9	2,8

[1] Михельс, Промышленные районы Украины, в сборнике «Материалы по районированию Украины», изд. Госплана УССР, Харьков, 1923 г., стр. 136.

Таким образом мы видим, что количество горных и металлообрабатывающих предприятий в юго-степи в 3 раза больше общего количества предприятий этой отрасли в прочих 6 губерниях, где преобладают мелкие предприятия с малым количеством рабочих и с низкой стоимостью своей продукции. Количество рабочих в горной и металлообрабатывающей промышленности «тройки» равнялось 53,7% всего количества рабочих Украины, а на предприятиях «шестерки» сравнительно ничтожный процент — 4,1; соответственно этому и стоимость продукции относилась как 32,8 к 2,8.

Совершенно противоположную картину представляет соотношение по районам в пищевой промышленности (сахарные заводы, винокуренные заводы и т. д.)[1].

Пищевая промышленность.

	По „тройке“		По „шестерке“	
	Абсолют. число	В %% к общему числу на Украине	Абсолют. число	В %% к общему числу на Украине
Число предприятий . .	430	12,9	1 041	31,3
„ рабочих	15 456	3,2	105 700	22,9
Стоим. производства в тыс. руб.	113 499,9	10,7	513 382,5	43,9

Количество предприятий пищевой промышленности по «тройке» в 2½ раза меньше количества по «шестерке», рабочих меньше в 6 раз. Таким образом, пищевая промышленность сосредоточилась в районе губерний «шестерки». Рабочие этих двух отраслей промышленности являлись основной базой пролетариата Украины (83,8% всего количества). Различные типы рабочих в разных районах предопределяли и то влияние, какое пролетариат оказывал на деревню. В пищевой промышленности Украины, представленной винокуренными и сахарными заводами, работал малоквалифицированный рабочий, больше свя-

[1] Михельс, Промышленные районы Украины, в сборнике «Материалы по районированию Украины», изд. Госплана УССР, Харьков, 1923 г., стр. 136.

занный с деревней, обладающий меньшей революционной выдержкой и традициями, чем горняки и металлисты «тройки». При этом надо принять во внимание, что последние были сконцентрированы на сравнительно небольшом пространстве губерний «тройки». Более того: из 247 809 металлистов и горняков «тройки» на долю Екатеринославской губ. приходилось 215 496 чел., т. е. свыше 80% всех украинских горняков и металлистов. Эта же губерния, бывшая во время гражданской войны ядром махновщины, впитала в себя значительное количество рабочих всех специальностей; еще в 1912 году общее количество рабочих здесь равнялось 234 107 чел., что составляло 50,7% всего украинского пролетариата.

Индустриальный город юго-степи форсировал развитие товарного характера крестьянской продукции, разложение остатков крепостничества и обострял противоречие между господством капиталистических отношений в городе и полукрепостнических в деревне, тормозивших развитие производительных сил сельского хозяйства.

Города Юго-запада, в особенности многочисленные местечки, были либо административными центрами, либо торговыми посредниками между деревней и крупной индустрией чужих районов. Трудящиеся элементы городов и местечек Юго-запада состояли почти исключительно из ремесленников. Отсюда и различие в революционном влиянии на деревню города юго-степи от города Юго-запада. В районе юго-степи против гетмана первыми поднялись николаевские металлисты, против него боролись екатеринославские рабочие, восстала рать горняков и железнодорожников. На Юго-западе против гетмана выступали киевские арсенальцы и железнодорожники. Деревня юго-степи называла тогда себя большевистской. Она дала в большевистский отряд т. Колоса, сформированный екатеринославским подпольным губревкомом в период борьбы с гетманом, до 6 000 бойцов. Сводки губернских старост при гетмане отмечают в деревнях Екатеринославской губернии действия «большевистских банд». В других губерниях Украины борьбой против гетмана руководили петлюровцы. Были, правда, в них и явно большевистские партизанские отряды, но они формировались не в городах или местечках, а в деревне, среди батрачества и полубатрачества.

Особенно сильны были отряды в Таращанском уезде Киевской губернии, богатом сахарными заводами.

Точно так же и антисоветское крестьянское движение юго-степи имело иную политическую физиономию, чем антисоветское крестьянское движение Юго-запада. Пролетарский район оказывал свое влияние на деревню. Всякое мелкобуржуазное движение в степи, даже явно антисоветское, считаясь с наличием больших пролетарских масс, должно было выставлять себя не только защитником крестьянства, но и пролетариата. Критика советской власти должна была рядиться в тогу революционности, в критику «слева». Поэтому-то махновцы выставляли себя представителями не только крестьянских, но и рабочих интересов, хотя вся политика их была чисто крестьянской, и в краткий период их господства в городе Екатеринославе политика эта если не была направлена в ущерб пролетарским интересам, то во всяком случае игнорировала их. В этом была особенность махновщины, ибо все прочие «зеленые» движения выступали с открытой антирабочей программой (антоновщина и др.).

Влияние пролетарского города на деревню сказалось еще и в том, что руководителями махновщины были не только крестьяне, а и рабочие и полурабочие. В штабе всей махновской армии был ряд рабочих (Махно — б. рабочий-столяр, Белаш, начальник штаба, — рабочий-металлист, Чубенко — металлист-железнодорожник, Аршинов — металлист, и т. д.) [1].

---

[1] Забегая вперед, отметим, что корни этого явления лежали в том, что в основном махновское движение было антикрепостническим. «Мы отчетливо видим две струи в крестьянском движении. Одна струя, которую можно назвать пролетарской струей, — влияние рабочей революции в промышленном районе ... Это одна сторона движения. Другая сторона движения — это крестьянское движение, возглавлявшееся местными зажиточными элементами. Если исходить из той мысли, что крестьянское движение было результатом роста капитализма в деревне и столкновения двух капитализмов — мужицкого, с одной стороны, и помещичьего, с другой,— то следует ожидать, что руководить движением будет зажиточное крестьянство. Но этого не было». (Покровский, Речь в Обществе историков-марксистов, см. «Историк-Марксист», № 1, стр. 269). Хотя это говорилось о 1905 годе, но это справедливо и по отношению к гражданской войне. Махновщина, зародившаяся и развившаяся в районе высокоиндустриальном, черпала своих руководителей и из среды пролетариата, но, понятно, не представителей пролетариата.

Руководителями же антисоветского, националистического по преимуществу, крестьянского движения на Украине были почти исключительно народные учителя или бывшие офицеры (Тютюник, Струк, Соколовский, Мазуренко и т. д.).

Еще одно резкое различие между степью и лесостепью, вызвавшее различный характер крестьянского движения в обоих районах, было в национальном вопросе. Крестьянское движение юго-степи в 1918—1919 гг., как в период борьбы против гетмана, немцев и Деникина, так и против советской власти, шло под ярко интернационалистическими лозунгами. В резолюциях крестьянских съездов махновского района подчеркивается борьба за социальную революцию. Движение же крестьянства Юго-запада, даже революционное, имело националистический привкус, а антисоветское шло под ярко шовинистическим лозунгом. Это проистекало из ряда социально-экономических причин.

Соотношение (в процентах) между городом и деревней по национальному признаку по всей Украине было в 1923 году следующее:

Национальность	В городе	уездах
Украинцев	32	83
Русских	34	7
Евреев	25	5
Немцев	2	2
Поляков	3	1
Прочих	4	2
Итого	100	100

В городах, таким образом, 68% населения принадлежало иным национальностям, причем больше половины — 59% — падало на две национальности — русских и евреев; украинцы составляли лишь $^1/_3$ населения городов. Наоборот, в деревне лишь 17% не принадлежало к украинской национальности.

Но не только по своему национальному составу город был чужим для крестьянина. Город покупал крестьянский хлеб и продавал деревне товары городской продукции. Если мы обратимся к вопросу, кто торговал продуктами крестьянского хозяйства в губерниях Украины, то обнаружим весьма интересное явление. Этими продуктами торговали в некоторых районах Украины почти исключительно евреи. В России, по переписи 1897 года, 38,4% евреев занимались торговлей и лишь 3,5% сельским хозяйством. Торговали евреи, главным образом, товарами крестьянского рынка: хлебом, скотом, зерном, машинами, металлами и тканями. На Украине процент евреев-торговцев в вышеуказанных отраслях торговли был очень высок: в губерниях Подольской, Киевской, Волынской торговля почти целиком находилась в руках евреев. В Киевской губернии процент евреев, занимавшихся торговлей вообще (без точного определения), составлял 75,8% всех торговцев, в Подольской губ. — 90,6%, в Херсонской — 62,9%, а в Таврической — всего лишь 27,4% и в Екатеринославской — 40,2%.

Евреи занимали командующую роль и в торговле продуктами крестьянского хозяйства на Украине. Так, например, процент евреев, торгующих живым скотом, к общему количеству торговцев этим товаром равнялся в Киевской губ. 78,1%, в Подольской — 89,8%, в Херсонской губ. — 71,9%, а в Таврической — всего лишь 10,8% и в Екатеринославской — 21,1%. В торговле зерновыми продуктами в Киевской губернии евреи составляли 98% всех торговцев зерновыми продуктами, в Подольской — 98,5%, в Херсонской — 82,5%, а в Таврической — лишь 44,6% и в Екатеринославской — 72,6%.

Крестьянин, везя продукты своего труда в город или в местечко, мог в некоторых губерниях продать их только еврею. Естественно, что в этих губерниях, где евреи-торговцы составляли ³/₄ всех торговцев или даже 98%, классовый и групповой антагонизм находил свое выражение в безудержном шовинизме; и здесь крестьянство действительно было охвачено таким шовинизмом. Торговый капитал, разорявший крестьянина низкими ценами на продукты сельского хозяйства, наживавшийся за счет разорения крестьянской массы, персонифицировался в сознании крестьянина лесостепи в фигуре еврея-торговца, бывшего почти

монополистом на рынке с.-х. товаров лесостепи. Такого представления о еврее, как о причине своих бед, не могло создаться у крестьянина Таврии и Екатеринославщины, поскольку евреи-торговцы продуктами сельского хозяйства здесь были в сравнительном меньшинстве.

Другой отличительной особенностью махновского района было то, что земледелием занимались здесь не только украинцы, но и целый ряд других национальностей (болгары, сербы, немцы, греки и евреи). В то время как на Юго-западе земледельцами являлись только украинцы, а евреи жили исключительно в городах, в центре махновщины, в уездах Мариупольском и Александровском, были расположены 17 еврейских земледельческих колоний (в Александровском — 10 и в Мариупольском — 7). В этих уездах еврей-крестьянин был свой брат, находившийся в одинаковых отношениях с помещиком, как и крестьянин-украинец. Помещик юго-степи также принадлежал к одной с основной массой крестьянства национальности, и поэтому классовая борьба с помещиком не облекалась в форму национальной борьбы и должна была итти под интернационалистическими лозунгами, поскольку в нее втягивалось многонациональное крестьянство махновского района.

В юго-западной и Правобережной Украине картина была иная. Здесь между помещиком и крестьянином классовая борьба должна была принять национальную окраску. Из крупных поместий, площадью от 50 до 250 десятин (по исчислению польской статистики), на Волыни польским помещикам принадлежало 47% всех владений и 33% средних имений; в Подольской губ. — 55% крупных имений и 23% средних и в Правобережной Украине — 44% крупных имений и 18% средних [1].

Таким образом, в сознании крестьянина юго-степи не могло быть острого противопоставления города и деревни в национальном отношении. Сама деревня не была компактна по своему национальному составу. Торговый капитал, закабалявший и разорявший крестьянина, не был персонифицирован в фигуре еврея-торговца. Наоборот, в юго-западной и Правобережной Украине деревня была единонациональной по своему составу и могла быть

[1] К. Радек, Война польских белогвардейцев против Советской России, стр. 5 и 6.

противопоставлена в этом отношении городу. Торговую посредническую функцию по скупке крестьянских товаров и продаже им продуктов города нес еврей-торговец. Отсюда росли корни антисемитизма в крестьянском движении Юго-запада. Помещик выступал в сознании крестьянина не только как классовый враг, но и как национальный враг. Отсюда—крайний шовинизм в крестьянском движении Юго-запада.

Выяснив всю совокупность социально-экономических связей между городом и деревней в каждом из этих двух районов, классовые противоречия между крестьянством и помещиками и расслоение в крестьянстве, можем приступить к анализу самой махновщины, не забывая всех тех особенностей, выявлению которых посвящена была данная глава.

ГЛАВА II.

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОВСТАНЧЕСТВА МАХНОВЩИНЫ.

Махновщина знает три периода. Первый — период революционного повстанчества; он начинается с оккупации Украины немцами и продолжается до начала 1919 г. Почти весь этот период проходит в борьбе с гетманщиной и немцами. Второй период — от водворения советской власти в начале 1919 г. и до нэпа. В это время ведется попеременно борьба с советской властью, Деникиным и Врангелем. Этот период характерен лихорадочным метанием махновского движения между революцией и реакцией. Третий период — с начала нэпа на Украине вплоть до ухода последних остатков махновцев с территории Украины (конец 1921 г.) — проходит в борьбе исключительно с советской властью.

В 1917 г. Гуляй-Поле переживает обычную для многих деревень полосу борьбы с помещиками, которую проводит местный земельный комитет. Во главе его стоит Махно, недавно выпущенный из Бутырок и возвратившийся в родное село. Здесь он становится товарищем председателя местного волостного земства. Местная гуляйпольская группа анархистов была возмущена тем, что анархист становится «у власти». Махно заявил, что необходимо, дескать, буржуазию выбрасывать и занимать ответственные посты. Он не ладил с местными работниками земства, убил одного офицера, работника волостного земства, фактически разогнал земство и стал председателем его и районным комиссаром. На почве убийства этого офицера у него вышел конфликт с уездным комиссаром Временного правительства Михно. Михно попытался разоружить сорганизованный Махно отряд. Это ему

не удалось, и тем самым Гуляйпольский район стал до Октября «вольным районом».

В этом районе крупного помещичьего землевладения уездные земельные комитеты, если не могли прямо воспрепятствовать переходу помещичьей земли в руки крестьян, пытались тормозить проведение большевистских декретов в жизнь. Так, например, 14 декабря 1917 г. Времьевский районный волостной земельный комитет Мариупольского уезда Екатеринославской губернии (Времьевка — один из коренных очагов махновщины, дававших Махно постоянно повстанцев и материальную помощь), направляет «в Временное рабочее и крестьянское правительство, Народному Комиссару» письмо, в котором «просит министерство земледелия все законы и декреты по земельному вопросу и прочие законы, касающиеся крестьянства, при возможности высылать на имя волостного районного земельного комитета, так как уездные и губернские комитеты, благодаря тому, что в них находятся сама буржуазия и кадеты, постановления Временного рабочего и крестьянского правительства не пропускают на места волостным комитетам, а, наоборот, издают сами противозаконные постановления — закону Временного рабочего и крестьянского правительства» [1].

В августе месяце Гуляйпольский районный земельный комитет берет на учет все помещичьи земли и инвентарь для распределения по уравнительно-трудовой норме между крестьянами. Попытки сопротивления представителя Временного правительства, уездного комиссара Михно, не помогают: помещичье хозяйство фактически ликвидируется еще до Октября. Политика волостного земельного комитета направлена в пользу бедноты и середняков, кулак не в фаворе, он еще не думает о том влиянии, какое он приобретет на Махно, и о том, как скоро Махно собственными руками будет разрушать свое дело.

Получив помещичью землю, гуляйпольское крестьянство успокаивается и от политических вопросов отходит.

Во время правления Центральной рады крестьянство махновского района пассивно встретило закон о праве владения землей

---

[1] Архив межевой части Наркомзема РСФСР, дело № 307, Екатеринославская губ., л. 2. Цитируем дословно.

до 40 дес. на хозяйство. Гуляйпольская группа анархистов хотя и критиковала Центральную раду, но большой поддержки себе в этом со стороны крестьянства не получила.

Запрещение Центральной рады вывозить в Россию хлеб, фураж и уголь из Донбасса крестьянина мало интересовало. Крестьянство было пассивно во время дальнейшей борьбы Центральной рады с Советами. Землю оно уже захватило, было занято ее дележкой и усиленно готовилось к весенним полевым работам. Борьба Советов с Центральной радой шла дальше его устремлений, поскольку эта борьба велась уже между социалистическими и буржуазно-демократически-националистическими принципами; помощь же в виде «благодарности» советской власти крестьянство не намерено было оказывать. Против Центральной рады действовала исключительно Красная гвардия; старые полки царской армии, правда, поддерживали приходящую советскую власть, — вернее, они не дрались с ней, а разбегались по домам или, как выразился Ленин, голосовали пятками за мир.

Крестьянство не желало воевать, и, так как Махно в качестве анархиста был за революционную войну с немцами, то оно изменило ему.

Махно организовал против немцев хорошо вооруженный отряд из бывших регулярных солдат. Но отряд этот без боя перешел на сторону немцев под командой начальника штаба отряда, бывшего офицера, и Махно ночью должен был тайком бежать. Пять вагонов винтовок, вагон патронов, 6 орудий, из них 2 шестидюймовых и остальные трехдюймовые, с 12 вагонами снарядов, переданные махновскому отряду Белинковичем, одним из командующих Красной гвардии на юге России, попали врагу [1].

Во многих местах Таврической губернии крестьянство встречало немцев либо равнодушно, либо приветствовало их, как избавителей от большевиков. Но немецкая оккупация скоро дала себя почувствовать.

Вернувшийся помещик потребовал от крестьян возвратить ему не только его землю, но и возместить все убытки, вызванные революцией. Так, например, помещик Одесского уезда Габриэль, не довольствуясь обратным получением инвентаря, земли и скота,

---

[1] Запись показания Чубенко. Музей ГПУ УССР.

розданных в период большевизма земельным комитетом села, потребовал обратно продукты, розданные голодавшим безземельным крестьянам, оценивая нанесенный ему убыток в 233 000 руб., а также требовал выдачи агитаторов [1]. (То же имело место по всей Украине).

Но крестьяне платить не хотели и не могли. На площади по настоянию помещика было собрано все мужское население, которое, в ответ на требование помещика, заявило, что все несут ответственность за случившееся и что денег у них нет. «В большинстве случаев, — пишет газета, — основанием для конфликтов между помещиками и крестьянами, получившими помещичью землю для эксплуатации от земельных комитетов, является вопрос о вознаграждении помещикам за нынешний земледельческий год. Предложение крестьянами арендной платы в большинстве случаев не удовлетворяет помещиков, настаивающих на предоставлении им части урожая, без которой они лишены будут в будущем году возможности засеять свои поля. Вызывают также споры и размер части урожая, требуемой помещиком. Австрийское командование завалено ходатайствами помещиков о присылке в те или иные пункты небольших отрядов» [2].

Другим хищным претендентом на крестьянский хлеб была империалистическая Германия. Оккупация страны, оказанная вначале помощь Центральной раде, а затем свержение ее и утверждение гетмана преследовали одну цель — обеспечить истощенную антантовской блокадой Германию хлебом и сырьем.

«„Хлебный мир“ (так называли в Германии мир, заключенный с Центральной радой) грозил разорить всю страну. Между Украинской народной республикой и Австро-Германией было заключено два договора. Второй договор входил в силу в конце августа 1918 г. По этому договору, до 1 июля 1919 г. Украина должна была дать Германии 75 млн. пуд. хлеба, 11 млн. пуд. живого скота, 30 тыс. живых овец, 1 млн. гусей, 1 млн. другой птицы, 4 тыс. пуд. сала, 60 тыс. пуд. масла и сыра и 400 тыс. ежемесячно мясных консервов, 2½ тыс. вагонов яиц, 2½ млн. пуд.

[1] «Киевская Мысль», № 10.
[2] Там же.

сахарного песку, 20 млн. литров спирта, затем еще кожу, шерсть, дрова, лес и пр.»[1].

«Союз земельных собственников, — писал корреспондент «Коммуниста», — продолжает получать тревожные вести из деревень, где в связи с приближением времени снятия урожая настроение становится все более и более напряженным. Но еще показательней настроение среди крестьянства. Деревня сейчас вся бурлит. Даже официальное УТА вынуждено признать наличность большого количества серьезных аграрных волнений в различных уездах. Деревня, очевидно, совсем не намерена примириться с восстановлением старых земельных отношений. За последнее время в целом ряде мест возрождаются определенно большевистские настроения. Крестьяне необычайно озлоблены и заявляют, что землю у них, пожалуй, могут отнять силой, но хлеб, который был посеян, они скорее сожгут, чем отдадут насильникам»[2].

Крестьянство не хотело отдавать своего хлеба. Оно давало вооруженный отпор немецким отрядам, приходившим за хлебом, оно уничтожало посевы, лишь бы они не достались врагу.

«... Озлобление против немцев очень сильное даже среди обывателей, за вывозимые товары, — писал в своем докладе в Оргбюро ЦК КП(б)У агент ЦК. — Товары вывозятся все, както: хлеб, чай, свечи, материя, обувь и т. п. (хлеб в Киеве 2 руб. 50 коп. фунт). На этой почве у крестьян с немцами происходят большие столкновения; например, в Таращанском, Звенигородском и Каневском уездах потоплены крестьянами пароходы с транспортом, вывозимым в Германию. При этом крестьяне всюду верят, что придут большевики из Московщины и помогут им бороться против немца. Наиболее возможное время для восстания — время жатвы; к этому времени готовятся и крестьяне, но в некоторых местах крестьяне восстают, когда у них отбирают хлеб; конечно, такие случаи всегда кончаются печально: их разоружают, или они сами сдают оружие»[3].

---

[1] Раковский, Отчет рабоче-крестьянского правительства на IV Съезде советов УССР, стр. 6.

[2] «Коммунист», орган ЦК КП(б)У, 1918 г., № 1—2.

[3] Там же.

«Хлеб на базары не вывозят, — невыгодно продавать по „твердой“ цене, установленной немцами, по 2 р. 50 к. за пуд. Много надежды возлагают крестьяне на города, — ждут оттуда „выручки“ из их тяжелого положения» [1].

«Благодаря упорству сельского населения закупка зерна хлебным бюро в Екатеринославской губернии подвигается медленно. По киевским нарядам на весь май отправлено 100 тысяч вместо 400 тысяч. Сейчас закуплена партия в 72 тыс. пудов, из них Киеву предназначено 4 тыс. пудов, Донецкому бассейну — 17, Екатеринославу — 31, Запорожской дороге — 20 тыс. пуд.» [2].

Когда пришел период жатвы, недовольство перешло в открытое выступление против немцев и помещиков. «Из достоверных источников сообщают о волнениях крестьян в Радомысльском, Звенигородском и Елисаветградском уездах. Крестьяне грабят помещиков, жгут леса и уничтожают посевы. Приняты меры» [3].

Крестьянство Украины во вторую половину мая и первую июня 1918 г. вступило в борьбу с немцами и помещиками. Крестьянство жгло и громило усадьбы помещиков, организуя отряды, нападало на гетманские и немецкие части. Те не оставались в долгу и на всякий антипомещичий акт отвечали оружием. Телеграмма из Екатеринослава от 1 июня сообщала: «Участились нападения на экономии в Верхнеднепровском и Екатеринославском уездах» [4].

«Военное министерство получило сведения, что в Каменском уезде начались беспорядки: убито 5 солдат, 1 офицер, ранен один офицер правительственного отряда. В некоторых местах Звенигородского уезда крестьяне обстреливали карательные отряды, отвечавшие артиллерийским огнем; с обеих сторон — жертвы. Прибыли немецкие войска» [5].

«Из Елисаветградского, Ананьевского и других уездов поступили тревожные сведения о конфликтах с крестьянами, нередко заканчивавшихся кровавыми столкновениями. В некоторых случаях, как, например, во Владимирской и Панчевской воло-

---

[1] «Наш Юг», № 79, от 8/VI.
[2] «Наш Юг», № 76, от 5/VI.
[3] «Русский Голос», № 79, от 8/VI.
[4] «Южный Край» № 41.
[5] «Южный Край», № 49, телеграмма из Киева от 11/VI.

стях Елисаветградского уезда, между крестьянами, вооруженными не только ружьями, но даже пулеметами, и австрийскими отрядами происходили настоящие сражения, результатом которых явились 10 раненых с обеих сторон... Стычки возникают из-за помещичьей земли, которую крестьяне отказываются возвратить, а также из-за урожая на помещичьих землях, захваченных и обработанных крестьянами. В большинстве случаев крестьяне настаивают на уплате помещикам нормальной арендной платы за захваченную землю, но отказываются выдать помещикам часть урожая вместо арендной платы, на чем настаивают помещики. В уезды посланы подкрепления» [1].

Такими сведениями, поступавшими почти из всех уездов, были полны газеты. Особенно активно боролись крестьяне Таращанского уезда Киевской губернии, где полупролетарское население, работавшее на плантациях сахарных заводов, дало большевистские отряды, и крестьяне Чигиринского уезда, где для борьбы с немцами были благоприятные географические условия — леса и пещеры; здесь скрывались крестьянские отряды.

Крестьянство Екатеринославской губернии боролось не менее активно, чем крестьянство других районов. Приведем газетные сообщения относительно Екатеринославской губернии лишь за один месяц (июнь), они достаточно выпукло рисуют обстановку.

В телеграмме из Екатеринослава от 5 июня сообщалось: «В целом ряде сел продолжаются столкновения между крестьянами и австрийцами. Получены тревожные сведения из Пришиба, где крестьяне сжигают хлеба, из Березовки и Осиновки, где столкновения сопровождаются человеческими жертвами и арестами. В Каменке арестовано 45 человек, в том числе члены Брянского заводского комитета» [2]. Крестьянство на это отвечало поджогами имений.

«Убытки, причиненные поджогами имений в Новомосковском уезде, миллионные. Особенную ценность представляло

---

[1] «Киевская Мысль», № 100, телеграмма из Одессы от 10/VI.

[2] «Киевская Мысль», № 97.

имение Мизко, Корбиновка, с богатой библиотекой и архивом» [1].

Вооруженные нападения на помещиков являются наиболее обычными методами борьбы. В Александровском уезде убит помещик Синегуб и разграблен Софийский винокуренный завод [2]. «В Екатеринославском уезде совершено вооруженное нападение на имение Герсевановой. Взорван дом, убиты управляющий и сторож, ранены девушка и двое детей» [3]. То же имеет место и в других уездах. В городе Верхнеднепровске «дважды совершено вооруженное нападение на Филиппова (местный богатый помещик. *М. К.*). Бандиты скрылись» [4]. «В ночь на 10 июня на хуторе Дубовском, Павлоградского уезда, было совершено вооруженное нападение на усадьбу гр. Сумарокова. После перестрелки с казаком, охранявшим усадьбу, злоумышленники скрылись. Совершено вооруженное нападение на усадьбу Д. Чечель» [5].

В середине июня крестьянские волнения захлестывают всю губернию. В Екатеринославской губернии нет ни одного спокойного уезда. «Нападения и грабежи в губернии приняли угрожающий характер, — сообщала «Киевская Мысль» от 20/VI 1918 г. — Банды разбойников терроризуют все население. Чтобы судить об их работе, достаточно привести статистику вчерашнего дня. В Александровском уезде совершено нападение на ново-гупаловскую земскую управу, ограблено 10 500 рублей. Совершено нападение на помещиков Ковалева и Миргородского, последний ранен. Нападение на дом Конько сопровождалось убийством 7 человек. Убит управляющий имением Ивакин. Ограблено 20 000 руб. у помещика Бутько. В Новомосковском уезде сожжены дом, хутор и Веровская экономия кн. Урусова. В имении Литвинова вырезан весь состав служащих. В Бахмутском

---

[1] «Киевская Мысль», № 97.

[2] «Южный Край», № 53.

[3] «Слово» от 18/VI.

[4] Иной терминологии, как «бандиты», «бандитские шайки», «банды разбойников» и т. д., буржуазные газеты к бунтующему крестьянству не применяли.

[5] «Слово» от 18/VI.

уезде, при нападении на имение Литвиненко, убито трое. В Верхнеднепровском уезде грабителями убиты Перетятько и вся его семья. При нападении на дом Сендерея ограблено 2 000 рублей. В Славяносербском уезде ограблена и расстреляна семья Неказанова. В дом Вертового брошена бомба, взрывом убита его жена. В самом городе Екатеринославе также грабежи и нападения».

Если присоединить ко всем этим фактам растущие волнения среди пролетариата, — картина станет ясна. Горняки, наиболее революционная часть донецкого пролетариата, готовились к вооруженному восстанию. «Южный Край» в № 46 сообщал, что в Никитовке обнаружен большой запас оружия, преимущественно винтовок разных систем. В самом Екатеринославе приказом коменданта от 3 июня воспрещены были не только митинги и манифестации, но даже скопления около торговых помещений.

Перейдем теперь к рассмотрению собственно махновского движения.

Махно находился в России, где кочевал по различным городам вплоть до июня 1918 г., когда после посещения Москвы решил ехать на подпольную работу на Украину. Вначале, как рассказывает в своих показаниях один из его ближайших друзей, он предполагал организовать небольшую террористическую группу для убийства отдельных руководителей гетманщины, а если удастся, то и самого гетмана Скоропадского [1]. Но оказалось, что организованная Махно группа выросла в целую армию, а его намерение — в большое движение. Первые шаги этой группы описывает в своем показании тот же Чубенко.

Законспирировавшиеся Махно со своим попутчиком пробрались через немецкие посты на границе Украины и в одежде офицеров добрались до родного села, где собрали первую пятерку, с которой и начали действовать. Первым делом группа отправилась в экономию помещика Резникова и уничтожила всю семью, так как в ней было 4 брата-офицера и все служили в «державной варте» (гетманской полиции). Здесь же были добыты первые 7 винтовок, 1 револьвер, 7 лошадей и 2 седла. Этим актом начинается

[1] Насколько верно это, — трудно сказать. Следует вообще отметить, что автор этого показания, Чубенко, в своих показаниях в ГПУ УССР преувеличивает свое значение в движении. Желая выгородить себя и вообще обелить движение, он хвастает революционными подвигами своими и «батьки».

повальное уничтожение помещичьих семей. В мундирах «варты» члены отряда проникают на бал в помещичью семью Миргородских и, заняв все выходы, убивают всех, кто, убегая, попадал в устроенные махновцами засады. Отряд пополняется лошадьми, оружием и седлами. Имение сжигается. Таким типично крестьянским методом расправляется Махно с помещиками. Его отряд постепенно растет, он дает несколько боев австрийцам, пришедшим установить порядок в Гуляй-Поле. Теснимые австрийцами, махновцы уходят в соседний район; австрийцы в отместку жгут крестьянские хаты. Отряд пополняется свежими крестьянскими силами и сам ищет боя с австрийцами, чтобы отомстить за разоренное добро. Махновцы выступают в глазах массы представителями крестьянских интересов, защитниками от оккупантов. Не только победы, но и поражения усиливали махновцев, так как оккупанты наказывали мирное население за содействие повстанцам, и это заставляло молодежь уходить в повстанческие отряды. Ко времени свержения гетмана у Махно набралось свыше 400 человек, с которыми он отправился из Гуляй-Поля на Синельниково, на помощь екатеринославским большевикам.

В Екатеринославе в это время происходили крупные события. 22 декабря 1918 г. представителями украинской Директории был разогнан Совет рабочих депутатов. В ответ на разгон большевики объявили забастовку. 25 декабря военно-революционный штаб предъявил украинскому штабу ультиматум, требуя освобождения арестованных до того трех коммунистов, угрожая вооруженным выступлением. «26 декабря 1918 г., — рассказывает в своей брошюре т. Лебедь, — петлюровскими частями под командой Милашко был разоружен Кайдакский военно-революционный штаб. Областком КП(б)У уже мобилизовал свои силы для вооруженного восстания против петлюровцев и захвата власти. Областком КП(б)У имел общую директиву от Центрального комитета партии на предмет захвата города: для наиболее успешной борьбы, если будет необходимо, войти в соглашение с Махно. Ранее установленная областкомом связь с ним дала возможность вызвать Махно в Нижнеднепровск. На предварительном заседании областкома, при обсуждении соглашения, часть членов областкома и некоторые рабочие высказались против соглашения, считая Махно простым разбойником и

не желая подрывать авторитета советских повстанческих войск, ссылаясь на то, что рабочие в своей массе смотрят на Махно как на грабителя. Однако большинством было решено войти в соглашение. Вечером того же дня прибыл Махно со 100 всадниками и 400 пехотинцами. На соединенном заседании областкома, Екатеринославского ревкома, командования частей Махно и наших при обсуждении вопроса о наступлении на город Махно и часть его командиров колебались, высказывая неуверенность в своих силах. Однако сообщения из города, что происходящий съезд крестьян, созванный почти со всей губернии, осудил политику Директории, в частности за разгон Екатеринославского совета рабочих депутатов, а также предположение, что один из артиллерийских командиров петлюровских войск, Мартыненко, готов перейти на сторону советских войск, окончательно сломили колебания Махно» [1].

Следует отметить, что Екатеринославский губревком, состоявший из большевиков, имел свои вооруженные силы, численность которых равнялась 1 500 человек (позже, к приходу Красной армии, силы выросли до 6 000 человек) [2]. Но все эти силы под командой т. Колоса находились на линии станций Просяная—Чаплино — Синельниково, где держали фронт против наступавших белых. Район, занятый этими силами, был очищен от немцев и петлюровцев. Махно со своими силами подчинялся штабу отряда и Екатеринославскому губревкому. Тов. Колос выделил Махно и часть своих сил под командой Тесленко на помощь Екатеринославу, оставив основные силы на фронте. С приходом этих сил восстал екатеринославский пролетариат.

Ход восстания корреспондент меньшевистского «Нашего Голоса» описывает так [3]:

«На рабочем поезде, направлявшемся из Нижнеднепровска в Екатеринослав, большевики провезли к вокзалу небольшие группы, снабженные бомбами, ручными гранатами и пулеметами.

---

[1] Д. Лебедь, Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины, стр. 13

[2] «Летопись Революции», 1925 год, № 4, ст. Максименко, Из истории партизанской борьбы в Донбассе в 1918—1919 году.

[3] Описание восстания, к сожалению, не зафиксировано в большевистской печати, поэтому приходится пользоваться меньшевистскими материалами.

Стремительным натиском эти группы успели овладеть вокзалом и мостом [1]. Сейчас же за рабочим поездом пришло несколько составов, нагруженных большевистско-махновскими войсками. Не теряя времени, они начали распространяться по городу и заняли ряд идущих от вокзала улиц.

«Весь день гремела артиллерийская пальба. Сосредоточенным огнем обстреливались казармы по Надеждинской улице. К вечеру большевики отступили до самого моста, но с наступлением темноты они возобновили атаку и начали занимать улицу за улицей. В 4 часа дня 28-го непрерывно продолжавшийся бой достиг крайнего напряжения. Пушечная канонада шла не умолкая. Пострадало большое количество зданий в центре города. Много мирных жителей погибло от случайных пуль. К вечеру 28-го делегация большевиков через городскую думу, занимавшую нейтральную позицию, передала украинскому штабу требование о сдаче. В случае отклонения требования большевики пригрозили открыть ураганный артиллерийский огонь по городу. После совещания управы с представителями социалистических партий ультиматум поздно вечером был доставлен по назначению. Украинский штаб ответил на это категорическим отказом.

«С утра 29-го возобновился с обеих сторон ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Сражавшиеся в рядах большевиков махновцы захватили Озерный базар и подвергли его страшному разгрому. Масса лавок была разгромлена и сожжена. К вечеру 29-го обозначился значительный перевес в силах на стороне большевиков, к которым подошли подкрепления.

«Рано утром 30-го украинцы сделали последнюю попытку перейти в наступление. Попытка не удалась. Около 3 часов началось общее отступление республиканских войск. Для преследования их большевики и махновцы выдвинули кавалерию. В 8 ч. вечера пал последний оплот петлюровцев — Феодосийские казармы. Весь город перешел в руки наступающих. Военно-революционным штабом были немедленно разоружены социалистические дружины, не принимавшие участия в боях.

---

[1] Наступали махновцы и 1-й Новомосковский советский полк. *М. К.*

«Отдельные дружины арестовывались большевиками, однако потом освобождались. Но один из членов дружины [1] — Серпа Найдич был найден расстрелянным, неизвестно по чьему распоряжению. Вечером 30-го отряд махновцев освободил из губернской тюрьмы арестантов. В то же время самим Махно была освобождена часть арестантов из рот (арестантских рот. *М. К.*). Еще утром 29 декабря большевики выпустили объявление о низложении Директории и восстановлении советской власти. Одновременно они опубликовали список членов нового правительства с главнокомандующим армией Нестером Махно во главе [2]. Махно за собственной подписью выпустил обращение по поводу начавшихся в городе массовых грабежей и разбоев.

«С 12 часов дня 31 декабря до города стали долетать раскаты новой артиллерийской канонады. Это подвигались украинские войска со станции Долинской. Узнавши о приближении их, махновцы стали спешно покидать город. В 1 час дня их штаб покинул свое помещение. Уже к ночи отступление приняло характер беспорядочного бегства. Много беглецов погибло в Днепре. Утром 1 января украинцы заняли Амур-Нижнеднепровск, где нашли много брошенного оружия и снаряжения.

«Вошедшими республиканскими войсками в городе введено осадное положение. Запрещается появляться на улицах позже 9 часов. Производятся обыски с целью обнаружения оружия.

«5-дневный бой на улицах Екатеринослава стоил больших жертв как участникам его, так и в особенности мирным жителям. Пока зарегистрировано 200 убитых. Число тяжело и легко раненых достигает полуторы тысячи».

Победе объединенных сил восставших способствовал переход одного из петлюровских командиров — Мартыненко с 16 орудиями и со всей прислугой на сторону восстания. К восстанию 27 декабря присоединились и левые с.-р., шедшие в блоке с махновцами. Уже в первую ночь восстания махновцы приступают

---

[1] «Социалистической еврейской рабочей партии» (партия мелкобуржуазного национализма, разбавленного бледненьким социализмом), союзника петлюровщины.

[2] Никакого правительства большевики не образовали: был образован губернский военно-революционный комитет, куда членом и военным комиссаром вошел Махно.

к грабежам магазинов и близлежащих домов. «Грабежи приняли стихийный характер, — пишет участник восстания, член областкома С — в, — и не прекращались до утра. За ночь Махно несколько лиц расстрелял; однако это были случайные жертвы. Своих „сынков“ Махно не трогал, хотя и видел, как они преображались, украшая себя награбленным добром. 28 декабря большая часть города была занята. Заседающий ревком с Махно и левыми с.-р. обсуждает вопрос о власти. Левые с.-р. заключают блок с Махно и каждое место в ревкоме отстаивают с бешенством... С.-р. величают Махно „батьком“, все время заискивая у него расположения. Многие члены областкома (КП(б)У. *М. К.*) осуждают Махно, жалея о совершившемся, так как к этому времени махновские грабежи достигли чудовищных размеров: его „хлопцы“ вереницами таскали награбленное. Разговоры о конструировании власти выливаются в острые и гаденькие формы торговли. Коммунисты готовы отказаться, взывая к революционной совести с.-р. и Махно» [1].

Слишком долго торговались анархисты и левые с.-р. о власти. Нагрянувший петлюровский полковник Самокиш выгнал разложившиеся махновские силы из Екатеринослава.

В то время как победоносное восстание большевиков было милостиво и арестованных противников щадило, петлюровцы жестоко расправлялись с захваченными большевиками.

Один лишь день существовал Екатеринославский военно-революционный комитет; анархист Махно принимал в нем участие как губернский комиссар. Крестьянство Украины в начале 1919 г. активно участвовало в борьбе за советскую власть, анархические тенденции еще не имели места. Даже анархист Махно был «властником».

Екатеринославское восстание стоило махновцам дорого. Вернувшийся в Гуляй-Поле отряд насчитывал лишь 200 человек. Остальные, по красочному выражению Махно, были «в Днепре».

Разгром под Екатеринославом хотя и ослабил, но не уничтожил махновскую армию, ибо противоречия, рожденные восстановлением помещичьего строя благодаря немецкой оккупации,

---

[1] Цитирую по книге Лебедя, Итоги и уроки трех лет анархо махновщины, стр. 13.

не были уничтожены. Кулачество создавало свои силы и вступало в борьбу с беднотой. Богатая немецкая колония Блюменталь выступила против местных повстанцев. Махновцы приняли активное участие в борьбе с колонистами и основательно разгромили колонию. Кроме того, занимая позиции в районе ст. Чаплина, они разоружали отступавшие в Германию немецкие части. Приманкой для борьбы с немцами служило теперь оружие, обмундирование и военное имущество, из-за которого крестьянство чуть ли не поголовно, целыми селами выступало на борьбу с уже разгромленной, ослабевшей и уходящей с территории Украины армией. Немцы, перестав служить угрозой украинскому селу, стали для него дичью.

Для активно-наступательных операций махновский отряд был слаб. На ст. Синельниково стояли петлюровские войска; между ними и Махно существовал вооруженный нейтралитет.

Но вслед за отступавшими немцами шли белые, занимавшие освобождающуюся от «твердой власти» территорию. С ними махновская деревня вступила в борьбу. Фронт вытянулся по линии Пологи—Волноваха—Б. Токмак—Ореховская. Здесь Махно не в первый раз изменил своему анархизму, поставив на собрании всего комсостава и штаба вопрос о необходимости введения принудительной мобилизации. Но присутствовавшие на собрании анархисты Черняк, Венгеров, Уралов и другие выступили против, результатом чего был провал мобилизации. Отряд, состоявший исключительно из добровольцев и не пополнивший своего состава мобилизованными, не устоял против натиска белых и сдал даже свою «столицу» Гуляй-Поле. Следует отметить, что отряд Махно не получал пополнения добровольцами не потому, что крестьянство относилось враждебно к его борьбе с белыми или сочувствовало белым, а лишь из боязни репрессий со стороны белых. Объявление мобилизации снимало с крестьянина обвинение, что он добровольно борется с белыми, и в случае поражения махновского отряда и отступления его крестьянские семьи в меньшей степени могли опасаться мести белых. Белые особенно жестоко расправлялись с семьями лиц, добровольно вступавших в красные отряды.

Махно учитывал крестьянскую психологию; интеллигенты-анархисты, во имя защиты «святого принципа — отказа от насилия», фактически помогли белым одолеть махновцев.

Отряд был бы раздавлен, если бы не пришло спасение извне. С севера в это время подошла Красная армия, разгромившая петлюровский заслон, отделявший махновцев от красных. Дыбенко занял Синельниково и шел на Екатеринослав. Красноармейский отряд под командой питерского коммуниста Падалки возвратил махновцам их столицу, оттеснил белых и тем поставил перед махновцами вопрос об их отношении к советской власти.

Первая встреча с большевиками, происшедшая 1 февраля 1919 г., не предвещала того, что махновцы, в феврале спасенные Красной армией, в июне того же года воткнут штык в спину своей спасительнице. Силы Махно, в это время доходившие до 3 000 человек, были влиты в Заднепровскую дивизию Дыбенко в качестве отдельной бригады (3-й Заднепровской); Махно был назначен комбригом; в полки и бригаду были назначены политкомы.

Эпоха самостоятельной борьбы крестьянства с реакцией закончилась. Какова же была роль махновщины?

Поскольку борьба Махно была направлена против власти реакционно-помещичьего землевладения в лице гетмана, опиравшегося на немецкие штыки и бывшего агентом немецкого империализма, и в результате своем имела ускорение освобождения Украины, становившейся немецкой колонией, движение это было прогрессивным и революционным. Лозунгом, под которым шло крестьянство, у Махно было «советская власть». Характерно, что даже анархист Махно сильно сочувствовал большевикам, и этим он отражал настроение крестьянства. На происходившем в Гуляй-Поле съезде фронтовиков и крестьян приехавшая из Москвы анархистка Маруся Никифорова выступила с докладом о большевистском терроре по отношению к анархистам. Крестьяне и повстанцы протестовали, заявляя, что они ждали чего-либо дельного, а она, мол, рассказывает им всякие сказки. Махно также отнесся отрицательно к выступлению Никифоровой.

Но к концу марта 1919 г. на Украине начинаются крестьянские восстания против соввласти. 27 марта в районе Орехова, Таврической губ., выступила банда, численностью до 2 000 человек, при 2 орудиях и 8 пулеметах. Состояла она из расформированных Дыбенко частей армии Махно. Лозунги банды представляли собой смесь антисемитизма и анархизма. Восстанием руководили

отставленные командиры махновских частей — Правда, Щербина и б. офицер Чернов. Сам Махно находился на фронте со своей бригадой и не знал о выступлении. Высланный против повстанцев Александровским уисполкомом кавалерийский отряд в 300 сабель перешел на сторону восставших. Повстанцы двигались на Александровск, занятие которого могло свести на-нет все успехи на крымском и мариупольском направлениях. Все части были на фронте. В Екатеринославе было всего 400 чел. интернационалистов. Для подавления восстания пришлось снять один полк интернационалистов с фронта.

«Отношение самого Махно к восстанию не выяснено, — телеграфно доносил командир группы Скачко. — Существует опасение, что бунт может охватить весь район, занятый войсками Махно, и сам Махно, быть-может против воли, может быть вовлечен в эту авантюру. Надо принимать экстренные меры. Под угрозой оказывается левый фланг моей группы и правый фланг Донецкого бассейна. На подавление восстания необходимо посылать только русские или интернациональные части, местные войска для этого не годятся» [1].

В эти же дни произошло еще два восстания частей Красной армии в различных местах юга России. В Белгороде, Курской губ., взбунтовался гарнизон численностью до 600 человек и в Гомеле — три полка пехоты, при 4 орудиях, под командой Стрекопытова [2].

Сами по себе эти факты могли служить известным предзнаменованием. Не менее грозными были сводки о настроении воинских частей и населения Украины.

Отдел осведомления Совнаркома в «Бюллетене» от 4/IV 1919 г. сообщал, что: «в Ольшаницах банды разрушили путь, устроив крушение ремонтного поезда. Восстание банды наносит смертельный удар борьбе с Антантой. Когда григорьевцы узнают о восстании, нельзя ручаться за сохранение фронта» [3].

[1] Архив Красной армии, дело № 30701, штаб Укрфронта, опер. отделен., «Бандитск. восст. в Александровском у.».

[2] Там же, телеграмма наштa Укрфронта т. Глаголева комфронту т. Антонову, дело № 30701, лл. 6 и 10.

[3] Архив Красной армии, дело № 10341, штаб Укрфронта, дело личной канцелярии комфронта Укр. Антонова.

Приведем несколько сводок, рисующих политическое настроение населения в этот период.

Александровский уезд, Екатеринославской губернии. — «Политическое положение уезда тяжелое, очень сильно влияние анархистов и левых эсэров, препятствующих проведению в жизнь учета и мобилизации. Уездный съезд советов был чисто левоэсэровский. Распропагандированные крестьяне отказываются давать хлеб и продукты городу. Сильно развит бандитизм. Мало денег. Мало литературы».

Павлоградский уезд, Екатеринославской губ. — «В Дмитровской волости практикуется в больших размерах варка самогонки. Ведется злостная подпольная агитация, к прекращению которой приняты меры. Экономическое положение уезда удовлетворительно».

Лебединский уезд, Харьковской губ. — «В некоторых волостях уезда были восстания в связи с мобилизацией. Восстания ликвидированы. Культурно-просветительная работа налажена» [1].

Золотоноша, Полтавской губ. — «Банда человек в 150 пробралась из Лубенского уезда и направляется на Золотоношу. В настоящее время банда находится в 40 верстах от Золотоноши. В городе осталось всего человек сто красноармейцев, так как интернациональный полк весь разослан для борьбы с бандами. Кроме того, в городе есть отряд коммунистов и мобилизованных рабочих, всего человек триста. Крестьяне настроены антисоветски, хотя открытых выступлений нет» [2].

Как был настроен пролетариат, в чьих руках находилась местная власть в махновском районе? Красноречивый ответ на это дает сводка от 3/IV 1919 г. отдела осведомления Совнаркома УССР: «В Елисаветградском совете коммунисты представлены в меньшинстве. Исполком состоит из 40 человек. С.-р. — повсюду, даже в управлении. Только силой пришлось их отставить. Вследствие таких ненормальностей комитет партии решил произвести перевыборы в совет 26 марта... В Елисаветграде с момента захвата власти прошло два месяца, а работа пока еще не

---

[1] Архив Красной армии, сводка № 1 Центрального бюро связи при информотделе наркомвоена Украины с 3/III по 17/IV 1919 г.

[2] Там же, бюллетень № 27 от 30/IV 1919 г. Центр. бюро связи при наркомвоене Украины, л. 72.

налажена. Главная причина — антисемитизм. Среди рабочих самого большого из елисаветградских заводов и железнодорожников ведется агитация против советской власти, как власти „жидов“. Эти возгласы слышны даже в исполкоме, бросают их левые с.-р. Перевыборы вряд ли дадут положительные результаты. На заводе Эльворти из 25 человек выборных прошло только 3 коммуниста, у железнодорожников из 11 человек 2 коммуниста. При этом проходят не выставленные комитетом, а те, кому персонально сочувствуют. Необходимы, главным образом, агитаторы-лектора, в противовес всем меньшевикам и левым с.-р. Все они должны быть православными».

Та же сводка рисует положение в других районах. «В волости Хотове волостной совет — исключительно из кулаков, крестьянская беднота совершенно бессильна бороться с советом. Отряд, посланный Демиевским военно-рев. комитетом, сделал все возможное, и по его отъезде был сорганизован комитет бедноты, идет организация ячеек».

Глевахская и Будаевская волости. — «Та же картина, что и в Хотовской волости. Деревня настроена против соввласти. Требуются организаторы, литература».

Белгородская волость. — «Вовсю торжествуют кулаки. Совет из кулаков. Беднота под гнетом. Сорганизовалась коммунистическая ячейка из 7 нелегально работающих человек. С одной стороны, кулаки, а с другой — партизанские отряды по ночам собирают сходы для восстания против соввласти».

Иванков, Радомысльского у. — «Организовалась коммунистическая ячейка еще до прихода соввласти, вела агитационную работу; ею был организован повстанческий отряд, который вследствие провокации атамана петлюровских войск Лазюка перешел на его сторону. Благодаря набегам атамана Струка работа ведется нелегально. В организации 10 человек».

Исключением можно считать сводки из Звенигородки, в общем и целом рисующие положение дел благополучным. «Совет еще не организован. Работает ревком из 5 человек, в ревкоме 2 левых с.-р. В 17 волостях — ревкомы . . . В каждом селе, каждой деревне комитеты бедноты, кулаки подавлены. Выходит газета „Коммунист“. Издаются воззвания, листовки, брошюры.

На 24-е назначены выборы в уездный совет, в который, вероятно, пройдут коммунисты».

Но, может-быть, на местах антисоветское настроение было сильно потому, что лучшая часть деревни ушла в Красную армию? Но и в армии, крестьянской по своему составу, настроение было такое же. Наиболее революционными частями в украинской Красной армии были 1-я и 2-я дивизии, образовавшиеся в 1918 году на нейтральной зоне из бежавших с Украины отдельных крестьян и целых отрядов. Это были закаленные в боях и лишениях воинские части, вынесшие на своих плечах в первое время борьбу с гетманщиной и Петлюрой. 3-я дивизия организована была Дыбенко, когда Красная армия подходила к ст. Лозовой и уже были взяты Киев и Харьков, т. е. большая часть Украины. Но и в этих дивизиях настроение было не из важных.

Секретная сводка от 30/IV 1919 г. следующим образом характеризует настроение в полках 2-й дивизии украинской Красной армии [1].

6-й полк. — «В полку сильно развит антисемитизм. Красноармейцы настроены антикоммунистически. Развиты пьянство и картежная игра. Красноармейцы производят самочинные обыски и реквизиции. Отсутствует дисциплина. Виновником во всем этом является командный состав. Отношение командного состава к народному имуществу совершенно недопустимое: никакой описи имущества в полку нет. На полковом митинге раздавались призывы к оружию против коммунистов и евреев. Среди красноармейцев раздавались возгласы: „Да здравствует батько Махно!“, „Да здравствует черное знамя!“. Многие красноармейцы носят черные ленты. Улучшить положение полка можно лишь путем тщательной чистки командного состава. Отношение командира полка Киселя к политкому недопустимое: многие приказы издаются без ведома политкома».

8-й полк. — «В полку имеется много темного элемента. В 3-м батальоне красноармеец Осинский объявил себя анархистом и повел антисемитскую агитацию. Весь батальон был на стороне Осинского. При попытке арестовать его батальон отказался выдать его».

---

[1] Архив Красной армии, дело № 10341, бюллетень № 26 от 30/IV 1918 г. Центр. бюро связи при информотд. наркомвоена Украины.

Точно такие же настроения рисует сводка и в частях 1-й дивизии [1]:

«Находящиеся в отпуску солдаты бригады Богунского агитируют против „москалей“ и нынешней власти».

Таким образом, уже к концу апреля вся деревня настроена антисоветски. Деревня недовольна, деревня местами бунтует, но еще не собралась с силами и не выступила активно против советской власти. Первым большим выступлением было вспыхнувшее в начале мая григорьевское восстание. Оно быстро выросло, охватило территорию трех губерний, ликвидировав значительную часть наших успехов, облегчило наступление Деникина и, что самое важное, сорвало план вооруженной помощи международной пролетарской революции в лице Советской Венгрии.

Чем же объяснить столь резкий перелом в настроении крестьянства, еще в январе этого же года страстно ожидавшего прихода большевиков? Для этого обратимся к анализу нашей земельной и продовольственной политики в этот период.

---

[1] Архив Красной армии, дело № 10341, бюллетень № 26 от 30/IV 1918 г. Центр. бюро связи при информотд. наркомвоена Украины.

ГЛАВА III.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ В 1919 Г. И МАХНОВЩИНА.

Показателем настроений махновской деревни является резолюция по текущему моменту, принятая на 2-м съезде фронтовиков-повстанцев, рабочих и крестьянских советов, отделов и подотделов военно-полевого штаба Гуляйпольского района, состоявшемся в феврале 1919 г.[1]. Первая половина резолюции отведена критике империализма Европы и Америки и их «русским слугам — Деникину, Колчаку, Семенову, гетману, Петлюре» — с присущей махновщине революционной словесностью о «чиновниках-дармоедах», «шкуродерах-помещиках», «мироедах-хищниках» и т. д. Во второй же половине читаем следующее: «К глубокому своему сожалению, съезд вынужден также установить, что рабочей и крестьянской русско-украинской революции, кроме внешних врагов, угрожает, может-быть, еще большая опасность от собственных своих внутренних непорядков. Советское правительство России и Украины своими приказами и декретами стремится во что бы то ни стало отнять у местных советов рабочих и крестьянских депутатов их свободу и самодеятельность.

«Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы против представителей центральной власти. Именующее себя рабоче-крестьянским правительство России и Украины слепо идет на поводу у партии коммунистов-больше-

[1] Протоколы 2-го районн. съезда фронтов., крестьян и рабочих Гуляйпольского района (издано отд. брошюрой в Гуляй-Поле в 1919 г.).

виков, которые в узких интересах своей партии ведут гнусную непримиримую травлю других революционных организаций. Прикрываясь лозунгом „диктатура пролетариата", коммунисты-большевики объявили монополию на революцию своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами. Большевистская власть арестовывает левых с.-р. и анархистов, закрывает их газеты, душит всякое проявление революционного слова . . .

«Второй районный съезд фронтовиков, рабочих и крестьян Гуляйпольского района призывает тт. крестьян и рабочих зорко следить за действиями советского большевистского правительства, которое своими действиями вызывает настоящую опасность для рабоче-крестьянской революции . . . Второй районный съезд фронтовиков настойчиво призывает тт. крестьян и рабочих теснее сплотиться вокруг своих местных вольных советов крестьян и рабочих, чтобы самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки начальникам и притеснителям всего мира, строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей и бедняков».

Резолюция заканчивается рядом лозунгов, где перемешиваются явно контрреволюционные антисоветские с «революционными», представляющими ту же замаскированную контрреволюцию мелкой буржуазии. Из них самые любопытные: «долой комиссародержавие и назначенство», «долой чрезвычайки — современные охранки», или «долой соглашение с российской и международной буржуазией», «позор социалистическому правительству, ведущему переговоры с союзными империалистами».

Сама резолюция — нелепая, какая обычно свойственна анархо-лево-эсэровской идеологии. Интересно лишь, почему именно крестьянство, явно сочувствовавшее советской власти в 1918 г., боровшееся за нее, голосовало в феврале 1919 г. за эту резолюцию?

Чтобы разгадать смысл этого выступления, надо обратиться к земельному вопросу, к тому, как он стоял на Украине в начале 1919 года. Именно к земельному, а не продовольственному, ибо в феврале 1919 года, когда происходил 2-й районный съезд, закон о продразверстке даже не был издан, продразверсткой и не пахло, а разногласия по земельному вопросу уже были. Съезд не обсуждал вопроса о продразверстке, который еще не стоял

в поле зрения крестьянства. «Съезд протестует против правительства, — читаем мы в резолюции по земельному вопросу на том же съезде, — которое, несмотря на требования трудового крестьянства хотя бы до съезда крестьян и рабочих заменить землю национализованную и частновладельческую социализованной и способствовать свободному распространению коллективной обработки земли, снабжая как коллективное, так и трудовое единоличное хозяйство деревни семенами, техническими силами и сельско-хозяйственными орудиями, необходимыми для ведения общественного и единоличного трудового хозяйства, — отказалось удовлетворить эти просьбы».

Протест был ответом на изданные Временным рабоче-крестьянским правительством Украины декларацию и декреты, в которых объявлялось, что все крупные и культурные хозяйства, принадлежавшие раньше помещикам, закрепляются за государством для организации совхозов. В декрете о национализации сахарных заводов говорилось: «Все земли, за исключением крестьянских, в севооборот которых входил в течение какого бы то ни было из последних 5 лет, т. е. с 1913—1914 гг., посев сахарной свеклы, в полном составе, со всеми угодьями, лесами, торфяными болотами и прочими полезными исколаемыми, водами и т. д., со всеми сооружениями, постройками, инвентарем живым и мертвым, независимо от того, кому бы они ни принадлежали, признаются неприкосновенным фондом национализованных сахарных заводов» [1].

То же относится и к винокуренным заводам: «Все принадлежавшие владельцам заводов, а также и другие земли, подлежащие конфискации, в севооборот которых входил из последних 4 лет до 1915 года посев картофеля и хлебов, предназначавшихся для винокурения, в полном составе, со всеми угодьями, лесами, торфяными болотами, полезными ископаемыми, водами, со всеми сооружениями, постройками, инвентарем живым и мертвым, признаются неприкосновенным фондом национализованных винокуренных заводов» [2].

---

[1] Декрет от 11/II 1919 г. «Сб. узакон. и расп. Раб.-кр. прав. Украины» за 1919 г., стр. 127.

[2] Декрет от 5/II 1919 г., там же, стр. 85.

Вся земля бывших нетрудовых имений делилась на две части, из которых одна поступала в ведение наркомзема для организации общественного хозяйства, а другая — крестьянству для уравнительного передела. Что же касается инвентаря, то он целиком оставлялся за органами наркомзема. Приведем несколько пунктов из постановлений наркомзема о распределении земель во временное уравнительное пользование, именно те, которые являлись пунктами расхождения между украинской деревней и советской властью. «Взятый под учет и контроль живой и мертвый инвентарь, запасы кормов и продовольствия, дома, постройки и прочее имущество имений и хозяйств бывшего нетрудового пользования поступают в распоряжение уземотделов» (п. 80). Согласно п. 82, «уземотделы обязаны принять меры к возвращению самовольно захваченного живого и мертвого инвентаря и прочего имущества бывших нетрудовых хозяйств. Особо важные меры принимаются уземотделами к возвращению племенного и рабочего скота и сложных машин и частей их (локомобилей, паровых плугов, молотилок, жаток, сеялок и веялок, механических грабель и т. д.)». Согласно п. 86, «с прокатных пунктов инвентарь в первую очередь предоставляется землепользователям, образовавшим товарищеское хозяйство (коммуну, общественную обработку земли, трудовую артель и т. д.) и во вторую — единоличным хозяйствам» [1]

Это вызывало острое недовольство крестьянства, которое предложило нечто иное: «Земельный вопрос должен быть разрешен во всеукраинском масштабе на всеукраинском съезде крестьян на следующих основаниях: в с я з е м л я (разрядка моя. *М. К.*) в интересах социализма и борьбы против буржуазии должна перейти в руки трудового крестьянства. Исходя из принципа, что „земля ничья“ и п о л ь з о в а т ь с я е ю м о г у т т о л ь к о т е, к о т о р ы е т р у д я т с я н а д н е й, к т о о б р а б а т ы в а е т е е, з е м л я д о л ж н а п е р е й т и в п о л ь з о в а н и е т р у д о в о г о к р е с т ь я н с т в а У к р а и н ы б е с п л а т н о п о н о р м е у р а в н и т е л ь н о - т р у д о в о й (разрядка моя. *М. К.*), т. е. должна обеспечивать потребительную норму на основании

[1] «Сб. узакон. и распор. Раб.-кр. прав. Украины». Положение наркомзема о распределении земли во временное уравнительное пользование, гл. 4, стр. 378.

приложения собственного труда (разрядка в тексте. *М. К.*). Впредь же до разрешения земельного вопроса коренным образом съезд выносит свое пожелание, чтобы земельные комитеты на местах немедленно взяли на учет все помещичьи, удельные и другие земли и распределили бы их между безземельными и малоземельными крестьянами, обеспечив их и вообще всех граждан (разрядка моя. *М. К.*) посевными материалами»[1].

Крестьянской стихии, забиравшей во время крестьянских беспорядков в 1905 и 1907 гг. помещичий хлеб, инвентарь, производившей запашку помещичьих полей, стремившейся захватить всю помещичью землю в свои руки и видевшей в этих актах свою революционную волю, был противопоставлен принцип изъятия части земель и всего помещичьего инвентаря, который крестьянство считало своим, на организацию общественного хозяйства. Не только кулаки и середняки были сторонниками этой резолюции и противниками организации колхозов, но и бедняки еще не изжили мелкобуржуазных иллюзий возможности стать самостоятельными хозяевами. Данные мероприятия, минуя необходимые этапы, стремились, казалось бы, кратчайшим путем повести деревню к социализму; они привели к тому, что все крестьянство оказалось против нас. Никакие комбеды в 1919 г. не смогли спасти положение.

Чем беднее был район, тем больнее отражались законы советского правительства на крестьянстве. В Юго-западном крае к совхозам отошло много культурных хозяйств и земли сахарных заводов. Батраков, которые могли бы пойти в совхозы, было мало, да и сами батраки, подобно бедноте, стремились стать самостоятельными хозяевами и потому резко отрицательно относились к мероприятиям, отнимавшим у них часть земли. «Я был на Украине, — говорил годом позже председатель ВУЦИК г. Петровский, — и видел, что, когда есть возможность батраку взять три, четыре, десять десятин и быть хозяином, этот батрак возьмет их и не пойдет в условиях донецкого шахтера работать в советском хозяйстве. Такой опытный агитатор, как т. Калюжный, выступая в Черниговской губернии перед кре-

---

[1] Протоколы 2-го район. съезда повстанцев, крестьян и рабочих Гуляйпольского района.

стьянской массой в 5—7 тысяч человек, боялся заговорить о необходимости сейчас приближения к коммунальной форме хозяйства. Но когда он заговорил о таком устройстве, при котором определенный клочок земли будет распределяться для определенных крестьян, тут вся эта семитысячная толпа слушала его с затаенным дыханием» [1].

Недаром в 1919 г., — как писал т. Лебедь, — были «нередки случаи перехода целыми группами комбедчиков» к Махно.

В этом пункте нашего аграрного законодательства мы провели в жизнь наследство, оставленное нам от социал-демократических времен. Признавая выгодность крупного производства по сравнению с мелким, законодательство делало логический вывод о необходимости сохранения крупных имений, забывая, что в период революции вопросы политического расчета, немедленного политического эффекта являются превалирующими над вопросами экономическими. Эту ошибку совершила и польская компартия, не разделившая помещичьих земель во время занятия Польши Красной армией. Эта же ошибка привела к гибели Венгерскую советскую республику, поскольку крестьянство не получило там всей помещичьей земли. Недаром, учтя уроки истории, пленум ИККИ постановил в апреле 1925 года [2]. «В этот момент все решительно должно быть соподчинено задаче захвата власти, осуществления диктатуры пролетариата, которая является необходимым, основным, наиглавнейшим условием для движения общества к социализму. В странах крупного капиталистического производства пролетариат должен стремиться превратить помещичьи имения, обрабатываемые наемным трудом, в государственные предприятия. Однако положение о технико-экономическом превосходстве крупного производства в земледелии не должно останавливать коммунистов перед дроблением части крупных имений (величина которой определяется строением данной страны) в пользу мелких, а иногда и средних крестьян, поскольку это вызывается революционной необходимостью. Чтобы достигнуть социализма, который есть крупное рациональное

[1] Протоколы V Всеукраинской партконференции (ноябрь 1920 г.), Бюлл. № 5, стр. 36—37.

[2] «Расшир. пленум Исполкома Коминтерна (21 марта—6 апреля 1925 г.)». Гиз, 1925 г., стр. 534.

производство со всеми технико-экономическими преимуществами этого последнего, нужно завоевать диктатуру пролетариата, которой в громадном большинстве стран нельзя завоевать без прямой помощи мелкого крестьянства и нейтрализации среднего. Отрицательный опыт венгерского, итальянского и польского движений и положительный опыт русского показывают, что ошибки здесь являются прямо роковыми».

Таким образом, наша земельная политика в 1919 г. была первой причиной, которая поставила деревню против советской власти. Кроме этой политики, ограничивавшей крестьянство в области землепользования в 1919 г., мы в деревне ничего тогда не дали реального бедному крестьянству, даже в области снабжения его продовольствием.

Чем была вызвана политика ограниченной передачи бывшей помещичьей земли крестьянству? Голод и гражданская война вызвали ее. Во время гражданской войны получить хлеб можно было только от мелкого производителя. У государства хлеба не было. Крупные производители-помещики были уничтожены. До революции крестьянин выбрасывал хлеб на рынок под давлением налоговых тяжестей. Революция уничтожила налоги, и крестьянин мог выбрасывать на рынок хлеб только в обмен на продукты городской промышленности. Пролетариат уничтожил налоги, но продукции в обмен на хлеб дать не мог, так как ее не было. Рынок был также уничтожен. Крестьянин, недоедавший до революции, теперь сам стал употреблять продукты, ранее считавшиеся излишками в его хозяйстве. Противоречие между городом и деревней не было уничтожено, а усилилось. Сырье для промышленности не могло быть куплено, а это вызывало уменьшение количества предлагаемых на рынке городских товаров, что, в свою очередь, вызывало уменьшение предложения крестьянских товаров. Пролетариат должен был обеспечить революцию хлебом, иначе она погибла бы, а это вызывало необходимость либо конфискации хлеба у производителя, либо создания собственного производства, т. е. организации фабрик хлеба. «Социалистический строй должен обладать такими фабриками хлеба, мяса, молока, фуража и т. п., которые эмансипировали бы его (подчеркнуто в тексте. *М. К.*) экономически от мелкого собственника и вместе с тем дали бы лучшую организацию в смысле про-

изводства и реализации произведенного. Именно этим целям удовлетворяют советские хозяйства» [1]. Так отображал настроение эпохи один из руководителей экономической политики страны — В. П. Милютин.

Совхозы были организованы по типу городской национализированной промышленности, т. е. продукты их должны были поступать в распоряжение государства. Этим-то и был недоволен мелкобуржуазный производитель. «Фабрики — рабочим, землю — крестьянам» он понимал в мелкобуржуазном синдикалистском смысле, т. е. что вся земля и все фабрики поступают в непосредственное распоряжение производителя — «трудящихся на этих земле и фабриках». Недвусмысленно это выражалось в цитированной нами резолюции крестьянского съезда Гуляйпольской волости: «Земля ничья, и пользоваться ею могут только те, которые трудятся над ней, которые обрабатывают ее». В сознании крестьянина государство, не трудясь на земле, хотело воспользоваться землей.

Крестьянство вообще не было противником коммун. Махновщина, которая в середине 1919 года выступила резко против совхозов и коммун, а в 1920 году их громила и убивала участников их, в апреле 1919 года создала в бывш. имении помещика Классена в с. Покровском (несколько верст от Гуляй-Поля) коммуну имени Р. Люксембург. Эта коммуна не была создана только на бумаге, а существовала в действительности. Организовалась она в марте. Записалось в нее 40 семейств, переехало 9 и заняли 2 бывших экономии. На 1 мая членов коммуны было 285 человек (взрослых и детей). Коммуной было засеяно 125 десятин ярового посева [2].

К середине 1919 года выясняется различное отношение советской власти и крестьянства не только к бывшей помещичьей земле, но и к урожаю с этих полей. 3-й Гуляйпольский районный съезд высказался против продразверстки. С этой резолюцией была солидарна даже и беднота.

Органами проведения нашей продовольственной политики должны были быть комбеды. Это была основная цель их создания

---

[1] Милютин, Социализм и сельское хозяйство.

[2] «Путь к Свободе», № 2 за 1919 г.

на Украине. Но введение продразверстки в 1919 году не расслоило села, хотя по декрету 1 апреля освобождались от уплаты разверстки хозяйства с количеством десятин меньше 5. Комбеды, на которых лежала обязанность «оказывать местным и продовольственным органам содействие в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев», этого не делали или делали вяло. Причиной этому было то, что у комбедов стимула к активному содействию продорганам не было. У кулака отбирали хлеб и садили его на паек; на таком же точно пайке должен был сидеть и бедняк. Излишки шли в город. А паек был не из роскошных: на продовольствие оставлялось на год 13 пудов зерна или муки (в том числе 12 пуд. на душевое потребление и 1 пуд на случайные расходы) и 1 пуд крупы. Кроме этого советское правительство крестьянину ничего не давало и дать не могло. Скоту тоже был положен такой же скудный паек: рабочей лошади на 1 голову не более 25 пуд. зерна, жеребятам до 1 г. — до 5 пуд., крупному рогатому скоту — не более 9 пуд., молодому рогатому скоту до 1 г. — до 5 пуд. Если у кулака после реквизиции эта голодная норма оставалась, то бедняк, который эту голодную норму должен был получать из органов наркомпрода, зачастую даже и этого не имел, ибо государство необходимого количества собрать не смогло. За продовольственную кампанию с января по сентябрь 1919 г. было собрано около 1 млн. пуд., включая сюда и армейские заготовки плюс военные трофеи в зерне около 2½ млн. пуд. [1]. Крестьянство не только не хотело давать излишки, но даже забирало у государства то, что ему принадлежало бесспорно. В совхозах, образованных из бывших помещичьих имений, находившихся в ведении наркомзема, было собрано до 5 млн. пуд. хлеба; все эти запасы частью не успели вывезти, частью их захватили крестьяне. «Украинский наркомпрод, — пишет Раковский, — в 1919 г. заготовил на Украине в общем от 7 до 8 млн. пудов, из которых, однако, часть была найдена в помещичьих экономиях, и, может, только половина всей заготовки была получена от крестьян. Заготовки, сделанные в Елисаветградском уезде (около 1 млн. пуд.), в Мелитопольском и Бердянском (столько же), в Уманском уезде (около

[1] Доклад Владимирова о продовольственном вопросе на V Всеукраинской партконференции. Бюллетень партконференции, № 6, стр. 1.

200 тыс. пуд.) были расхищены бандами и крестьянами, так что фактически и наркомпрод получил не больше, как от 5 до 6 млн. пуд. хлеба, которым он должен был прокормить армию, города, Донбасс. Конечно, этим ничтожным количеством хлеба никого не прокормили. Голодали города, голодала армия, голодал Донецкий бассейн» [1].

К середине 1919 года все крестьянство целиком во всех своих слоях было против советской власти, а это означало переход политической гегемонии в деревне к кулакам [2].

Отрицательное влияние политики советской власти на деревню оказало также и отсутствие всякой политической работы в деревне. Компартия много сил отдала фронту и не смогла достаточно уделить внимания партработе в городе, а тем более в деревне. Сотрудник разведупра Киевского военного округа, объехавший ряд восставших против советской власти деревень Киевской губ. в районе Триполья, в своем отчете отмечает этот момент:

«За эти десятки недель советской власти из центра приезжали десятки агитаторов, которые, к сожалению, очень мало сделали, ограничившись собранием схода в селе Белогородске, на который преимущественно являются зажиточные крестьяне, кулаки, и, объяснив им кое-как положение, которое всем собравшимся почти не нравится, раздадут свою литературу, которой впоследствии бабы закрывают полки, вовсе не читав ее, а сами, уверенные в своей работе, требуют бумажки о том, что они посетили такое-то село, и спокойно уезжают» [3].

---

[1] Раковский, Борьба за освобождение деревни, стр. 57.

[2] «Чем был Махно прошлого года? Это был действительно крестьянский божок, олицетворение всей крестьянской стихии, бьющейся против рабочих и коммунистов города и одновременно против городских капиталистов и помещиков. В махновском движении трудно отличить, где начинается бедняк, где кончается кулак. Это было массовое крестьянское движение... У нас не было в селе зацепки, не было того элемента, за который можно было зацепиться, который был бы нашим союзником в борьбе с бандитами. Это, товарищи, самое основное» (из доклада Я. А. Яковлева, «О борьбе с бандитизмом» на V Всеукраинской партийной конференции в 1920 г., Бюллет. № 1.)

[3] Архив Красной армии, дело № 10341, л. 79.

На селе господствовал кулак, он же сидел и в советах и даже иногда в комбедах. Наша земельная политика отталкивала середняков и беднейшее крестьянство.

В цитированном отчете сотрудник описывает все виденное им в восставших против советской власти селах: «Здесь нужно потратить немало времени и энергии, и не только на словах, но и на деле показать крестьянам, что советская власть — это власть беднейших крестьян, ибо бедняки этого еще не видят. Средний крестьянин и кулак по-старому сыты по горло и спокойно сеют свои десятки десятин земли, а бедняк куска хлеба не имеет, а о семенах и посеве говорить не приходится, и опять его будущее рисуется в печальном виде, опять ему придется гнуть спину на кулацкой работе за тот несчастный сноп жита, который уделит ему добрый мироед за его тяжелую работу. Таково экономическое положение деревни: у одних есть семена, и они засеют землю, с излишком прокормятся до нового урожая, у большинства бедноты уже давно нет хлеба, а о семенах и говорить нечего: этот бедняк теперь в поисках хлеба и семян едет за пределы Киевского уезда в надежде что-нибудь купить хотя бы по бешеным ценам. Еще острую нужду испытывает деревня в живом и мертвом инвентаре, как-то: лошади, бороны, плуги и проч. В каждом селе избран комитет, который обязан заботиться о нуждах деревни, но, к сожалению, эти комитеты не на высоте своего положения. Вот почему работать в комитете бедный, но честный работник не может, потому что он умер бы с голоду, так как оклады членов сельских комитетов не превышают двухсот рублей — сумма в настоящее время мизерная; и вот благодаря этому почти повсюду в комитет попадают зажиточные крестьяне, а то и вовсе кулаки, которым чужды идеи коммунизма так же, как чужд бедняк, умирающий с голоду, ибо давно сказано: „Сытый голодному не верит“».

Другой сотрудник пишет об этом же районе, что руководителем крестьянства в нем является Зеленый, но настроения крестьянства были те же, что и в махновском районе. «Крестьяне сочувствуют зеленовцам в виду того, что их пугает коммуна. „Я буду работать, а другой — лежать, и из одного котла с ним есть! Хай они здохнут со своей коммуной!“ — вот подлинные

слова крестьян. В деревнях и селах, где установлена советская власть, крестьяне сочувствуют таковой, в нейтральной же зоне они в недоумении, кого признать за власть. В общем крестьяне признают ту власть, которая утвердилась на местах; все стоят за советскую власть (Зеленый тоже стоит за советы), и никто не признает коммуны».

Крестьянство так рассуждало: «Советская власть та, которая дала крестьянам землю, бросила лозунг „грабь награбленное“. Это сделали большевики. А та власть, которая проводит продразверстку, не отдает всю помещичью землю крестьянам, а строит совхозы, коммуны, — это власть „коммуны“, власть не большевиков, а коммунистов». Это крестьянское настроение выражалось в политической формуле: «Мы за большевиков, но против коммунистов».

Все крестьянство — так же, как оно своеобразно понимало лозунг «земля и фабрики трудящимся», — и в понятие «советская власть» вкладывало другое содержание, чем пролетариат. Многие середняцкие антисоветские, вернее, антипролетарские, крестьянские движения проходили под лозунгами борьбы «за советскую власть».

За эту власть был и Зеленый (только за свою, украинскую соввласть) и Махно (за «вольные советы»). Винниченко и Мордалевич и т. д. Крестьяне даже часто объявляли себя большевиками и врагами коммунистов. В этом сказывалось то, что крестьянин был сторонником первой стадии революции, когда в деревне происходила антикрепостническая революция, совпавшая со временем, когда РКП была популярна под именем «большевиков», но был против второй стадии революции, вернее, против методов второй стадии — против продразверстки, против ЧК, политики социалистического землеустройства (совхозской политики) и т. д., что проводилось после переименования нашей партии в коммунистическую. Эти настроения в 1919 г. относятся ко всем социальным слоям деревни. В марте вспыхивает первое восстание в Александровском уезде, в мае — восстание Григорьева. Помимо григорьевщины по стране разливается ряд восстаний. В июле изменяет соввласти и Махно.

ГЛАВА IV.

ГРИГОРЬЕВЩИНА И МАХНОВЩИНА.

Григорьевщина была первым тяжелым ударом по молодой украинской Красной армии и по революции и грозным предостережением о грядущем повороте крестьянства спиной к нам. Григорьевское восстание еще не означало поворота всего крестьянства против нас, но оно выявляло недовольство значительной части крестьянства тогдашней политикой советской власти. Хотя восстание провалилось, хотя руководитель его был чистейшей воды авантюрист, все же в григорьевском восстании мы находим предзнаменование июньских и августовских событий того же года — измены Махно и некоторых других частей Красной армии.

Атаман Григорьев — бывший офицер и участник империалистической войны в чине штабс-капитана — входил в 1917 г. в состав стратегической тройки, работавшей при украинском комиссариате юго-западного фронта в г. Бердичеве. Григорьев тогда находился под влиянием самостийных групп и, как боевой офицер, проявил огромные способности в борьбе с большевистскими ревкомитетами и их отрядами. При личном свидании с корреспондентом БУП[1] в 1919 г., после своего перехода на сторону советской власти, атаман Григорьев заявил, что он беспартийный. «Григорьев производит впечатление человека бесстрашного, — писал корреспондент, — с огромной энергией, крестьянского бунтаря, чрезвычайно внимательного к крестьянству, с огромной любовью к людям земли. Среди крестьян Григорьев популярен. К горожанам относится скептически. На фронте решителен и бесстрашен, огромной работоспособности, с дезертирами и грабителями жесток. Штаб Григорьева со-

---

[1] Бюро украинской печати.

стоит из украинских левых с.-р. (начальник штаба Тютюник), так же как и командный состав. Партизанские войска преимущественно из крестьян» [1].

Впервые стал Григорьев известен своим ультиматумом, предъявленным немцам 18 декабря 1918 г. (когда он только-что перешел от гетмана на сторону Петлюры), в котором говорилось, что власть гетмана и помещиков рухнула, что народ Украины вернулся к демократической форме правления. В приказе объявлялось [2]: 1) восстановление всех законов бывшего республиканского правительства Украины; 2) восстановление всех свобод, объявленных в 1, 2 и 3 универсалах; 3) освобождение всех политических заключенных; 4) отмена всех гетманских распоряжений; 5) восстановление местных органов самоуправления; 6) немедленная отмена контрибуции, наложенной помещиками на села и волости; 7) организация самообороны в городах и селах на демократических началах; 8) восстановление законов, возвещенных Директорией Украинской народной республики; 9) запрещение агитации против петлюровской власти; 10) борьба с черносотенцами; 11) запрещение самочинных формирований каких бы то ни было отрядов; 12) все отряды и партии, сформировавшиеся до 10 декабря нов. ст. с целью борьбы с гетманским правительством, обязаны дать о себе сведения в штаб; 13) все войсковые управления, части войск, учреждения и военные организации с 10 декабря подчиняются штабу республиканских войск, во главе которых в данном районе стоит атаман Григорьев; 14) за всякие недоразумения с иностранными подданными виновные предаются полевому суду.

Григорьевым же в 1918 г. был выпущен специальный приказ, обращенный к немцам. Приказ этот настолько любопытен, что мы его приведем целиком:

В последнее время находящиеся на Украине немецкие демократы-шкурники дошли до того, что открыто стали на сторону наших контрреволюционеров и всей своей массой произвели вооруженное давление на нашу только-что образовавшуюся демократическую власть. Немецкие генералы продол-

---

[1] Архив Красной армии, дело № 10341 — дело Укрфронта, личная канцелярия комфронта т. Антонова, л. 12. Бюллетень № 6 Бюро осведомл. Совнаркома УССР.

[2] Архив Красной армии, дело № 10341.

жают быть комендантами и градоначальниками наших городов. Немцы продолжают грабить Украину, вывозить награбленное из пределов Украины и продавать на толкучках спекулянтам. Вместо того, чтобы уйти к себе домой, целые эшелоны, с броневиками впереди, двигаются на юг, занимая такие станции, как Знаменка, Долинская. В Николаеве грузят наши снаряды и отправляют нашим заклятым врагам.

Я, атаман Григорьев, от имени партизанов, которыми я командую, и восставшего против ига буржуазии народа, по чистой совести заявляю вам, что здесь, у нас на Украине, вы являетесь слепым орудием в руках вашей буржуазии, что вы не демократы, а предатели всей европейской демократии.

Если вы в 4 дня пешком не покинете Николаев, ст. Долинскую и ст. Знаменка, начиная с 12 часов дня 31 декабря с. г. нов. ст., то ни один из вас не увидит своей родины. Вы будете уничтожены, как мухи, по первому мановению моей руки. Перевозочных средств мы вам не дадим. Вы имели достаточно времени для того, чтобы уйти, не сказав нам «до свидания». Мы смотрим на вас как на заклятых врагов, но из человеколюбия даем вам четыре дня для выступления с мест своего расположения.

По истечении этих четырех дней всякий немецкий солдат, оставшийся на месте расположения своей части, будет уничтожен, а всякий немецкий солдат, появившийся на железной дороге без документов, мною подписанных, будет убит. Знайте, что нашему народу вы уже не страшны и что вы не больше как наши пленники. Мы разрешаем вам с оружием в руках вернуться на родину, и это — проявление нашего великодушия.

Итак, конкретно я приказываю вам, начиная с 12 часов дня 31 декабря с. г., в четыре дня очистить все места вашего расположения, только пешком, без награбленного имущества, возвратиться к себе домой, иначе ваша судьба будет предоставлена измученному вами, гетманом и помещиками народу, который поступит с вами так, как поступили вы, победоносно вступая на нашу землю. В борьбе с вами мы солидарны. Всех большевиков и меньшевиков, больших и малых, и вообще способных носить оружие, прошу с этим считаться.

Мы вами выведены из терпения, и никто вас не спасет. Все политические кампании извне относительно Украины — пустая затея умирающей буржуазии. Сорокамиллионному народу приказывать нельзя, определять его штыками — это безумие. Сорокамиллионный народ решит свою судьбу и не нуждается в чужой опеке.

Атаман Григорьев.

Григорьев прекрасно учел революционное настроение крестьянства и слабость немцев после революции в Германии и переметнулся от гетмана к Петлюре.

Что в этом документе есть замечательного, так это приказ бросить Украину пешком, т. е. притязание на все немецкое имущество. Разрешение взять с собою оружие было не больше, чем жест, ибо и малым ребятам было понятно, что, отдавая свое

оружие, немецкий солдат отдавал и свою голову. Трофеями крестьянских отрядов являлось не только «казенное имущество», но даже и личное — одежда убитых, раненых и пленных. Украинский крестьянин желал, чтобы немец ушел с Украины в одном белье. Этому можно найти оправдание в жестокости немецкой армии.

Петлюровцы не долго удержались после немцев в григорьевском районе. Наступавшая Красная армия разбила регулярные петлюровские части, и Григорьев вместе с своими партизанскими отрядами перешел на сторону советской власти. Так же, как и отряды Махно, их влили в Красную армию в качестве 3-й бригады 2-й Советской повстанческой дивизии.

Перейдя на сторону советской власти, Григорьев попрежнему активен. 10 марта он отдает приказ № 1 советским войскам херсонской группы и гражданам гор. Херсона. В этом приказе он обходит совершенно политические вопросы и ограничивается призывом к рабочим и крестьянам сохранять порядок, преследовать воров, мародеров, бандитов и всех вообще чем-либо нарушающих порядок и спокойствие мирных граждан. В приказе запрещается ношение оружия, продажа спиртных напитков, покупка, продажа и укрывательство военного имущества. За последнее Григорьев угрожал смертной казнью. Приказ призывал к сохранению найденного брошенным военного имущества. Воспрещались обыски, аресты и реквизиции имущества без мандатов. Единственным политическим моментом во всем приказе было запрещение агитации против советской власти. Но этот момент никак нельзя было замолчать. Этот многоговорящий, вернее — многое замалчивающий, документ должен был бы служить плохим предзнаменованием.

20 марта Григорьев обращается к офицерам добровольческой армии с приказом, в котором призывает офицеров-добровольцев, на основании личного приказа председателя Совета народных комиссаров Украины т. Раковского, оставить ряды добровольческой армии и перейти на сторону трудящихся масс. 29 марта нов. ст., — предупреждал Григорьев в приказе, — начнется штурм Одессы, а вслед за тем будет взят и Крым. В этом же приказе атаман Григорьев предлагал иностранцам оставить Россию, «пока восставший народ не напомнил иностранцам 1812 год».

Во всех этих документах Григорьев перед нами выступает как несомненно революционная фигура по отношению к помещичье-крепостнической реакции и иностранному империализму. Но несомненно также и то, что Григорьев ничего не желал говорить о целях своей борьбы в рядах советских войск. Обстоятельства принудили его перейти на сторону советской власти, но не сделали его сторонником последней.

Специальный военный корреспондент БУП'а, побывавший на одесском фронте, так описывает свои впечатления:

«Армия Григорьева, действующая на одесском направлении, сильно страдает вследствие железнодорожной разрухи на местах, отсутствия достаточного количества вагонов, паровозов, угля и дров, а также и продовольствия. Литература получается с большим опозданием. Последнее обстоятельство объясняется чрезвычайно малым числом политических работников для посылки в части войск и в базу за литературой. База эта находится в Николаеве, верстах в 150 от фронта. Бригада Григорьева, составленная частью из армии Дыбенко, не имеет в своем составе регулярных частей. Бригада состоит из повстанцев — бывших солдат. Самое страшное в армии — антисемитизм, вкоренившийся в умы солдат, несмотря на фильтровку лиц, желающих записаться в бригаду. Война в одесском направлении есть война станционная. Наши войска продвигаются вдоль линии железной дороги, занимая станцию за станцией. На ст. Березовке во время боя убито 600 греков, с нашей стороны убитых было мало. Все полотно железной дороги около вокзала, разрушенного снарядами, представляет собою белое пространство, усеянное разорванными документами греческих солдат. В селе Березовке расположился 15-й полк бригады Покуса, действующей вместе с бригадой Григорьева. 15-й полк состоит из солдат, занимающихся преимущественно грабежом и насилиями, которые заражают своим примером остальные части. Во главе этого полка находится некий Козырев, который именует себя „полковником“. Штаб Григорьева состоит из четырех десятков вагонов, с походной типографией и телеграфом. В типографии печатаются приказы; в первые дни даже выходила газетка. По распоряжению Григорьева, собраны все документы о зверствах греков перед уходом из Херсона. Сам

Григорьев — решительный и упрямый человек, не терпящий замечаний и неисполнения приказов. Хороший стратег, легко ориентирующийся в опасную минуту. Однажды он чуть не убил одного из командиров за неисполнение приказания. В Николаеве на расстоянии 50 шагов он убил выстрелом в голову проворовавшегося матроса. Солдаты Григорьева любят, но побаиваются. Армия нуждается очень в одежде и обуви. Дух среди повстанцев очень силен, сильно желание взять Одессу и разбить стан контрреволюционеров. Все эти чувства так доминируют, что солдаты легко переносят всякие лишения».

Некоторые факты указывали на грядущую измену. В мелкобуржуазной Украине меняющееся политическое настроение лучше всего можно было проследить на росте антисемитизма.

«Несмотря на пребывание в отрядах армии Григорьева евреев, — пишет тот же корреспондент в другом номере «Бюллетеня», — среди красноармейцев заметен антисемитизм, опирающийся, конечно, не на факты, а на провокационную агитацию. Повсюду приходится слышать заявления о захвате евреями власти». Корреспондент описывает сцену, свидетелем которой ему пришлось быть.

«Возвращаясь вместе с атаманом Григорьевым с позиций у моста Сербки, вся группа, сопровождавшая Григорьева, — командиры частей и чины штаба, — зашла отдохнуть в телефонную будку. Командиры частей стали жаловаться на несправедливое распределение технических средств среди частей. У одних винтовок в изобилии, даже излишки, у других недохватка. Один из командиров частей заявил: „У меня, правда, имеются излишние винтовки, но я сохраняю их до того момента, когда придется применить их против партии коммунистов-жидов“. Атаман Григорьев выступил тут же с примирительной речью, в которой своеобразно мотивировал, почему в коммунистах состоят преимущественно евреи и горожане. Конечно, речь эта была малоубедительна, и у корреспондента осталось определенное убеждение, что впереди предстоят большие трения, быть-может даже кровавые события, по пути организации коммун в деревне» [1].

---

[1] Архив Красной армии, дело № 10341 — дело личной канцелярии комфронта Антонова, л. 53.

Захват Одессы и Таврии Григорьевым вместе с нашими регулярными красноармейскими частями, раздутый печатью, приписавшей это целиком таланту Григорьева, вскружил голову «атаману Херсонщины и Таврии», как стал он себя величать после своих побед. В районе этих двух губерний советский и партийный аппарат был чрезвычайно слаб, и приказы Григорьева первое время являлись высшим законом. Чем больше креп советский и партийный аппарат, тем меньше влияния имел Григорьев. С освобождением Украины от разложившихся петлюровских частей, союзнического десанта и белогвардейских отрядов, для Григорьева впереди не было больше перспектив роста его популярности за счет дешевых побед. Или он должен был окончательно слиться с Красной армией и в числе одного из многих командиров исполнять волю революции и итти за пределы Украины во имя пролетарской революции, или, при желании сохранить свое самостоятельное лицо, должен был выступить против Красной армии, против революции. Маленький Наполеон считал, что не Красная армия помогла ему одержать ряд побед и создать себе популярность, а, наоборот, он помог Красной армии захватить Украину и что он украшает собой Красную армию. Из атамана Херсонщины и Таврии он хотел стать атаманом всей Украины путем переворота. Момент для переворота, вернее, для удара по украинской революции, был выбран им очень удачно. Рабоче-крестьянское правительство Украины для защиты изнемогавшей в борьбе с Румынией Венгерской советской республики объявило Румынии войну и отдало распоряжение наступать. Надо отметить, что в настроении красноармейских частей еще до отдания приказа о наступлении на Румынию было некоторое смущение. Значительная часть украинской армии состояла из лучшей части старой царской армии и из пролетариата, которые помнили лозунг «без аннексий и контрибуций». Еще задолго до постановки Бухариным в журнале «Коммунистический Интернационал» вопроса о наступательной тактике пролетарской революции, по отношению к капиталистическим странам этот вопрос дебатировался в красноармейских частях, расположенных на границе Румынии, и был решен в положительном смысле: крестьянские элементы Красной армии сумели перешагнуть через

грань локальности крестьянской точки зрения, перейти с точки зрения крестьянско-мелкобуржуазной на точку зрения пролетариата и рассматривать борьбу на Украине не с украинской колокольни, а с точки зрения интересов международной революции.

Часть Красной армии, состоявшая из бывших петлюровских частей, выступила против наступления на Румынию.

В григорьевских частях было много деклассированных и кулацких элементов. Григорьев в свои отряды не принимал рабочих и советских служащих, которые, кстати говоря, сами не желали вступать в григорьевские части. Пополнения, влитые в григорьевские части из числа мобилизованных и из Красной армии, в момент восстания оставались нейтральными или выступали против Григорьева. Нейтральность эта корнями своими имела не только популярность Григорьева в своих частях или данное им разрешение грабить и брать в свою пользу военную добычу, но и некоторый момент общественного характера. Наша земельная, продовольственная политика к маю 1919 года уже четко наметилась, и деревня высказала свое отрицательное мнение о ней в резолюциях съездов, о которых речь впереди. Выступить против советской власти, за которую раньше крестьянство боролось, оно не могло, — это было бы слишком большой ломкой психологии, да, кроме того, продразверстка реально действовать начала только через месяц после григорьевского мятежа (ко времени сбора урожая), но вся наша политика уже побудила некоторые элементы деревни перейти из числа наших союзников в нейтральное положение по отношению к нам.

В этом корень того, что восстание территориально чрезвычайно быстро расширилось. В ряде городов гарнизон без боя перешел на сторону Григорьева (Кременчуг, Черкасы и т. д.); достаточно было в каком-нибудь городе появиться григорьевскому отряду, чтобы гарнизон объявил себя нейтральным, и город переходил во власть григорьевских атаманов.

Части Красной армии, стоявшие на границах Галиции и Румынии, должны были отойти вглубь Правобережья для борьбы с григорьевщиной. По территории, захваченной Григорьевым, проходила волна еврейских погромов — симптом черной реакции. Везде насчитывались сотни жертв: в Черкасах и Елисаветграде по 3 000. Погромы устраивались григорьевскими частями, причем

руководящую роль играли офицеры. «Наш Голос» в № 116, от 3 июня 1919 г., печатает рассказ очевидца, который мы приводим в выдержках; это позволит нам сделать в позднейшем выводы о характере того союза, который через несколько месяцев был заключен между Махно и Григорьевым.

«В Черкасах, — рассказывает очевидец, — инициаторами погрома являлись офицеры Федоровский и Уваров. Первый — сын генерала, племянник местного заводовладельца Каурова и известного доктора Чуприна. Он сам принимал участие в грабежах. Банды его, ограбив мирное население, убивали с явными признаками насилия перед смертью. Были случаи продажи удостоверений штабом грабителей, находившимся на ст. Черкасы, на право жизни отцов и мужей [?], купленные честью молодых девушек . . .

«. . . Нет улицы в Черкасах, где бы не было убито семьи или члена ее. Жертвами являлись преимущественно ремесленники и люди нищеты. Гибли русские и евреи, портные и сапожники, прислуга, без всякого различия . . . В м. Смеле, после первого вступления григорьевцев, при первом еврейском погроме, в воскресенье, 11 марта, было убито 11 человек и разграблено преимущественно зажиточное буржуазное население. Казалось, этим откупилось маленькое местечко. Но проходившие эшелоны на Черкасы не пощадили оставшихся и, начиная с четверга, 15 мая, хватали на улицах, уводили из домов в особый вагон на станции, из которого 60 мужчинам приказано было бежать, и пулемет подкосил 56 человек, 4 случайно спаслись . . . Ездившие на розыски трупов рассказывали, как в лесу возле Смелы ими найдены трупы, зарытые с обнаженными ногами поверх земли — головой вниз.

«. . . И не только в местечках и городах лилась кровь, — много людей убито по дороге между Николаевом, Кременчугом и Раздельной; на этих участках пассажиров-евреев раскачивали в вагоне и на полном ходу выкидывали из вагона, затем еще пристреливали . . . На ст. Цибулево григорьевцы избивали красноармейцев за то, что они носили звездочки (красные) на фуражках» . . .

Мятеж и погромы встряхнули всю страну. 4-й крестьянский съезд Александрийского уезда, Херсонской губ., заседавший в то

время, выпустил воззвание против григорьевских погромов. Пленум Харьковского совета 12 мая принял постановление о мобилизации возрастов с 1890 по 1898 год. 15 мая 1919 г. аналогичное постановление приняло большинство советов Украины, профсоюзы мобилизовали 10% своих членов на борьбу с григорьевщиной. Не только пролетариат мобилизовал свои силы, но и мелкобуржуазные партии выступили против мятежа, ибо слишком ясна была его контрреволюционная сущность. РСДРП и Бунд мобилизовали свои силы против Григорьева и Деникина. Левые эсэры большинства и с.-д. «незалежники» (независимые) вынесли также резолюции против григорьевской авантюры. Необходимость сплочения всех революционных сил и создания единого фронта против контрреволюции побудила ЦК КП(б)У вынести постановление о вхождении в Совнарком УССУ украинских левых эсэров группы «Борьба». Им были предоставлены портфели наркомов просвещения, финансов и юстиции, места замнаркомов продовольствия, внутренних дел, путей сообщения и заместителей председателей Совнархоза и ВЧУК. Коммунистической части Бунда было дано представительство в ВУЦИК. От него вошел в ВУЦИК Рафес. Лишь две партии солидаризировались с Григорьевым и даже возглавляли григорьевский мятеж: партии украинских левых эсэров-активистов и с.-д. «незалежники-активисты». В постановлении Совета рабоче-крестьянской обороны они были объявлены вне закона, и им был объявлен красный террор.

Мятеж был быстро ликвидирован. Кроме коммунистов, с.-р. боротьбистов и профсоюзов, и крестьяне отдельных районов дали свои отряды на борьбу с авантюрой. В одном Новомосковском уезде записалось 500 крестьян. Григорьевский мятеж, быстро вспыхнувший, так же быстро спал. Больших кадров у Григорьева не было. С ним, по словам т. Л. Каменева, шло всего около 6 000 человек совершенно разложившихся частей, шедших за Григорьевым еще при Петлюре. Нейтральность некоторых гарнизонов, объясняющая легкий успех Григорьева при захвате им большой территории, была причиной его гибели, поскольку нейтральные силы его не поддержали в борьбе с большевиками. Состав григорьевской армии дал т. Раковскому право на заседании ВУЦИК 12 мая охарактеризовать григорьевское восстание не крестьян-

ским, а преторианским[1]. Эта характеристика правильна лишь частично. По своему составу григорьевские части были деклассированными элементами — преторианцами, рожденными гражданской войной, которых обильно выделяла украинская деревня. Но эти преторианцы являлись орудием в руках кулачества. Григорьевский мятеж был кулацким восстанием, первой попыткой украинского кулачества использовать противоречия между пролетариатом и крестьянством. Кулачество ни в коей мере не было заинтересовано в судьбах мировой революции, в защите венгерской революции от Румынии, и предполагало, что крестьянство, в силу своей локальности, окажется вместе с кулачеством, будет против войны и сможет быть использовано против пролетариата. Но крестьянство оказалось значительно зрелее, и григорьевскую авантюру оно не поддержало. Антисемитизм григорьевщины есть продукт конкуренции между кулаками и еврейской мелкой торговой буржуазией, которая не давала возможности кулаку занять ту позицию скупщика и перепродавца хлеба, которую он занимал в России.

На той ступени развития противоречий между пролетариатом и деревней, которой Украина достигла к маю 1919 г., кулачество не могло никого использовать в качестве физической силы, кроме деклассированных элементов. В июле же, т. е. через месяц, назревает более острый кризис, когда уже не кулачество выступает авангардом в борьбе против советской власти, а начинает бунтовать середняк, в лице махновской армии.

Для судеб украинской революции вопрос об отношении махновской армии к григорьевскому мятежу играл весьма важную роль, ибо Григорьев открыл юго-западный участок фронта, и если бы в это время Махно открыл юго-восточный, то еще в мае Украина была бы потеряна для Советского Союза.

---

[1] Преторианцы — лейб-гвардия римских цезарей — были замешаны во всех политических переворотах, свергая нелюбимых ими цезарей и возводя на престол своих популярных военачальников. Оторванные от производства (ремесло и сельское хозяйство) своей профессией (военная служба), они деклассировались и в своих политических симпатиях руководствовались лишь тем, кто из цезарей даст им больше возможности грабить, кто обеспечит им лучшую жизнь, хотя бы ценою разорения страны.

Л. Б. Каменев, бывший тогда на южном фронте представителем Совета труда и обороны, обратился к Махно с телеграфным запросом следующего содержания:

Изменник Григорьев предал фронт: не исполнив боевого приказа итти на фронт, он повернул оружие. Подошел решительный момент: или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвания против Григорьева, сообщив мне копии в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров — вашу, Аршинова, Веретельникова и других.

Махно хотя и отдал приказ по частям своей бригады держать фронт против Деникина, но в нем он пишет: «Честь и достоинство революционера требует от нас оставаться верными революции и народу, и распри Григорьева с большевиками из-за власти нас не могут заставить открыть фронт для кадетов-белогвардейцев, стремящихся поработить народ, вверивший нам себя и свою жизнь в борьбе за торжество революции».

Еще более резкой телеграммой ответил он Каменеву.

По получении от вас и от Рощина телеграфного известия о Григорьеве, мною немедленно было дано распоряжение по фронту держать фронт неизменно верно, не уступая ни одного шага из занимаемых позиций Деникину и прочей контрреволюционной своре, и выполнять свой революционный долг перед рабочими и крестьянами России и всего мира. В свою очередь, заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия, в лице комиссариатов и чрезвычаек, творящих произвол над трудовым населением. Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это преступная авантюра и измена рабочей революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле, но у меня нет точных данных о Григорьеве и движении, с ним связанном, — я не знаю, что он делает, с какими целями. Поэтому выпускать против него воззвание воздержусь до получения о нем более ясных данных. Как революционер-анархист, заявляю, что никоим образом не могу поддержать захват власти Григорьевым или кем бы то ни было, буду попрежнему с товарищами повстанцами гнать деникинские банды, стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрылся свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя, и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и многие комиссариаты, проводящие партийную диктатуру даже в отношении анархических объединений и анархической печати, встретят в нас энергичных противников.

Комбриг батько *Махно.*

Члены штаба (подписи).

Председатель культ.-просвет. отдела *Аршинов.*

Грозное «memento» слышится в этой телеграмме. Махно потребовал пропуска своей делегации к Григорьеву для проверки фактов, сообщаемых газетами. Это было разрешено, а начдив Дыбенко предложил автомобиль делегации. Делегация, отправившаяся к Григорьеву, вернулась, не доехав до него, так как в районе ст. Пятихатки она увидела плоды григорьевского мятежа в виде груды трупов мирных жителей-евреев и познакомилась с воззваниями и политикой григорьевщины по рассказам местных крестьян.

В результате обследования махновская армия к григорьевщине не примкнула, но отрицательное отношение к советской власти не изменилось.

ГЛАВА V.

АНТИСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД МАХНОВЩИНЫ В 1919 Г.

К июню противоречия достигли наибольшей остроты. Их нужно было разрешить. Разрыв был неминуем. Махновцы решили созвать свой очередной 4-й съезд в Гуляй-Поле. Исполком военно-революционного совета Гуляй-Поля обратился с воззванием к исполкомам «уездным, волостным и сельским Екатеринославской, Таврической и рядом расположенных с ними уездов, волостей и сел, всем повстанческим частям 1-й Украинской повстанческой дивизии имени батька Махно и красноармейским частям, расположенным в районе данной местности. Всем, всем, всем».

В воззвании указывалось, что «Исполком военно-революционного совета, в заседании 30 мая обсудив создавшееся положение на фронте в связи с наступлением белогвардейцев и принимая во внимание общеполитическое и экономическое положение советской власти, находит, что выход из создавшегося положения может быть указан только самими трудящимися массами, а не отдельными лицами и партиями. На основании этого Исполком военно-революционного совета Гуляйпольского района постановил: созвать экстренный съезд Гуляйпольского района на 15 июня (нового стиля) 1919 г. в селе Гуляй-Поле».

Почти одновременно, 2 июня, т. Троцкий написал статью «Махновщина» в своей поездной газете «В пути», в которой он по-обычному бросил острую и ядовитую фразу, возмутившую махновскую массу: «Поскобли махновца — найдешь григорьевца. А чаще всего и скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак или мелкий спекулянт откровенно торчит наружу». Когда до сведения командования Красной армии дошел приказ махновского штаба о созыве им чрезвычайного съезда, последовал открытый разрыв. 8 июня по Красной армии был

отдан приказ о ликвидации махновщины, открыто названный «Конец махновщине». Одновременно с этим Махно, как начдиву, был отдан приказ сдать дивизию вновь назначенному командиру. Настроение в частях махновской дивизии было таково, что Махно должен был сдать ее, ибо ряд тяжелых поражений не прибавил популярности его имени, а авторитет Красной армии, победоносно продвигавшейся на всех фронтах, кроме украинского, был очень высок. Махно наружно подчинился, сдал дивизию и уехал, захватив с собой несколько десятков преданных ему людей из рядов махновцев. Свой комсостав он оставил в дивизии и, несмотря на просьбы командиров отдельных частей его дивизии, он не хотел их брать с собой, предложив им оставаться в дивизии до его особого приказа. Позже коварный план взрыва изнутри дивизии был им настолько удачно выполнен, что он доделал то, чего не успел сделать Деникин.

Покидая Красную армию, Махно заявил, что, несмотря на то, что его снимают с командования, он, оставаясь революционером, уходит в тыл белых на борьбу с белогвардейцами. Его беспрепятственно пропустили через линию фронта, но вместо того, чтобы направиться в тыл к белым, он прошел вдоль фронта мимо родного Александровска в совершенно ином направлении. Уже на другой день у г. Александровска можно было убедиться в намерениях Махно. Предгубисполкома Запорожья т. Гоппе просил Махно защитить город от наседавших на него белых, Махно согласился. Его впустили в город, он прошел через него и ушел в неизвестном направлении. Впрочем, это направление вскоре стало известным. Махно в тылу сражавшихся частей Красной армии неожиданно напал на красный отряд. Отряд не растерялся и отбил это нападение. Через несколько дней Махно нападает на Елисаветград, объясняя это тем, что в местной тюрьме находятся несколько арестованных махновцев и анархистов, но и здесь он потерпел неудачу. Елисаветградский гарнизон здорово потрепал махновский отряд, и он должен был с позором отойти от города.

Начинается полоса борьбы Махно с советской властью, бродяжничества махновского отряда по степной Украине, полоса нападений на тыл советских войск, захвата городов и разграбления их, разгромов чека, парткомов, продовольственных комитетов и учреждений, связанных с государственной политикой

советской власти. В этот период и состоялась случайная встреча махновцев с григорьевским отрядом в районе села Петрова, Александрийского уезда Херсонской губ. (недалеко от «столицы» Григорьева — села Верблюжки того же уезда). У обоих атаманов была общая почва — борьба с советской властью. Перед махновцами, недавно дававшими Григорьеву характеристику «авантюриста», «белогвардейца» и т. д., встал вопрос об отношении к Григорьеву. Любопытны колебания, которые были среди руководящих кадров махновщины. Послушаем рассказ участника событий — члена махновского штаба [1].

«Махно послал делегатов к Григорьеву. Часа через два приехал Григорьев, его начальник штаба Бондарь и еще два члена его штаба. При входе Григорьева его первыми словами были: „А у вас тут жидов нет?“.

«Когда Григорьев . . . так сказал, есть ли у нас жиды, то ему кто-то ответил, что есть. Он заявил: „Так будем бить“. В это время подошел и Махно, и разговор Григорьева был прерван. Махно задал первый вопрос: „Это ваш универсал?“. Григорьев ответил: „Да, мой“. Махно ничего не сказал, а только покачал головой и сказал, что он немного с ним несогласен. Но Григорьев ничего не ответил. После этого они перешли на разговоры, за что Григорьев был объявлен вне закона. Долго они говорили, а потом Махно велел созвать членов штаба для того, чтобы кое-о чем поговорить. Были созваны: Шпота, Фома Кожин, Фома Каретников, Семен Чалый, Григорий Махно, Нестор Махно, Алексей Чубенко, Марченко Алексей, Василевский, Тарановский, Александров, Лащенков. Когда все были в сборе, было объявлено заседание.

«На повестке было соглашение махновцев с Григорьевым. Разговоры продолжались целые сутки; после некоторых вопросов совещались то григорьевцы, то махновцы. Как только зашел вопрос, с кем будем воевать, Махно задал вопрос: „Кого мы будем бить? коммунистов?“ (предложил он). Григорьев отвечал: „Будем Петлюру бить“. Махно говорил, что будем Деникина бить. Григорьев тут уперся и стал говорить, что если он говорил: „Будем бить коммунистов и петлюровцев“, — то потому, что он

[1] Музей ГПУ УССР. Запись показания Чубенко. В виду малограмотности автора, внесены стилистические исправления.

уже видел, кто они такие, а Деникина он еще не видел, а потому бить его не собирается.

«Когда сказал это Григорьев, то мы вышли совещаться; за то, чтобы соединиться с Григорьевым, было 4 голоса, а за то, чтобы Григорьева тут же расстрелять или же не соединяться, — 7 голосов. Но Махно стал говорить, что во что бы то ни стало нужно соединиться, так как мы еще не знаем, что у него за люди, и что расстрелять Григорьева мы всегда успеем. Нужно забрать его людей: те — невинные жертвы, так что во что бы то ни стало нужно соединиться. После такой речи Махно было за соединение 9 голосов и два воздержавшихся.

«Когда закончились переговоры, то возник вопрос, кто будет командовать всеми вооруженными силами; вопрос этот решен был так: Григорьев должен быть командующим всеми вооруженными силами, а Махно председателем реввоенсовета. Командующий всецело должен подчиняться председателю реввоенсовета, т. е. Григорьев должен подчиняться Махно. Начальником штаба был назначен брат Махно — Григорий Махно, начальником снабжения — григорьевец, начальником оперативной части — Пузанов (махновец). Так был сорганизован штаб и реввоенсовет».

Комментариев к этому рассказу не требуется.

Союз этот продолжался недолго. Махно и махновцы в 1919 г. представляли идеологию середняка зажиточного района Украины, Григорьев же был типичным представителем кулацких интересов. Середняк хотя и боролся против советской власти, но еще большим врагом для него был помещик и его защитник — Добровольческая армия. Кулак же был враждебен только красным и не прочь был завести марьяж с белогвардейской армией. Григорьева и заподозрели в связи с белогвардейской армией. Кроме того, поведение григорьевских войск, состоявших в большинстве случаев, как мы уже упоминали, из деклассированных элементов и кулачья, претило даже махновцам. Махновские повстанцы жаловались Махно на Григорьева, что последний стоит на стороне буржуазии, продукты, реквизированные у сельской буржуазии, он возвращает последней, а у бедных забирает и, в случае жалобы бедноты, выгоняет ее из штаба. Кроме того, повстанцы жаловались, что Григорьев вооружает бывших помещиков; так, например, он оставил у одного помещика пуле-

мет, два ящика патронов, несколько винтовок и обмундирование на несколько человек. Григорьев, — указывали они, — расстрелял махновца за то, что тот ругал попа и вырвал из поповского огорода лук. Повстанцы доказывали, что Григорьев относится сочувственно к белым: когда вблизи показываются войска Шкуро, он всегда приказывает отступать, мотивируя это слабостью своих сил. Жаловались повстанцы также и на то, что Григорьев избивает беспощадно евреев, а русских грабит; грабит он и крестьянские кооперативы и т. д.

Слова повстанцев относительно подозрительного поведения Григорьева по отношению к белым получили полное подтверждение в следующем факте. Однажды повстанцами были арестованы два каких-то подозрительных типа, которые были представлены в штаб. Они хотели видеть самого Григорьева. Махно назвался Григорьевым, и тогда один из них вынул письмо от командования белой армии, отправленное Григорьеву. Махно расстрелял парламентеров, а его штаб в тот же день за обедом, распивая самогонку, решил расстрелять Григорьева. В селе в этот день был митинг, созванный махновским командованием. На митинге махновцы агитировали за вступление в повстанческую армию и за борьбу с белыми. Крестьяне весьма хмуро слушали докладчика, так как вошедшие войска разгромили крестьянский кооператив и разграбили его содержимое. Хмуро выслушав докладчика, крестьяне весьма резонно ответили на призыв бороться с белыми: «Тех-то мы знаем, а вы кто такие? Как только явились к нам в село, так разбили последнюю лавку крестьянского кооператива, разграбили все, что было там».

Пришлось махновцам заявлять, что это было дело рук григорьевцев. На этом же митинге Григорьев был объявлен контрреволюционером и царским слугою, бывшим офицером, у которого в глазах «до сих пор блестят его золотые погоны». В этот же день и были ликвидированы остатки григорьевщины. Чрезвычайно колоритно произошло это событие, и рассказ о нем участника события привести необходимо [1]:

[1] Музей ГПУ УССР. Запись показания Чубенко. Для нас интерес, понятно, заключается не в том, кто убил Григорьева, а в описании крестьянского «военно-полевого» суда. Убийство Григорьева было скорее самосудом, чем судом.

«В то время, когда я говорил (на митинге против Григорьева. *М. К.*), то Григорьев прошел в толпе и подошел ко мне, но сзади меня сидел Махно. Тогда он обратился к Махно и сказал, что я ответствен за то, что говорю. Махно же ему ответил: „Пусть кончает, мы его спросим". Я, увидев такое дело, кончил говорить. После меня выступил Фома Шпота, а я пошел в помещение сельского совета, а за мной пошел Григорьев, а за Григорьевым пошел Махно, Каретников, Чалый, Колесник, Троян, Лепетченко и телохранитель Григорьева, какой-то грузин.

«Зайдя в помещение сельсовета, зашел за стол, вынул из кармана револьвер „Библей" и поставил его на боевой взвод. Это я сделал так, чтобы Григорьев не заметил, и, стоя за столом, держал в руке револьвер. Когда зашли все остальные, то Григорьев стал около стола против меня, а Махно рядом с ним с правой стороны, Каретников сзади Махно; с левой стороны Григорьева стали Чалый, Троян, Лепетченко и телохранитель Григорьева. Григорьев был вооружен двумя револьверами системы „Парабеллум"; один у него был в кобуре около пояса, а другой привязан ремешком к поясу и заткнут за голенище.

«Григорьев, обращаясь ко мне, сказал: „Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам". Я ему стал по порядку рассказывать, на основании чего я говорил. Сначала я ему сказал, что он поощряет буржуазию: когда брал сено у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков и те приходили просить, так как у них это последняя надежда, то он их выгонял. Затем я ему напомнил, что он оставил у одного помещика пулемет, два ящика патронов и несколько винтовок, 60 пар черных суконных брюк, в то время как у нас люди совершенно раздеты; затем я ему напомнил о том, как он расстрелял махновца за то, что он у попа вырвал лук и выругал попа. Я ему еще напомнил несколько человек, которым он бил морды, потом я ему еще сказал, что он действительно союзник Деникина и не захотел наступать на Плетеный Ташлык, так как там были шкуровцы. Григорьев стал отрицать, я ему в ответ: „Так вы еще отрицаете, что вы не союзник Деникина, а кто же посылал делегацию к Деникину и к кому приезжали офицеры, которых Махно расстрелял?".

«Как только я это сказал, то Григорьев схватился за револьвер, но я, будучи наготове, выстрелил в упор в него и попал выше левой брови. Григорьев крикнул: „Ой, батько, батько!". Махно крикнул: „Бей атамана!".

«Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил.

«Телохранитель Григорьева выхватил маузер и хотел убить Махно, но Колесник стоял около него и схватил его за маузер и попал пальцем под курок, так что он не мог выстрелить. Махно в это время забежал сзади телохранителя и начал стрелять в него. Он выстрелил пять раз, и пули прошли навылет и ранили его, телохранителя, и Колесника, так что они оба упали одновременно. Когда оба (Григорьев и его телохранитель) были убиты, то их вытащили за ворота в канавку. В это время прибежали Щусь, Забудько, Лазаренко и еще каких-то четыре кавалериста.

«Махно приказал, чтобы я взял у кавалериста лошадь и быстро сообщил своим войскам, чтобы они оцепили село и разоружили григорьевцев, что и было сделано. Когда григорьевцы были разоружены, то они пошли в штаб, где был еще один григорьевский командир и казначей, которых они забрали и тут же на площади убили камнями. А бывший начальник штаба Григорьева Бондарь бежал, и, как ни старались его поймать, не смогли. Так была ликвидирована григорьевщина, и многие григорьевцы у нас остались...

«После ликвидации григорьевщины Махно опять принял командование и распорядился, чтобы мы во что бы то ни стало заняли одну из железнодорожных станций для того, чтобы можно было сообщить по телеграфу, что нами убит атаман Григорьев и что григорьевщина ликвидирована. Телеграмма была следующего содержания: „Всем. Всем.. Всем. Копия — Москва, Кремль. Нами убит известный атаман Григорьев. Подпись: Махно. Начальник оперативной части Чучко"».

Политические акции Махно благодаря убийству Григорьева высоко поднялись в глазах анархистов и левых с.-р. «Революционная честь» мелкобуржуазных украинских кругов была удовлетворена. Анархисты на основании убийства Григорьева

доказывали революционность махновщины. Но Махно, совершив один революционный акт, ударив направо, как будто торопится уравновесить положение ударом налево, ударом по советской власти. По его распоряжению, в конце июля в отступавших из Крыма красноармейских частях был произведен переворот. Эти части были сформированы в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях и входили вначале в состав 3-й Заднепровской дивизии (комдив Дыбенко), а позже в состав Крымской армии, во главе которой попрежнему стоял Дыбенко как командарм и наркомвоен Крымской республики. В этих частях после ухода Махно попрежнему оставались на руководящих постах махновские командиры. Переворот был организован бывшими махновскими командирами Калашниковым, Дерменжи и Будановым. Восставшие части захватили красных командиров и пошли на соединение с Махно. Махновцы понимали, какое катастрофическое значение имела эта измена. «Для большевиков этот переворот явился жестоким ударом, сведшим на нито остатки их влияния и военной силы на Украине», — пишет в своей книге Аршинов. Благодаря этому удару Деникин быстро продвинулся вперед. Окончательная измена середняка расчистила победоносное шествие деникинщины по Украине. Махновцы же стали формировать свою армию, предполагая, что уход большевиков с Украины означает возможность их самостоятельного существования. Вся махновская армия была разбита на четыре бригады пехоты и конницы, артиллерийский дивизион, пулеметный полк; отдельная конная сотня состояла неотлучно при Махно. Всего было в то время, по словам Аршинова, около 15 000 бойцов. Территория распространения махновского влияния захватывала район станций Помощная—Елисаветград—Вознесенск (где и формировалась армия Махно).

Для характеристики того, кто шел в махновскую армию и кого Махно охотно принимал, может служить следующий факт, о котором мы узнали по запискам одного из рядовых махновцев, сохранившимся в делах штаба махновской армии. Какой-то большевистский бронепоезд, вся поездная прислуга которого состояла из матросов, при отступлении красных войск из Украины, сознательно или случайно, попал в линию расположения махновских войск. «Братишки» предложили свои услуги

Махно, но Махно им не поверил и приказал их разоружить. Через несколько дней махновские войска окружили один из советских пехотных полков, отступавший в Россию, и предложили ему перейти на сторону Махно, обещая никого не трогать и даже сохранить полк как отдельную боевую единицу. Полк отказался. Махно их упрашивал, но, когда все его уговоры не изменили решения красноармейской массы, он приказал их разоружить. На удивленные вопросы штаба о его различном отношении к матросам и к пехоте Махно ответил, что матросы все большевики, а пехота без убеждений. Назвать всех матросов в 1919 году большевиками было бы чистейшим абсурдом. Смысл отказа Махно заключался в том, что его армия не нуждалась в бронепоездах и что такая технически квалифицированная воинская часть могла быть только в регулярной армии, а не в партизанском таборе, какой представляла собою армия Махно. Пехота, состоявшая из крестьянских сынов, естественно, для крестьянской армии Махно была наиболее желанной.

Махно, расчистив свободный путь Деникину, сам под давлением деникинских войск должен был отступить из занимаемого им района.

Деникину нужно было расчистить свой тыл, чтобы спокойно продвигаться вперед.

Около двадцатых чисел августа «революционно-повстанческая армия (махновцев)» вступила в непрерывные бои с деникинцами, разбила несколько их частей, отбила бронепоезд «Непобедимый» и заставила белых эвакуировать Елисаветград; но махновцы не смогли удержать своих позиций и принуждены были непрерывно отступать на северо-запад, к Умани и Киеву.

Деникин сгруппировал против Махно несколько офицерских полков и решил, видимо, с корнем вырвать махновщину.

В районе Голта—Умань махновцы очутились в мешке. Впереди их находились петлюровцы, сзади Деникин, выходы на юг и север также были заперты. Вначале петлюровцы обещали сохранять нейтралитет по отношению к махновцам, но очень быстро махновцы выяснили, что петлюровцы хотели сохранить мир с деникинцами ценою предательства махновцев. Для махновской армии наступил критический момент. 26 сентября махновская

армия неожиданно повернула с запада на восток и обрушилась под селом Перегоновкой на не ожидавшие этого поворота деникинские части. Удар был чрезвычайно сильный. 27 сентября деникинцы были смяты и разгромлены. 51-й Литовский полк был взят целиком в плен со всем комсоставом, при нем 3 орудия, масса патронов, снарядов, пулеметов. Были уничтожены 1-й Симферопольский и 2-й Лабзинский полки. «Стратеги — генералы и офицеры, — сняв с себя обмундирование, бегут в леса. Поле усеяно трупами и погонами от Умани до Кривого Рога. Кривой Рог и Долинская оставлены противником без боя. За последние дни взято нами 20 орудий, более 100 пулеметов, 120 офицеров и 500 солдат, причем последние изъявили желание сражаться в наших рядах против золотопогонного офицерства. Разведка наша, посланная по направлению Александровска, Пятихатки и Екатеринослава, до сего времени противника не обнаружила»[1].

Деникинское командование этого не ожидало. За месяц до этого грандиозного поражения екатеринославский губернатор в своем приказе к населению призывал само население бороться с махновцами в виду малого количества последних и плохого вооружения у них. За несколько дней до занятия махновцами части Екатеринославской губернии он успокаивал общественное мнение, заявляя, что городу ничего не угрожает от петлюровских и махновских шаек. Было ли это простым легкомыслием (в чем его теперь задним числом деникинские публицисты обвиняют) или желанием скрыть от населения правду, — неизвестно. Во всяком случае, необычайно быстрое продвижение махновской армии по Украине могло застать его врасплох.

6 октября Махно отдает приказ наступать на юг: командиру 2-й бригады выступить со всеми пехотными частями и 3-м Донским кавалерийским полком прямым сухопутным сообщением на г. Бердянск. Командиру приказывается «подойти к городу по берегу моря с западной стороны и принять меры не выпустить в море ни одного судна, для чего поставить артиллерию на удобном месте и начать обстрел порта, а части пустить на

[1] Оперсводка рев.-повст. армии имени батька Махно от 3/X 1919 г., см. «Путь к свободе», № 4, от 3/X 1919 г.

город»[1]. Оперсводка от 11/X сообщает о захвате Бердянска. В нем махновцы захватили 2 000 снарядов, 16 английских и русских орудий, множество патронов, 30 грузовых автомобилей, 5 легковых, 2 мотоцикла, 1 аэроплан[2]. Одновременно махновцами были захвачены Александровск, Мариуполь, Никополь и другие города района. Фактически махновцы уничтожили все тыловые силы Деникина; захватом же таких важных станций, как Синельниково и Лозовая, они отрезали деникинскую армию от ее баз снабжения. Захват Бердянска и Мариуполя отнял возможность связи с внешним миром через эти два порта. Махновщина, ускорив приход Деникина на Украину, обеспечив ему успех, взорвала его изнутри захватом части Екатеринославской и Таврической губерний. У Деникина в глубоком тылу, на Украине, не было воинских частей, кроме брошенных на борьбу с Махно. Посланные в разные стороны махновской контрразведкой 4 контрразведчика донесли, «что вплоть до Никополя и в самом Никополе деникинских войск не было. В Никополе безвластие. Туда прибыл отряд из 50 офицеров, который убил человек 30 отставших от своих частей махновцев и ушел в неизвестном направлении». В противоположной стороне, на ст. Верховцево, неприятеля тоже не было. В Кривом Роге всего было лишь 25—50 человек государственной стражи. Над Днепром от Никополя до Херсона войск не было никаких. В Херсоне было всего лишь человек 100—150 (исключительно офицеров). Настроение крестьян в селах, которые посетила разведка, «благоволящее махновщине, в некоторых селах избраны и функционируют советы, а в иных не имеются, за неимением на выборы таковых предписаний»[3]. Фактически у Деникина не было тыла. Сгруппированный им против Махно кулак был разбит, а оставшиеся на Украине силы были ничтожны. Фактически в деревнях «тройки» существовало безвластие. Махновцы и желали

---

[1] Приказ № 28 по войскам Украинской партизанской повстанческой армии имени батька Махно, октября 6 дня 1919 г. Архив Красной армии (Москва), дела штаба махновской армии, дело № 6983, л. 49.

[2] «Путь к Свободе», № 9, от 16/X 1919 г.

[3] Архив Красной армии, дела махновской армии, дело № 6988, донесение контрразведчиков I Донецкого корпуса Рябухина и Холодова 3/XII 1919 г. (л. 104), Григория Россет (л. 105).

этого. В воззвании, выпущенном накануне взятия Бердянска и Александровска к повстанцам и командирам армии за подписью военно-революционного совета РПА [1] имени батька Махно, говорилось: «Товарищи повстанцы! С каждым днем расширяется район действий революционной повстанческой армии. Недалек, вероятно, день, когда повстанцы освободят от власти Деникина тот или другой город. Это будет **город** (жирный шрифт в тексте. *М. К.*), освобожденный повстанцами-махновцами от всякой власти. Это будет город, в котором под защитой революционных повстанцев должна будет закипеть вольная жизнь, должна будет начать строиться свободная организация рабочих, в единении с крестьянами и повстанцами».

Махновский руководящий орган и сам Махно подчеркивали мысль о захвате первого города, где они получат возможность строить «вольный советский строй». Деревня, поддерживавшая Махно, дававшая ему людей, вооружение и пищу, бывшая источником его раздоров с советской властью, вольную коммуну не строила. Старая власть уходила, а взамен ее крестьянство или ничего не создавало, т. е. фактически существовало безвластие, или создавало советы, понимая их как орган советской власти. Деникинская оккупация перевела опять середняка на рельсы симпатии к советской власти.

Махновцы захватили в конце октября ряд городов; ими был захвачен и Екатеринослав, в котором они пробыли полтора месяца. Екатеринославский период с очевидностью доказал утопичность стремления анархо-махновцев строить немедленно безвластно-анархический строй и одновременно показал реакционную сущность этих стремлений. Попытка построить такой строй означала попытку середняка освободиться от города и уйти от столбовой дороги гражданской войны, от борьбы двух основных сил — пролетариата и буржуазно-помещичьей реакции, занять самостоятельную позицию между обеими группами. Анархисты, сидевшие в РВС махновской армии, и сам Махно предполагали, что препятствием к осуществлению вольного анархического строя может явиться лишь плохое поведение повстанцев; поэтому воззвание убеждало повстанцев:

[1] Революционно-повстанческая армия.

«ни одного убийства, ни одного грабежа, ни одного насилия, ни одного сомнительного обыска». Только в самих махновцах лежит, по мнению автора воззвания, возможность успеха или провала попытки строить коммуны: «Вопрос нашего поведения в занимаемых местностях есть вопрос жизни и смерти всего нашего движения».

Обратимся к изучению этой единственной в своем роде в XX веке попытки анархистов построить безвластную коммуну.

ГЛАВА VI.

«ВОЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ СТРОЙ» НА ПРАКТИКЕ.

Вопрос о безвластии на махновских съездах.

Период конца 1919 г. в истории махновщины особенно интересен. Это период самостоятельного «государственного» существования крестьянской республики в тылу деникинских войск.

Махновцы, очистив небольшую территорию в оккупированной Деникиным Украине, попытались построить свое безвластное государство, которое находилось во враждебных отношениях с буржуазией и в довольно натянутых с пролетариатом. Оно просуществовало полтора месяца. Это был один из моментов в мировой истории, когда анархисты пытались доказать жизненность своих идей. Их государство занимало несколько уездов — территорию, в которую входили города: Екатеринослав, Верхнеднепровск, Кичкас, Никополь, Апостолово, Берислав [1] — со столицей в г. Екатеринославе. Вокруг территории распространения махновской «власти» возникла полоса, хотя и не входившая в сферу, подвластную Махно, но в которой власти Деникина не было. Власть находилась в руках местных крестьянских партизанских отрядов. Они в большинстве случаев были «за советскую власть, но против коммуны», т. е. за демократическую крестьянскую власть и против РКП. Так, например, Каменское (здесь находится колоссальный Днепровский металлургический завод) было занято местными петлюровцами, Кривой Рог и Долгинцево — повстанцами, тяготеющими к Махно; Новомосковск был «за советскую власть», но «против

[1] Отчет Екатеринославского губкома от 10/I 1920 г. Архив Революции Украины (Харьков), дело № 1-б—1/2, л. 14.

коммунии». Доклад подпольного губкома, работавшего при власти Махно, сообщает: «В районе Екатеринославской губернии существует ряд других повстанческих отрядов, иногда довольно крупных. Настроение в них за советскую власть, но резко антикоммунистическое (сказывается отсутствие партийной работы и пролетариата); сильно развиты грабежи. Некоторые (отряды. *М. К.*) называют себя махновцами и ожидают его (Махно. *М. К.*) для объединения, другие — по имени командиров Бибикова, Дика, Колосова и проч. Частично встречаются отряды петлюровцев» [1].

До екатеринославского периода махновцы не имели постоянной территории, и кочующий образ жизни махновской армии служил известным оправданием их исключительно разрушительной работы.

Основные принципы махновского строительства были прокламированы на съездах советов крестьянских, рабочих и повстанческих депутатов в Гуляй-Поле в феврале и апреле 1919 г. и в Александровске в конце октября 1919 г.

Четвертый съезд, который должен был собраться в Екатеринославе в декабре 1919 года, не состоялся из-за наступления генерала Слащева, выбившего махновцев из Екатеринослава. Но два состоявшихся съезда дают достаточный материал для суждения о политике махновцев. О первом съезде мы уже говорили раньше. Он только наметил тенденции расхождения партизански настроенной деревни с советской властью. Июньский съезд 1919 г. не состоялся из-за разрыва с советской властью.

Съезд крестьян, рабочих и повстанцев, происходивший в г. Александровске с 27 октября 1919 г. по 2 ноября 1919 г., был созван по инициативе РВС армии Махно [2]. Целью съезда было разрешение ряда вопросов, связанных с деятельностью и организацией повстанческой армии. Представительство на съезде — 1 делегат от 3 000. Для частей махновской армии представительство было значительно ниже; такое же снижение было

---

[1] Доклад подпольного Екатеринославского губкома от 5/XII 1919 г. Архив Революции, Харьков, дело № 1-б—1/2, л. 32.

[2] Материалом о съезде послужили доклады Екатеринославского, Александровского, Мелитопольского подпольных комитетов РКП и нескольких подпольных работников в Укрцентр (Архив Революции, Харьков).

проведено и для Гуляй-Поля, т. е. крестьянству было предоставлено больше политических прав. От рабочих прибыли только 17 делегатов Александровска, остальные города рабочих не присылали.

Коммунисты были представлены на съезде А. Орловым (впоследствии оказался провокатором, посланным Добрармией, и был расстрелян харьковской ЧК) и Новицким, прошедшим от союза иглы. Меньшевики имели своими делегатами 11 рабочих, делегированных профсоюзами. До съезда в Александровске были проведены рабочие конференции союза железнодорожников, металлистов, работников иглы и проч. На них обсуждался самый больной вопрос о зарплате. Махно хотя и пользовался железной дорогой на участке Александровск — Мелитополь, но денег не платил. Рабочие в течение октября голодали. На конференции не было ничего известно о предстоящем съезде. Делегаты на съезд были выдвинуты принудительно по распоряжению Махно и были посланы рабочими только для информации. За неприсылку делегатов Махно грозил репрессиями.

На съезде присутствовало до 300 человек. Большинство рабочей делегации покинуло съезд из-за конфликта с Махно, о чем будем говорить в дальнейшем.

На повестке стояли следующие вопросы: 1) организация повстанчества, 2) организация снабжения армии, 3) организация съездом комиссии из крестьян, рабочих и повстанцев для созыва дальнейших съездов и конференций по вопросам социального и экономического строительства и 4) текущий момент.

По первому вопросу было принято: «Отрицая в принципе регулярную армию, построенную на началах принудительной мобилизации, как противоречащую основным принципам интернационального социализма, но в виду тяжелого положения на фронте и необходимости физических сил произвести добровольную уравнительную мобилизацию на территории, освобожденной от белых, от 19 до 39 лет по волостям, селам и уездам с командным составом и хозяйственно-судебным органом при частях, начиная от полка, стремясь превратить повстанческую армию, как таковую, во всенародную рабоче-крестьянскую армию».

Не приходится говорить, что понятие «добровольно-принудительная» мобилизация заключает в самом себе внутреннее противоречие и отнюдь не диалектическое. Это понимали даже некоторые анархисты. «Нельзя обойти молчанием эту нелепую, с одной стороны, добровольную, а с другой стороны, обязательную для всех, т. е. принудительную мобилизацию, — писал некий Руденко в «Вольном Труде» [1]. — Из двух одно: или она была добровольная, тогда не при чем принудительный набор, или она была принудительной, тогда незачем было прикрываться флагом добровольности. Наивно, конечно, обосновывать добровольность этой мобилизации, как это пытаются сделать некоторые анархисты, тем, что она была санкционирована и даже объявлена съездом крестьян и рабочих, выборы на который вполне свободны. Что такое выборы, даже и „свободные выборы", — мы, анархисты, это прекрасно знаем. Этими красивыми словами мы не должны обманываться».

Мелкой и глупой ложью являются уверения «историографа» махновщины Аршинова, что армия махновцев была построена на трех принципах: на добровольчестве, на выборном начале и на самодисциплине [2].

Анархисты во имя абсолютной «свободы личности» протестовали в 1918 и 1919 гг. против создания регулярной Красной армии, основанной на принципе принудительной мобилизации. На практике же они принуждены были проводить принудительную мобилизацию, называя ее добровольной. Насколько она была добровольной, — свидетельствует выдержка из приказа штаба дивизии Махно, относящегося еще к маю 1919 г. «Некоторыми группами лиц добровольная мобилизация была понята в том смысле, что мобилизации подлежат лишь те, которые пожелают итти в повстанческую армию, кто же по тем или иным причинам пожелает остаться дома, мобилизации не подлежит. Так понимают добровольную мобилизацию некоторые лица. Но такое понимание неверно... Добровольной мобилизация называется потому, что сами крестьяне, рабочие и повстанцы решили

---

[1] «Вольный Труд», орган петроградской федерации анархо-синдикалистов, № 7—8 за 1919 г.

[2] Аршинов, История махновского движения, стр. 94.

мобилизовать себя, не дожидаясь, когда власть из центра пришлет свое распоряжение о мобилизации»[1]

Для изучения махновщины александровский съезд интересен еще тем, что на нем была оглашена декларация РВС махновской армии и прокламирована идея «вольных советов».

Гвоздем съезда было выступление «батька» Махно, который призывал строить вольный советский строй в занятых повстанцами местах. По этому вопросу была принята резолюция: «всемерно поддерживать, стремясь к скорейшему приступу создания всюду на местах своих свободных общественно-хозяйственных организаций и их объединений между собой».

Рабочая делегация была вся против «вольных советов». Часть крестьянства была за организацию советской власти. Это выразилось в прениях. Секретарь подпольного Мелитопольского укома РКП, т. Левко, в своем докладе приводит чрезвычайно колоритное выступление одного делегата, крестьянина-украинца.

«Вы нам говорите, — заявил он, — что советы могут организовать безвластие и что мы можем жить при таких советах, а сами этому не следуете (указывая рукой на президиум съезда). А вы кто? не власть? Председательствуете, даете слово ораторам, приказываете не шуметь, а захотите — и не дадите слова. А как же будет безвластие? Если между двумя нашими селами стоит мост и если он поломается, то кто же будет исправлять? Так как ни наше село, ни другое не захочет его исправлять, а потому будет некому, так мы останемся без моста и не будем ездить в город»[2].

Примерно в таком же духе высказывались и некоторые другие делегаты. Все же большая часть делегатов была за вольные советы.

Здесь любопытно выяснить причины, по которым крестьянство могло голосовать за них. Для анархистов-«набатовцев» вольные советы означали органы экономического строитель-

[1] «Путь к Свободе», орган РВС революц.-повстанческой армии Украины (махновцев), № 2, от 24 мая 1919 г.

[2] Отчет секретаря подпольного Мелитопольского укома. Архив Революции, Харьков, дело 1-б—1/2, л. 1...

ства, без какого бы то ни было участия в них политических партий, и являлись путем к претворению в жизнь анархии.

О вольных советах, как их понимали анархисты, пишет и декларация:

«Для организованного налаживания новой хозяйственной и общественной жизни свободные крестьяне и рабочие, естественно, создают повсюду на местах свои общественно-экономические организации: сельские комитеты или советы, всевозможные союзы, кооперативы, рудничные, фабричные и заводские комитеты, железнодорожные, почтово-телеграфные и другие организации. В целях широкого объединения взаимной связи все эти организации — производственные, профессиональные, распределительные, транспортные и другие — естественно, создают снизу вверх объединяющие их органы, в виде экономических советов, выполняющих техническую задачу регулирования общественно-хозяйственной жизни в широком масштабе. Советы эти могут быть волостными, городскими, областными и пр. Они организуются по мере надобности на свободных началах. Они ни в коем случае не являются политическими учреждениями, руководимыми теми или иными политическими деятелями или партиями, диктующими свою волю и осуществляющими под маской „советской власти“ свою политическую власть: они являются лишь совещательно-исполнительными органами, регулирующими живую хозяйственную деятельность на местах.

«Такой советский строй явится, действительно, организацией свободных рабочих и крестьян. И если создание его станет действительно свободным делом самих рабочих и крестьянских масс, если живая хозяйственная работа всех низовых местных и объединяющих советских организаций начнет вовлекать в себя все более и более широкие рабоче-крестьянские массы, без принуждения и произвольного вмешательства каких бы то ни было политических партий или властей, то, по нашему мнению, весьма скоро удастся наладить общественно-хозяйственный аппарат на началах социального равенства, справедливости и товарищества и тем самым положить конец существованию классов, политических партий и властей, а также господству одних национальностей над другими. Отсталые и нетрудовые

слои населения современем будут естественно втянуты в этот трудовой аппарат. Вся „политическая деятельность“, по самому своему существу всегда неизбежно сводящаяся к созданию привилегий, системы политического и экономического угнетения трудящегося класса, — всякая „политическая“ организация и деятельность за ненадобностью отпадут и упразднят сами себя».

В прокламированной анархистами идее вольных советов нет ничего нового, взятого из конкретной действительности. Она повторяла старую, давно надоевшую критику власти, как источника всех социальных зол. Мы не будем критиковать постановку этого вопроса, поскольку она дана Лениным в «Государстве и революции» и в статьях Энгельса. Крестьянство же за этим лозунгом пошло. В чем корень этого? Мы уже указывали, что все повстанческие отряды полу-петлюровского и махновского толка выставляли лозунг «за советскую власть, но против коммунистов». Разница была в том, что первые добавляли, что советская власть должна быть своя, украинская, без участия какого бы то ни было влияния Москвы: «долой кацапов, ляхов и жидов», в махновщине же националистический момент или вовсе не играл никакой роли, или играл ничтожную роль. Еще чаще крестьяне называли себя большевиками и врагами коммунистов. Социальный смысл этих заявлений был в том, что крестьянин принимал первую стадию нашей пролетарской революции. Он одобрил заключение мира, уничтожение помещика, жестокую гражданскую войну против помещика и интервентов. Но крестьянин был резко против установившегося военного коммунизма. Он был против сохранения и концентрации земельной площади в руках государства для организации социалистического сельского хозяйства в деревне (политика, начавшая проводиться с конца 1918 г.), он был еще больше против продразверстки.

В сознании крестьянина создалось представление, что большевики — это одно, а коммунисты — другое. Нашей партии, когда она носила старое название, действительно пришлось совершить лишь буржуазно-демократическую революцию в деревне в 1918 г., и особенно ненавистный для мелкой буржуазии 1919 год с его продразверсткой врезался в сознание крестья-

нина, как плод творчества «коммуниста», а не большевика. Как же было не итти мелкому буржуа за анархистами, когда они тоже против помещика, призывают к вооруженной борьбе с ним и в то же время против коммунистов и призывают к той же расправе с ними? Понятие власти для деревни всегда было связано лишь с представлением о налогах, советская же власть довела прямой налог до максимума (по заявлению Цюрупы, продналог 1921 г. составлял 339% довоенного прямого налога [1], а продналог ведь мягче мягкого по сравнению с продразверсткой).

«Вольный советский строй» означал для крестьянина отказ от налога на содержание государственного аппарата, на поддержку городов. Замкнувшееся, вернувшееся к натуральному периоду крестьянское хозяйство не нуждалось в городе, вернее, город ничего не мог дать взамен деревенских продуктов. Лозунг «вольных советов» выражал в устах середняка его тенденции против крепостнических остатков и капитализма прежде всего, но также и против военного коммунизма. Этот лозунг выражал в устах кулачества как его антикрепостнические, так и антисоциалистические тенденции. В борьбе против военного коммунизма создался блок кулаков—середняков с руководством первых. Но перед этим блоком часто вставала дилемма выбора или помещика или военного коммунизма. Гегемоном всей русской контрреволюции в силу исторических причин становился помещик. Всякая местная контрреволюция, начинавшаяся как контрреволюция торговой или торгово-промышленной буржуазии, не могла ограничиваться лишь самообороной от советской власти, а должна была переходить в наступление и расширять свою территориальную и социальную базу. А превращаясь из местной во всероссийскую контрреволюцию, она отдавала гегемонию русскому помещику (вернее, он забирал ее). Так было с колчаковщиной, с деникинщиной и другими крупными контрреволюционными движениями. Гегемон противной стороны — пролетариат — принужден был проводить социалистическую революцию методами военного коммунизма, что отбрасывало крестьянство от советской власти. Хотя упомянутый нами блок был и против помещика и

[1] «Правда», № 97, от 30/IV 1925 г.

против военного коммунизма, но борьба против одной из этих сил усиливала другую. Из двух зол нужно было выбирать наименьшее. Блок неизбежно должен был расколоться. Кулак, хотя и был противником помещичьей и сторонником буржуазной власти, готов был итти на союз с помещиком во имя разгрома советской власти. Середняк же ни в коем случае не хотел и не мог итти на примирение с помещиком, и для него более приемлемой являлась советская власть. Поэтому-то вся история махновщины есть история метания юго-степного середняка между реакцией и революцией.

Три раза был Махно в союзе с советской властью: в 1918 и в начале 1919 года — в борьбе против гетмана и Краснова — в конце 1919 г. — против захватившего всю Украину и юг России Деникина, и в конце 1920 г. — против Врангеля. Когда же помещичья реакция не нависала над головой, махновская армия дралась против советской власти. Когда Махно сражался с советской властью, кулак был особенно активен и становился во главе махновского движения.

Лозунг «вольных советов» означал: «советская власть без коммунистов» и с большим успехом мог служить орудием в руках буржуазии, ибо устранение руководящей партии пролетарской революции означает гибель пролетарской революции. «Безвластная» власть, установленная махновцами в занятой ими области, доказала, что ничего общего с социалистической революцией она не имеет, хотя и клялась ее именем при каждом удобном случае. Она была бессильна даже разрешить стоявшие перед ней вопросы.

Основными вопросами, которые должны были встать перед махновской властью в таком промышленном центре, как Екатеринослав, были финансовый и рабочий вопросы и борьба с контрреволюцией. Ни одного из этих вопрос махновщина не разрешила.

Программа махновцев по финансовому вопросу.

Как махновцы разрешали финансовый вопрос в своей «безвластной» стране? Анархо-махновцы, когда находились у власти, не сумели разрешить этого вопроса и плыли по течению.

Белогвардейцы, захватывая области, занятые ранее большевиками, обычно аннулировали совзнаки. Наоборот, приход Красной армии означал аннулирование всех несоветских денег. Лишь в 1919 г. советская власть не аннулировала деньги петлюровского правительства. Это было вызвано исключительными обстоятельствами. В 1919 году, когда пришла советская власть на Украину, у населения денег советских быть не могло, и аннулирование петлюровских денег нанесло бы значительный ущерб трудящимся. Деньги донские и прочие были безусловно аннулированы, а крестьянство владело, главным образом, гетманскими деньгами, и сохранение их на некоторое время означало сохранение экономических связей с деревней до внедрения в нее совзнаков.

Когда Махно занял Екатеринослав, Никополь и другие места, он не аннулировал никаких денег. Этим самым он одновременно поддерживал финансовую систему деникинцев, петлюровцев и советской власти. Правда, население ожидало, что приход Махно означает скорый приход советской власти. Это отразилось на курсе совденег. Когда Махно вошел в пределы Херсонской губернии, курс советских денег поднялся на 50% на подпольной «бирже», где они тайно котировались [1]. Население по простоте душевной полагало, что Махно не только постарается нанести удары деникинцам оружием, но и по финансовой системе Добрармии. Этого сделано не было. Мало того: восстановлены были даже царские деньги. Так, например, приказом № 8 от 20/I 1920 г. комендант гор. Никополя Скалдицкий устанавливал, что «к приему подлежат деньги, кредитные билеты романовские, керенские, советские, украинские, думские, донские и купоны всех образцов и купюр. Виновные в неисполнении сего приказа, — грозило махновское начальство, — будут наказаны как контрреволюционеры». Поистине «шиворот навыворот»: контрреволюционная поддержка павших правительств рассматривалась как революционная мера. Социальная подоплека этого приказа чрезвычайно прозрачна. Больше всех страдал от денежной инфляции крестьянин. У него задерживались

---

[1] Газета «Звезда», орган Екатеринославского губкома РКП, № 143, от 29/XI 1919 г.

и застревали «бумажки» правительств, которые на Украине менялись через каждые 6 месяцев. Кроме того, кулак накопил уйму денег за время существования всех правительств на Украине, да еще у него осталось кое-что от «старого доброго николаевского времени», и он решил их сбыть, объявляя высшей революционностью защиту своего кармана.

Но эта мера не являлась чисто кулацкой, поскольку в этом вопросе солидаризовались и те элементы деревни, у которых застряли деньги различных правительств, уплачивавших деньгами за взятый крестьянский хлеб, т. е. середняки.

Здесь махновская финансовая программа также шла и на пользу торговой и банковской буржуазии, давая возможность вторым спекулировать на валюте, а первым сохранять свой оборотный капитал во времена смен всех правительств.

Не только провинциальный комендант, проводя махновские приказы, творил контрреволюцию. Сам «теоретик» махновщины стал перед финансовой проблемой втупик. Какой беспомощностью веет от недоуменного вопроса Волина: «Разве нельзя людям разрешить финансовый вопрос, когда денежные знаки имеются в громадном числе?» [1].

Впрочем, объявляя равноценными все деньги, Реввоенсовет махновской армии все же для себя приберегал кое-какие из них. «Махно наложил на зажиточную часть населения 25 млн. контрибуции . . . и забрал из банков деньги, которые деникинцы не успели вывезти. Тут были и советские деньги, аннулированные деникинцами, и донские деньги, аннулированные советской властью, и украинские карбованцы времен Петлюры, Скоропадского, остававшиеся нейтральными при всякой власти. Махно не аннулировал никаких денег и брал контрибуцию как советскими, так и донскими. Впрочем, Реввоенсовет предпочитал оставлять у себя донские, поэтому населению раздавали совденьги» [2]. В результате деятельности махновцев курсу советских денег был нанесен значительный удар. Все кооперативы за время пребывания Махно в Екатеринославе не принимали советских денег, за исключением одного («Продовольствие и Культура»), а ко-

---

[1] Газета РВС махновской армии «Путь к Свободе» от 25/XI 1919 г

[2] Гутман, Екатеринослав под властью анархистов, журн. «Русское Прошлое» за 1923 г., № 5.

оператив вегетарианского общества и столовая, где питались обыкновенно бедное студенчество и низшие служащие, вывесили даже объявление, что советские деньги ими не принимаются, несмотря на то, что прием советских денег содействовал бы уменьшению спекуляции и не вызывал бы многочисленных нареканий трудящихся [1]. В этой области мероприятия махновцев не только шли на пользу кулакам, но и прямо содействовали контрреволюции, поддерживая ее финансовую мощь благодаря сохранению курса их денег. Рабочие и трудовая интеллигенция были настроены против этой политики.

Программа махновцев по рабочему вопросу.

Точно такой же беспомощностью отличалась политика махновцев и по рабочему вопросу. Еще в начале 1919 г. у Махно было столкновение с мариупольскими рабочими по вопросу об увозе ценных частей и запасов сырья с мариупольских заводов «Русский Провиданс» и других в Гуляй-Поле. Тогда Махно пришлось прибегнуть к помощи оружия [2]. В Александровске, в центре района махновских настроений, александровские рабочие послали в реввоенсовет от себя двух рабочих-коммунистов, Новицкого и Максимова, членов подпольного Александровского укома, и нескольких меньшевиков, но ни одного анархиста [3]. В Мелитополе на большом митинге, устроенном анархистом Володиным, командиром группы войск крымского направления махновской армии, коммунистам не было предоставлено слова. Мелитопольские рабочие не дали возможности выступить Володину, покуда он не дал слова т. Левко, рабочему-коммунисту, секретарю подпольного Мелитопольского укома [4].

Приход махновцев в Екатеринослав застал рабочее движение разгромленным деникинцами. Во главе профсоюзов стояли меньшевики, которые становились во главе профдвижения на

---

[1] «Звезда», № 144, от 30/XI 1919 г.

[2] Музей ГПУ Украины, отд. «Махновщина», показания отдельных махновцев.

[3] Доклад подпольного губкома РКП(б) от 10/I. Архив Революции, Харьков, дело 1-б — 1/2.

[4] Доклад подпольного Мелитопольского комитета РКП. Архив Революции, Харьков, д. № 1-б—1/2.

Украине лишь во время оккупации ее немцами, деникинцами и прочими белогвардейскими силами.

Вот как рисует «Звезда» положение профсоюзов:

«Союз по обработке кожи вследствие последних событий совсем дезорганизован... Безработицы в союзе нет».

Среди печатников «безработица до 60%. Многие типографии до сих пор не работают. В предприятиях, оставленных владельцами, рабочие выдвинули из своей среды хозкомиссии, которые взяли на себя руководство предприятием». У табачников «последние события сильно отразились на жизни союза; намеченный целый ряд начинаний в жизнь не проведен, в союзе много безработных».

Приход махновцев снял с профсоюзов деникинскую опеку, сами же махновцы вследствие своей теории о необходимости «самодеятельности» в профсоюзную жизнь не вмешивались. Кое-где рабочие приступили к улучшению своего положения; так, например, рабочие табачной фабрики Джигита предъявили хозяину требование заключить колдоговор, от которого он раньше отказался.

Союзы зашевелились. 14/XI состоялась рабочая конференция представителей рабочих организаций, на которой был поставлен следующий порядок дня: 1) текущий момент в связи с задачами рабочего класса, 2) создание рабочего органа в Екатеринославе. Конференция была созвана спешно и имела случайный характер, не соответствуя настроениям рабочих.

По первому пункту была принята меньшевистская резолюция о том, что переживаемая революция имеет буржуазный характер, что пора социалистического строительства еще не наступила и что массам нужен «здоровый капитализм».

По второму пункту коммунисты внесли резолюцию о создании комиссии по созыву советов рабочих, крестьянских и повстанческих депутатов.

Эта резолюция была отвергнута, и принята другая, говорящая о том, что рабочий центр должен быть создан из представителей рабочих союзов, кооперативов, политических партий и других организаций [1].

[1] «Звезда», № 131, от 15/XI 1919 г.

Таким образом, меньшевики, несмотря на резкое выступление против махновцев на александровском съезде, на практике проводили единый с анархистами антибольшевистский блок. Если из принятой меньшевистской резолюции вычеркнуть участие политических партий, то получим анархо-синдикалистскую резолюцию, под которой подписались бы анархо-махновцы.

Ультра-революционеры и ультра-оппортунисты выступали единым фронтом против большевиков не только здесь. Трогательный союз меньшевиков и анархистов против большевиков проявлялся и в других местах. Так, например, меньшевик Молчанов помогал «анархистам подполья» в печатании и распространении их листовок в Москве [1].

Анархисты, отрицая завоеванную Октябрьской революцией диктатуру пролетариата, понимали социальную революцию как переход средств производства, земель и фабрик в руки трудящихся в мелкобуржуазно-синдикалистском смысле, т. е. переход предприятий в распоряжение и собственность той группы рабочих, которая работает на данном предприятии. Когда Махно овладел Екатеринославом, к нему обратились железнодорожники с просьбой о выдаче зарплаты, которую они не получали второй месяц. Махно им дал следующий ответ, который мы приводим дословно [1]:

В целях скорейшего восстановления нормального железнодорожного движения в освобождаемом нами районе, а также исходя из принципа устроения свободной жизни *самими рабочими и крестьянскими организациями* и их объединениями, — предлагаю тт. железнодорожным рабочим и служащим энергично сорганизоваться и наладить *самим* (подчеркнуто в тексте *М. К.*) движение, устанавливая для вознаграждения за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя свою кассу на товарищеских и справедливых началах и входя в самые тесные сношения с рабочими организациями, крестьянскими обществами и повстанческими частями.

Командующий революц.-повстанческой армией Украины
батько *Махно.*

Гор. Александровск.
15/X 1919 г.

---

[1] «Красная книга ВЧК», т. I, стр. 313.

[2] «Путь к Свободе», № 9, 16/X 1919 г.

Какие могли быть пассажиры и грузы во время гражданской войны, кроме военных? Транспорт всю гражданскую войну работал главным образом на армии воюющих сторон. Правда, Махно мало пользовался железными дорогами. В свое время циркулировал правдоподобный анекдот, что, когда к Махно явились железнодорожники, он им ответил: «Повстанцы разъезжают на тачанках; им ваши железные дороги не нужны. Пусть же, кто катается в поездах, и расплачивается с вами» [1]. А между тем Махно достаточно захватил денег в самом Екатеринославе, чтобы выдать зарплату. «Самодеятельность масс» в анархическом смысле означала отказ от масс, «каждый за себя», мелкобуржуазный групповой эгоизм. Еще более резкое столкновение было у Махно и РВС его армии с александровскими рабочими на почве требования ими зарплаты за выполненные для махновской армии заказы.

Другое столкновение было на александровском съезде, когда Махно назвал меньшевиков, которые науськивали рабочих на Махно, ублюдками буржуазии. Значительная часть рабочей делегации покинула съезд во главе со своими лидерами-меньшевиками и эсэрами. Коммунисты остались, поскольку им подпольный партком предложил съезда не покидать и во что бы то ни стало проникнуть в число членов РВС.

Покинувшая съезд меньшевистская рабочая делегация, уходя, подала мотивированное заявление: «Обсудив допущенные на съезде 30 октября выпады против рабочего класса и его представителей, делегированных рабочими организациями, обращая внимание съезда, что эти выпады становятся систематическим явлением со времени занятия города повстанцами, доходившим до ареста делегации и отдельных представителей организаций без всяких оснований, что должно было быть освещено в наших докладах, подчеркиваем, что с рабочими организациями, уцелевшими от разгрома, опираясь на грубую военную силу, совершенно не желают считаться, что подтверждается совершенно необоснованными выпадами против их отдельных представителей, являющимися грубой демагогической ложью и нахальной клеветой, почему до изыскания съездом путей и средств, ограждающих

[1] «Пролетарская Революция», № 9 за 1922 год, стр. 203.

рабочие организации и их представителей от подобных явлений, не считаем возможным свое присутствие на съезде»[1].

Этот протест сам по себе избегал общей оценки политической линии махновщины и блокировавшихся с ними по военной линии большевиков в борьбе с деникинщиной и носил обычный меньшевистский характер разобиженных невниманием, вернее презрением, со стороны махновцев к ним.

Заявление было подписано представителями Совета профсоюзов, союза ресторанных служащих, печатников, «Трудбанка» и торговых предприятий. Протест рабочей делегации был поддержан созванной по этому вопросу конференцией заводских комитетов. Конференция вынесла резолюцию, в которой говорилось: «Принимая во внимание: а) что на троекратный запрос отдельных делегатов, относятся ли эти выпады лично к ним, или к тем, кого они представляют, последовал совершенно определенный ответ, обвинявший в шарлатанстве, контрреволюционности, паразитическом существовании весь рабочий класс, и б) что ни председатель, ни общее собрание не только не протестовали против выражений, допущенных автором (Махно), но выражали им явное одобрение, — собрание заводских комитетов постановляет: 1) протестовать против оскорбления, нанесенного всему рабочему классу в лице его делегатов, и считать, что делегаты при создавшемся положении не имели возможности оставаться на съезде; 2) что делегаты рабочих могут вернуться в состав съезда только в том случае, если общее собрание публично снимет с рабочей делегации брошенное ей оскорбление; 3) заявить, что в противном случае, в отсутствии рабочих делегатов, съезд явится не рабоче-крестьянским, а только крестьянским, и постановления его не могут иметь для рабочих гор. Александровска никакой моральной ответственности». Под этим подписались представители 18 заводов, главным образом металлических.

Но съезд (в составе которого осталось 12 представителей от рабочих организаций, в том числе и коммунисты) единогласно постановил считать оба документа, в виду содержащейся в них неправды, не заслуживающими ответа, и что «если бы товарищ

---

[1] Б. Колесников, Профессиональное движение и контрреволюция, Гиз. Украины, 1925 год, стр. 319. Стиль сохранен.

Махно не поспешил бросить в лицо некоторым членам съезда и их выборщикам вполне справедливые обвинения на заседании 30 октября, то съезд, вне всякого сомнения, сделал бы то же самое одним-двумя днями позже».

Инцидент был исчерпан объяснениями Махно, что эта брань относится целиком к меньшевикам. А надо сказать, что меньшевики эту квалификацию вполне заслужили. Они не сумели, вернее — не хотели, помочь махновщине в борьбе с деникинщиной.

«Допустимо ли, — писал Махно в своей статьей в газете «Путь к Свободе», — чтобы рабочие гор. Александровска и его окрестностей, в лице своих делегатов — меньшевиков и правых эсэров, на свободном деловом рабоче-крестьянском и повстанческом съезде держали оппозицию деникинской „учредилки"?» «Правда ли, — писал он в «открытом письме к рабочим гор. Александровска», — что вы, заслушав на экстренной конференции меньшевиков и правых эсэров и других им подобных агентов деникинского социализма, бежавших, как гнусные воры и трусы, от справедливости произнесенного мною перед делегатами съезда, постановили протестовать против справедливости? Правда ли, что эти ублюдки буржуазии вами уполномочены, чтобы, прикрываясь именем вашей пролетарской чести, на свободных деловых съездах призывать к старому идеалу — „учредилке"?

«Я думаю, что это неправда, что рабочие гор. Александровска не уполномачивали этих лиц проводить на съезде идеи деникинской „учредилки". Эти наглецы, прикрываясь вашим именем, сами от себя, предавая ваши интересы, говорили на съезде языком Деникина. Я уверен, что рабочие гор. Александровска останутся верными идеям пролетариата и крестьянства — идеям социалистической революции. Смерть всем учредилкам и иным буржуазным ловушкам. Да живет свобода, равенство и справедливость трудящихся!» [1].

Особенно наглядно видно отношение рабочего класса к махновцам на примере горняков. В 1918 г. горняки массами вливались в махновские отряды для борьбы с красновцами и позже с гетманщиной. Когда же белогвардейцы были изгнаны, анархисты не сумели оказать никакой помощи горнякам, они предла-

---

[1] Подлинный текст сохранен.

гали им «самим устроить свою судьбу». Махно не допускал в 1919 г. подвоза продовольствия и фуража в Донбасс из окружающего его Александровского района, споря с советской властью и требуя городские товары в обмен на пропускаемое в Донбасс продовольствие. Понятно, к чему приводила эта политика: рабочий голодал, рудники закрывались, в то время как мелкий буржуа, владелец средств питания, продавать их не мог из-за уничтожения рынка и сидел на своих запасах, как собака на сене. Социализация промышленных предприятий, выдвинутая анархистами, не могла удовлетворить пролетариат крупной высокоразвитой промышленности: транспортников, металлистов, горняков и т. д. Анархо-махновская программа по рабочему вопросу могла удовлетворить лишь ремесленников или рабочих мелких предприятий, связанных непосредственно с крестьянским рынком, так как для мелкой полуремесленной промышленности вопросы рынка, снабжения, зарплаты и т. д. не увязывались с экономикой и политикой всей страны, с состоянием всего международного хозяйства. Высоко квалифицированный пролетариат крупных отраслей народного хозяйства (тяжелая индустрия, топливо, металлургия и т. д.) мог на практике убедиться во вредности анархо-синдикализма махновщины, чтобы никогда не возвращаться к программе социализации промышленности.

Только один профсоюз воспринял анархо-синдикалистскую концепцию и пытался провести ее в жизнь. Общим собранием союза пищевиков в Екатеринославе была избрана комиссия из 5 лиц, которой было поручено социализировать производство, и в первую очередь выпекать хлеб для армии, а потом, по возможности, и для населения [1].

Любопытно, что единственным профсоюзом и в России, воспринявшим анархо-синдикализм, был союз пекарей. Съезд пищевиков в Москве в 1918 г. принял анархо-синдикалистскую резолюцию. Симпатии к анархо-синдикализму во время гражданской войны проявляли пищевики во всех городах. И это не является случайностью. Годы гражданской войны были годами скудных продовольственных запасов, когда жалкие крохи, имевшиеся в рабочем государстве, тщательно распределялись между всеми

---

[1] «Звезда», № 148, от 6/XII 1919 г.

слоями населения соответственно их значению в гражданской войне. Профессия пекаря не требует большой квалификации, в большинстве своем пекаря состоят из людей, мало порвавших с деревней, и даже часто из люмпен-пролетариата. Борьба отдельных групп населения и групп рабочего класса за больший паек делалала пекарей центром внимания. В силу ударности их работы положение их было сравнительно более обеспечено, чем положение ряда других рабочих, даже более квалифицированных.

В деревне крестьянин требовал социализации своего хозяйства, не желая отдавать излишки в город; в городе пищевик, полуорабоченный крестьянин или зачастую неорабоченный, проявлял свою мелкобуржуазную сущность, требуя социализации своего производства. Социализация булочных означала бы поступление всего хлеба в распоряжение небольшой группы людей, которая, продавая этот хлеб на рынок или обменивая его на основе «свободного товарообмена», поддерживала бы существование буржуазии, срывала бы всю продовольственную политику и снабжение Красной армии, по сути дела творила бы контрреволюцию. Требование социализации было явным шкурничеством и грозило бы смертельной опасностью революции.

Мог ли металлист, железнодорожник или горняк воспринять мелкобуржуазную анархо-синдикалистскую теорию и требовать социализации своего производства? Безусловно, нет, ибо обуховец или путиловец умер бы с голоду, если бы советская власть принудительно не забирала хлеб у кулака и даже у середняка, и тем самым не дала ему возможность просуществовать до лучших времен.

Опыт нашей пролетарской революции дал нам ясное доказательство контрреволюционной сущности мелкобуржуазной теории социализации промышленности. Даже в мелкобуржуазной Украине пролетариат на опыте получил этот наглядный урок. Знакомство с этой стороной махновщины оказало бы большую услугу французским коммунистам в их борьбе с анархо-синдикализмом.

Махновщина, французы и Петлюра.

Слащев в сборнике «Кто должник?» пишет: «Франция через Польшу и Петлюру снабжала боевыми припасами такого бандита, как Махно. Махно воевал с красными и белыми, он грабил, убивал, жег, взрывал ценнейшие железнодорожные мосты, и вот этот-то бандит получал от французов, под фирмой Петлюры и Польши, снаряжение и боевые припасы. Мне это тоже известно благодаря тому, что летом 1919 г. я был Деникиным послан воевать с Петлюрой и Махно в район Екатеринослав —Умань — Могилев-Подольский. И мне за время операции против Махно пришлось принимать специальные меры, чтобы отрезать пути доставки боевого довольствия от Петлюры к Махно в районе Умани» [1].

На основании сохранившихся в архивах документов штаба армии Махно, трудно утверждать так категорически, как это делает Слащев. Во всяком случае это утверждение требует проверки.

В делах махновской армии мы нашли документы, относящиеся к этому вопросу. Приказом штаба 1-й бригады революционно-повстанческой армии имени батька Махно от 13 сентября 1919 года за № 216 командиру 2-го Юзовского полка было предложено занять позицию правее гор. Умани и связаться с петлюровскими частями [2]. В приказе № 18 (от 21 сентября) по войскам повстанческой армии имени батька Махно, данном в селе Текуча, говорилось: «Наша ближайшая задача расположить свои части и сгруппировать их таким образом, чтобы быть готовыми к переходу в наступление на всем фронте совместно с петлюровскими войсками, которые к этому готовятся в самом ближайшем времени» [3].

Несомненно, что между Махно и Петлюрой существовало боевое соглашение, заключенное в этот период. Махно полагал, что Петлюра, являясь врагом Деникина, ударит совместно с ним по Деникину, но Петлюра, как с ним всегда бывало, изменил

---

[1] Сборник статей «Кто должник?», стр. 572.

[2] Архив Красной армии, дело № 6982, дела революц.-повст. армии имени батька Махно.

[3] Там же, д. № 6988, л. 79.

своему соглашению и ценою предательства хотел купить мир с Деникиным. Зажатая со всех сторон и преданная петлюровцами, махновская армия ударила по деникинскому отряду под Перегоновкой и вырвалась из приготовленной ей западни. Кстати, помощь, оказанная Петлюрой Деникину, не была последним оценена. Он относился к Петлюре попрежнему отрицательно. Сомнительно, чтобы французы оказывали помощь Махно, который дрался с Деникиным.

О сношениях Махно с французами имеются следующие указания.

Весною 1919 г. махновцами, вошедшими в состав Красной армии, был занят Мариуполь. В порту города находился уголь, приготовленный для французских судов, которые стояли на рейде. По занятии города, французы прислали делегацию с требованием, чтобы махновцы выдали им уголь, который был им запродан деникинцами. Махновцы вполне резонно ответили, что уголь является военной добычей. Тогда французы просили прислать махновскую делегацию на судно для переговоров. Поехали на судно делегатами члены штаба Чубенко, Чучко, Михайлов-Павленко и Васильев. «Когда мы прибыли, — рассказывает делегат Чубенко, — нас приняли очень хорошо, а затем стали говорить: „Хорошо, что в России революция, только плохо, что у них теперь скверный сосед т. Ленин и т. Троцкий“. Затем они стали говорить, что если мы не будем зависимы от коммунистов-большевиков, то они с нами могут вести товарообмен и торговые сношения, а если мы будем с коммунистами-большевиками, тогда они и говорить не хотят»[1]. Делегация отказалась обсуждать этот вопрос и предлагала говорить лишь об угле. Махновские представители обещали выдать уголь, но в обмен на средства производства, а не на оружие, которое предлагали французы. Французы же предлагали пароход с оружием за сырье, но делегация отклонила это предложение, заявив, что в этом армия Махно не нуждается. Переговоры не привели ни к чему.

Любопытно, что Махно был дальновиднее своей делегации. «Когда мы возвратились обратно на берег, — говорит тот же Чубенко, — и сделали доклад, то Махно сказал, что надо иметь на

[1] Архив Музея ГПУ Украины, запись показания Чубенко.

всякий случай в виду относительно того, чтобы обменять сырье на оружие». Тем не менее уголь был погружен в вагоны и увезен в Гуляй-Поле.

Таким образом, факты указывают на верную в общем линию махновцев в революционный период их деятельности по отношению к интервентам.

Кроме того, вообще сомнительно, чтобы французы, потерпевшие ряд жестоких ударов от южно-украинского крестьянства и принужденные эвакуироваться из Одессы и Николаева, отчасти из-за бурного разложения своих частей под влиянием русской революции, могли оказывать помощь оружием тем силам, которые либо разлагали их армию, либо ее колотили. Дать оружие махновцам значило усилить противников Деникина.

Движение махновцев, да и не только махновцев, но даже Григорьева, шло под ярко революционным знаменем борьбы с интервенцией. Если Петлюра и давал Махно оружие, что тоже сомнительно, то во всяком случае не с ведома французов. Слащев спутал эпохи и просто не понимает сущности махновщины этого периода — периода середняцко-бедняцкого бунта против деникинщины.

В 1920 г., когда беднота ушла из махновской армии, когда руководителем махновщины являлся кулак, отдельные махновские отряды выдавали петлюровцам оружие. Белаш дает об этом следующие сведения: «Официальной связи с петлюровскими отрядами не было, исключая случайных встреч, так как петлюровцы боялись нас, как противного лагеря, и встреч избегали. Были случаи, когда Махно снабжал петлюровцев оружием, когда у него был излишек его. Такие случаи были в Черниговской, Киевской, Полтавской и Херсонской губерниях, где отряды находились в своих районах. На Полтавщине в 1920 г. были такие отряды: Скирды, Левченко, Бутенко, Кикотя и других — не помню фамилий — и в 1921 году — Иванюка. Фамилии командиров, которым Махно помогал в Херсонской и Черниговской губерниях, не помню. В Киевской губернии в 1921 году Махно вооружал петлюровский отряд некоего Сирка, который остался в Каневском районе. Связи же с закордоном, с Петлюрой, насколько мне известно, Махно никакой не имел» [1].

---

[1] Дело Белаша, том IX, л. 147.

Махновщина и кулачество.

Выставленное в резолюции гуляйпольского съезда в феврале 1919 г. по земельному вопросу требование о распределении посевного материала и земли между всеми гражданами носит подозрительный характер, поскольку не исключает кулаков и требует их обеспечения посевным материалом. Отказ махновцев от разделения деревни на кулаков и бедноту виден и из «проекта декларации революционно-военного совета революционно-повстанческой армии Украины (махновцев)» [1].

В главе «Продовольственный вопрос» читаем: «Необходимо не разъединение трудовой семьи на партии и враждующие между собой группы, а, наоборот, теснейшая связь между рабочими и крестьянами, между всеми трудящимися. Необходим один сплоченный трудовой союз, одна рабоче-крестьянская семья» (подчеркнуто мною. *М. К.*). О том, что «декларация» подразумевала участие всего крестьянства, включая и кулачество, говорит следующее место: «Задача восстановления и необходимого быстрого усовершенствования нашего отсталого и разрушенного хозяйства требует, чтобы способы и пути нового землеустройства были предоставлены совершенно свободному и естественному решению и движению всего крестьянства» (подчеркнуто в тексте «декларации». *М. К.*).

Совершенно недвусмысленно: «свободному и естественному решению всего крестьянства».

В этом пункте проявилось все существо мелкого буржуа, боящегося классовой борьбы и пытающегося мирным путем разрешить классовые противоречия. Здесь уместно целиком привести характеристику, данную Марксом, таким стремлениям мелкого буржуа: «...Демократ, представляющий мелкую буржуазию, т. е. промежуточный класс, в котором притупляются интересы

---

[1] Эта «декларация» представляет собой небольшую брошюру, изданную Реввоенсоветом махновской армии 20 сентября 1919 г., в которой РВС излагает свое понимание революции и дает ответы на ряд вопросов: земельный, продовольственный, финансовый, рабочий и т. д. Называется она «проектом» лишь потому, что не была «утверждена» съездом армии.

двух различных классов, воображает себя выше классовых противоречий. Демократы признают существование привилегированного класса, но они со всей остальной нацией образуют народ. Они — защитники народных прав, их интересы — народные интересы. Им поэтому незачем накануне борьбы анализировать интересы и положение различных классов. Им незачем особенно осторожно взвешивать свои собственные средства. Им стоит ведь только дать сигнал — народ со всеми своими силами бросится на угнетателей. А если на деле их интересы оказываются никому не интересными, а их сила — бессилием, то или в этом виноваты губительные софисты, разделяющие нераздельный народ на различные враждебные лагери, или армия была слишком обесчеловечена, слишком ослеплена, чтобы не видеть в чистых целях демократии свое собственное благо, или какая-нибудь деталь в исполнении помешала всему, или же непредвиденная случайность на этот раз расстроила дело».

Эта характеристика целиком оправдалась и по отношению к анархо-махновцам. Провал своего метода мирного перевоспитания кулачества они позже объявили виной большевиков. А кулак, оставленный махновцами в покое, свое дело позже сделал. Мы прекрасно знаем на опыте гражданской войны, что значит участие кулаков в решении всех вопросов, тем более в решении такого основного вопроса, как земельный. На десятом году социальной революции кулачество еще пользуется иногда большим влиянием в деревне, — что же можно сказать о 1919 годе и о том районе, где кулачество было особенно сильно? В другом месте «декларации» читаем: «Мы убеждены, что при этом главном условии кулацкие элементы деревни будут быстро самым ходом вещей оттеснены к стороне». Таким образом по анархо-махновскому рецепту выходило, что при непримиримой классовой борьбе в деревне, которую проводила РКП, кулаки не будут оттеснены, а если допустить кулаков к решению всех вопросов и политическому влиянию на судьбы деревни, они будут оттеснены «самым ходом вещей». Понятно, что такое решение вопроса могло пойти на пользу только кулакам, а не бедноте, хотя авторы «декларации» субъективно этого, может-быть, и не желали. Это еще нагляднее выявляется в другом месте той же главы: «Трудовое крестьянство само без труда справится с кулачеством, сперва

перенимая у него лишнюю землю в пользу общества, а затем естественно, втягивая кулацкие элементы в общественную организацию» (подчеркнуто мною. *М. К.*). Мелкий буржуа предполагал мирным путем уничтожить классовые противоречия в деревне. Предположим, что у кулака могла быть изъята земля мирным путем, и он, согласно «декларации», должен был быть объявлен равноправным членом общества и получить права на участие в общественных делах; но нельзя думать, чтобы кулачество, отдав свои земли во время революции, не попыталось позже восстановить свое положение и не воспользовалось правами, которые так любезно ему предоставляют анархо-махновские авторы «декларации».

По аналогии можно сделать вывод, что революция, отняв у фабриканта и помещика их капиталы и земли, должна была бы наделить их после экспроприации всеми политическими правами. Но «декларация» этого не предлагает, она заботится лишь о кулаке, о мире в деревне; она нелогично обрывает те неизбежные выводы, которые можно сделать из ее положения по отношению к городской буржуазии. Нам это совершенно понятно, ибо «декларация» направляла свое острие против помещиков и рабочего города, но не хотела гражданской войны в деревне.

Возникает вопрос: может ли крестьянство само справиться с кулачьем? Для нас теперь, после опыта гражданской войны на Украине, несомненно, что украинский кулак мог быть разбит лишь при союзе деревенского бедняка с пролетариатом города и при нейтрализации середняка. Сами по себе бедняцкие организации Украины, несмотря на свою организованность и на жестокую классовую борьбу, которая разгорелась в деревне в 1920 и 1921 гг., не смогли справиться с кулаками. Лишь после того, как кулак был Красной армией разбит, обезоружен, разорен дотла, бедняк же был обеспечен за счет части продразверстки, которую отбирали от лиц, владевших свыше трех десятин, — лишь тогда кулак смирился. Но об этом подробнее в дальнейшем.

Архивные документы дают нам возможность сделать вывод, что махновцы выдвинули два принципа: 1) объединение всего крестьянства в общих организациях (не исключая и кулаков) для решения всех крестьянских вопросов; 2) невмешательство города, в данном случае пролетариата, во внутридеревенские отношения

и внутридеревенскую классовую борьбу. Эти принципы махновская армия настойчиво проводила в жизнь.

Выставленные два принципа отображают идеологию крестьянства, как докапиталистического класса. Эту идеологию махновщины в ее первый период создал, несомненно, середняк, но выгоду она приносила и кулаку.

Махновский суд.

Среди других пунктов, возвещенных декларацией на александровском съезде, имеется пункт о суде. Махновцы отрицали суд, организованный государственной властью.

«По вопросу о необходимости организации судебно-административного аппарата мы выдвигаем, прежде всего, то основное положение, что закостенелый, раз навсегда установленный судебный и полицейский аппарат, равно как и всякие мертвые, определенно зафиксированные „своды законов" являются самым грубым нарушением подлинной самообороны населения.

«Истинное правосудие должно быть не организованным, но живым, свободным творческим актом общежития.

«Самооборона населения должна быть делом свободной, живой самоорганизации. Поэтому всякие омертвелые формы правосудия — судебные учреждения, революционные трибуналы, уложения о наказаниях, полицейские или милицейские институты, чрезвычайки, тюрьмы и вся прочая старая бесплодная и ненужная ветошь, — все это должно отпасть само собой и упраздниться при первом же дыхании свободной жизни, при первых же шагах свободной и живой общественно-хозяйственной организации... Равным образом самооборона населения должна быть построена на организации охраны живыми местными силами, но не должна быть делом специалистов-милиционеров. Казенная официальная организация дела правосудия и обороны не только не достигает цели, но и губит в корне всякое правосудие и всякую самооборону» [1].

Мы привели почти полностью весь раздел декларации о суде, всю «мудрость» по этому вопросу. Кто же призван судить?

[1] Декларация РВС РПА (махновцев), стр. 12.

Ведь от классовой политики, проводимой судьей, зависит классовое содержание приговора; будет ли судить буржуа, кулак, рабочий или ремесленник во время обостренной гражданской войны, — приговор будет совершенно различен. «Живые местные силы», которые по декларации должны были судить, — это термин, введенный теми, против кого анархисты боролись на словах, а махновцы оружием, т. е. кадетами, эсэрами, представителями крупной и мелкой буржуазии. Под этим термином скрывалось, так же точно, как и под понятием «вольных советов», мелкобуржуазное примиренчество, которое вело к примирению кулака с бедняком, а в городе могло привести к объединению не только трудящихся, но и к объединению со значительной частью буржуазии.

Махновцы выступали против трибунала, ЧК и суда, но взамен этих организаций классового правосудия совласти они создавали свои органы правосудия, которые по степени бессмысленности и жестокости своих решений не уступали деникинским. В армии Махно во всех частях существовали контрразведки, на обязанности которых лежала борьба с противомахновскими поступками и настроениями населения и повстанцев. Кроме того, существовала комиссия противомахновских дел. «По поводу злоупотреблений, чинимых контрразведкой армии Махно и начальником ее Зинковским, — говорил в своем показании следователю Реввоентрибунала XIV советской армии предреввоенсовета махновской армии Волин, — я ничего не знаю, но ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контрразведки и обращаться к Махно и в контрразведку. Но боевая обстановка и задача культурно-просветительной работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контрразведки. Все же беспрестанные жалобы принудили меня предложить реввоенсовету создать комиссию по выяснению дел, возникающих между населением и контрразведкой... Из-за контрразведки у меня были конфликты с Махно и с тем же Зинковским. Для меня контрразведка была ужасом, и я делал все зависящее, чтобы прекратить чинимое ею» [1].

---

[1] Дело Волина л. 24. Архив ГПУ Украины.

Если контрразведка была ужасом для предреввоенсовета, то чем же она была для рабочего и крестьянина? Культурный анархист Волин не мог не сознаться в том, что для населения контрразведка была далеко не тем, что проповедывала декларация реввоенсовета махновцев — судом «живых местных сил». Она была органом расправы анархо-махновских бандитов, деклассированных отбросов общества в роде Д. Попова, бывшего левого с.-р., у Махно перекрасившегося в анархиста. Махновцы, объявив себя поклонниками гласности, еще на александровском съезде вынесли резолюцию: «выделить комиссию от РВС в целях разъяснения и улаживания и гласности дел контрразведки», но и намека на выполнение этой резолюции не было.

Вообще любопытно отрицание «для света» «суда официального и казенного», с писаными нормами, и одновременно — организация суда, перед которым ужасался даже «идейный руководитель» армии. Другой анархист, более прямой, начальник штаба махновской армии и бывший рабочий, в своем показании говорит следующее: «Что же касается пыток, то анархисты-пропагандисты и большинство беспартийных, т. е. махновцы, были враждебно настроены против таких действий отдельных лиц, как Махно, Левко, Зинковский, Голик, Петренко и другие, которые эти пытки применяли, имея целью вселить своим противникам и массам страх и ужас перед активистами, т. е. махновцами. Махно практиковал с первых дней своего выступления эти пытки людям, которые в большинстве случаев были умерщвлены; их рубили на куски, бросали в топку паровоза, когда человек был уже убит. Были случаи, когда это производилось с людьми, которые были приговорены к смертной казни, но когда они были еще живы» [1]. Данные достаточно красноречивы. Куда там «большевистским зверствам», всяким судам ГПУ и ЧК, выдуманным белогвардейцами и подхваченным анархистами всех видов и мастей, включая, понятно, Махно и всех его друзей.

В данном показании положение скрашивается, пытки приписываются лишь отдельным лицам. Это неверно. Мы имеем и другое махновское свидетельство: протест одного из махновских

[1] Архив ГПУ УССР, дело о махновщине, т. XIII, л. 166. Цитируем дословно.

командиров — П. Могилы в «Пути к Свободе» против еврейского погрома, учиненного группой повстанцев в еврейской колонии Горькой, во главе с членом штаба армии и одним из друзей Махно, бывшим «потемкинцем» — Дерменжи.

Свидетельством о махновском суде могут служить заметки из дневника жены Махно (правда, относящиеся к 1921 г.) [1].

«23 марта. Рано утром в 10 наши ребята захватили в плен 2 большевистских агентов, которые были расстреляны.

«25 марта. Тут поймали 3 агентов по сбору хлеба и прочего. Их расстреляли.

«26 марта. Подъезжая к хутору, увидели, как с хутора выбежало несколько конных и пеших (красноармейцев. *М. К.*), которые бросились бежать. Быстро подошли к хутору и начали обстреливать хату. Убегающих нагоняли и убивали на месте. Кто-то с краю поджег хату. В несколько хат были вброшены бомбы. Скоро со всеми было покончено».

Но, может-быть, обстановка войны диктовала такие зверства? Посмотрим, как судили махновцы пленных.

«Нам сказали, что наши захватили в плен человек 40. Мы въехали в село и на дороге увидели группу людей, из которых часть сидела на земле, а часть стояла и раздевалась. Кругом них вертелись на лошадях и пешие наши ребята. Это были пленные. Их раздевали до расстрела. Когда они разделись и разулись, им велели завязывать один другому руки. Все они были русские, молодые, здоровые парни. Отъехав немного, мы остановились. По дороге под забором лежали трупы. Немного дальше у дверей больницы лежал еще один труп... Крестьяне смотрели, как сначала раздевали пленных, а потом стали выводить по одному и стали расстреливать. Расстрелявши таким образом, остальных выставили в ряд и чесанули по ним из пулемета. Один бросился бежать. Его догнали и зарубили».

Интеллигент-анархист, бывший эмигрант, писал всякие благоглупости и декларации; повстанец, проводивший в жизнь отрицание суда и ЧК, уничтожавший «суд официальный и казенный», создавал свой суд. Вместо классового суда был самосуд, т.-е. индивидуальный суд, когда каждый махновец, руко-

[1] Архив Революции, Харьков, фонд Совнаркома УССР.

водясь ему одному «врожденным революционным чутьем» (так выражались анархо-махновцы), творил суд и расправу. Крестьянство иного суда создать не могло. Индивидуалистическое хозяйство создавало в мозгах понятие об индивидуальном суде, как о самом справедливом.

Махновщина и «абсолютная свобода» на практике.

Еще один вопрос следует рассмотреть, чтобы окончательно ознакомиться с практикой махновщины. В критике соввласти махновцы указывали, что в Советской России нет свободы слова, печати и т. д., которые коммунисты якобы обещали. Эти мелкобуржуазные революционеры не понимали, что, если мы проводим диктатуру пролетариата, то, следовательно, являемся противниками демократических свобод. «Лозунгом „свобода, равенство и братство“ в настоящее время, — писал «Харьковский Набат», — прикрываются все политические партии, начиная с партии народной свободы (к.-д.) и кончая большевиками»[1] Когда и где большевики говорили о свободе, равенстве и братстве во время диктатуры пролетариата? Эта фраза не случайная описка, а один из методов критики анархистами большевиков. Но эти же трубадуры свободы во время своего господства показали, какую свободу и братство они могут дать.

Во время захвата анархистами Екатеринослава, там вначале легально выходили все газеты — от большевистских до право-эсеровских включительно. Им разрешалось критиковать большевиков и Добрармию, но, как только «Звезда» принялась за критику махновских порядков, ей пришлось уйти в подполье. Власть в Екатеринославе принадлежала не избранному населением совету, даже не РВС махновской армии, а назначенному Махно коменданту и, главным образом, контрразведке. От контрразведки стонало местное население. Взятки, расстрелы, избиения совершенно невинных людей — главные добродетели махновской контрразведки. Вместо «безвластия» в Екатеринославе существовала власть кучки партизанских командиров; во время же пребывания Махно в городе власть принадлежала

[1] «Харьковский Набат», № 10, от 30 марта 1919 г.

исключительно ему, т. е. существовал самый реакционный вид власти — военная диктатура.

Коммунистическая партия, разоблачавшая сущность махновщины, критиковавшая анархистов, должна была вести свою работу таким образом, чтобы не разложить махновскую армию, как боевую силу, которая оказывала существенную помощь Красной армии тем, что подрывала деникинский фронт изнутри. Вследствие этого приходилось «сокращаться» в своей критике и только разоблачать фальшь анархо-махновцев в их криках о свободном безвластии, установленном ими. Так, например, «Звезда» давала следующую оценку анархо-махновщине и установленному ею режиму[1]: «Мы неоднократно заявляли рабочим и крестьянам, что преклоняемся перед революционной выдержкой, перед беззаветной преданностью серых героев-повстанцев делу революции. Поэтому мы считаем заявление анархистов о том, что мы якобы недооцениваем революционное значение повстанчества, крайне бесчестным и даже провокационным приемом политической борьбы.

«Но, признавая великую роль повстанчества в деле подрыва власти буржуазно-помещичьих кругов, объединившихся вокруг вешателя Деникина, мы в то же время считаем, что революционное значение повстанчества исчерпывается постольку, поскольку вместо власти рабоче-крестьянских советов оно выдвигает... власть кучки представителей военного командования, власть всякого рода „штабов", комендантов и проч., и проч.

«Ведь только слепцы могут не видеть, что власть, несмотря на все крики анархистов о безвластии, на деле не уничтожена... Выход здесь только один. Маскарад безвластия, прикрывающий самую доподлинную военную диктатуру, должен быть закончен. Власть должна перейти к рабочим и крестьянам в лице их советов».

За полтора месяца существования власти «безвластников» в Екатеринославской губернии в полной мере было доказано, что представляет собой анархическая теория, воплощенная в жизнь. Вместо безвластия — военная диктатура маленьких крестьянских бонапартов — «батек», в лице командиров армии;

[1] «Звезда», № 148, от 6 декабря 1919 г., из ст. «О повстанчестве и безвластии».

вместо абсолютной свободы — абсолютная власть контрразведки; вместо благоденствия, которое должна была дать социализация промышленности, — разрушение всей промышленности; вместо экономического строительства — полный хозяйственный развал. Надо ли добавлять, что этот период екатеринославский пролетариат вспоминает с тем же чувством, как и деникинский. Мелкобуржуазная контрреволюция доказала правильность тезиса о своем полном экономическом и политическом бессилии руководить в течение длительного периода государством. Екатеринославский период махновщины дает еще один наглядный урок о роли и значении мелкой буржуазии во время гражданской войны.

ГЛАВА VII.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ В 1920 Г. И МАХНОВЩИНА.

Политические настроения крестьянства в 1920 г.

Оккупация Украины Деникиным повлияла самым лучшим образом на политическое настроение крестьян в пользу совласти. «Настроение крестьян к совласти доброжелательное», — сообщает политсводка начупревкома XIII армии от 10 января 1920 г. о состоянии работы ревкома в Купянском уезде.

Сводка от 18 января сообщает об Изюмском уезде: «Рабочие и крестьяне к коммунистам и советской власти относятся с доверием. Много добровольцев, желающих служить в Красной армии. Последние направляются в уездный военком» [1].

Даже крестьянство наиболее активного махновского района относилось прекрасно к советской власти. Так, например, 27 января был организован самочинный, не созванный представителями советской власти, съезд волостных представителей Александровского уезда в Ново-Гуженовке, где были представлены крестьяне всех активных махновских волостей: Ново-Гуженовской, Туркеновской, Воскресенской, Михайло-Лукашевской и др. Съехавшиеся 29 депутатов единогласно решили организовать советы крестьянских депутатов, выбрали исполком и закончили съезд приветствиями советской власти на Украине и в РСФСР [2].

[1] Архив Красной армии, доклады и сводки в Реввоенсовете XIII армии, л. 61. Эта армия в 1920 г. занимала территорию Александровского уезда, и потому ее сводки о настроении населения чрезвычайно интересны, поскольку они рисуют настроение населения района махновщины.

[2] Дело то же. Сводка № 18, от 8/II 1920 г., л. 61.

Но параллельно с этим усиливался и бандитизм. Так, например, в этой же сводке говорилось о Бердянском уезде, что наряду с весьма сочувственным отношением населения к советской власти усиливается бандитизм. Последний находил поддержку исключительно со стороны кулачества, которое встретило недоброжелательно Красную армию и пыталось с ней бороться вооруженной силой. Так, например, когда в село Дунаевцы, Бердянского у., были посланы 46-й дивизией два красноармейца и инструктор Бердянского отдела управления исполкома за фуражом, «бывший староста организовал из кулаков шайку, окружил всех товарищей и расстрелял на месте происшествия».

Но кулачество могло использовать только деклассированные элементы. Середняк и бедняк, натерпевшиеся от Деникина, не имея никаких разногласий с советской властью, не поддерживали бандитизма. Точно таким же было отношение и махновской армии к пришедшей советской власти.

Выброшенные из г. Екатеринослава махновцы отсиделись в своем районе, пропустив мимо себя главные силы отступавших деникинских войск. Добровольческая армия торопилась в Крым, и ей не было времени бороться с махновскими частями, так как по пятам следовали части Красной армии. В январе 1920 г. состоялась встреча частей Красной армии с махновцами. Рядовые махновские массы радостно приветствовали советскую власть, поскольку она несла им освобождение от белых, поскольку с ее приходом они могли отдохнуть. Кроме того, значительные кадры бедноты, имевшиеся в махновской армии, встречали советскую власть как свою и переходили в ряды Красной армии. Для Красной армии махновцы предстали в виде союзников, которые вели упорную борьбу с общим врагом в тылу, разлагая его и ускоряя победу. Само собой разумелось, что махновские части становятся подчиненными общему командованию Красной армии. Но совершенно иначе рассуждало махновское командование. Открытый разрыв последовал лишь после того, как командование XIV армии приказало Махно отправиться на польский фронт. Продиктовано это было, во-первых, необходимостью оторвать махновскую армию от ее территории и тем самым превратить ее в регулярную воинскую часть, с другой стороны, над страной нависла польская кампа-

ния, как очередная угроза. Но инстинкт подсказал махновцам, что отрыв их от родной территории означает уничтожение самостоятельности повстанческой армии.

Всеукраинский революционный комитет объявил вторично Махно вне закона за измену революции. Вновь началась борьба махновцев с советской властью. Этот период отличался еще более жестокими методами борьбы, чем предшествующий.

Но выступление Махно против советской власти не повлияло значительным образом на отношение крестьянства к ней, хотя уже начинались недоразумения на той же почве, что и в прошлом году.

В Мелитопольском уезде, по сообщению сводки от 25/I 1925 г., «в волостях Большая и Малая Лепетиха, Каменская, Балковская и Михайловская временами появляются небольшие банды, именующие себя анархистами. Настроение в уезде определенно в пользу советской власти. Наряду с этим есть и махновское течение. Присылка крестьянских политработников может разбить их и достигнуть желаемых результатов. Крестьяне требуют компенсации взамен вывозимого хлеба, в первую очередь кузнечного угля для починки сельскохозяйственных орудий» [1]. Вообще крестьянство, тепло встречая Красную армию, в принципе сохранило свое прежнее отношение к продразверстке. «До 15 февраля, — сообщала сводка из Волчанска, — проведены беспартийные крестьянские конференции. Работы конференции прошли с оживлением, везде принимались резолюции коммунистов, крестьянство выражает готовность поддержать всеми силами советскую власть и помочь в устранении разрухи. Заметно недовольство продовольственной политикой, указывалось на низкую цену на хлеб, на низкие нормы, оставляемые для хозяйства, в особенности для рабочего скота, на отрицательные действия агентов армейских подкомиссий, требующих за отсутствием других продуктов замены их коровьим маслом, птицей и проч., из-за чего часто возникают недоразумения. Настроение населения к советской власти нельзя желать лучшего. К партии коммунистов, в особенности после издания закона о земле, начался

---

[1] Сводка начупревкома XIII армии от 18/II 1920 г., № 18, л. 89.

заметный перелом. Отношение к партизанщине отрицательное» [1].

Прошлогоднее разногласие по земельному вопросу было исправлено законом 15 февраля 1920 г., о чем скажем ниже, и крестьянство отметило это изменение своим отношением к партии. Именно к партии, ибо, как мы уже указывали в предшествующих главах, борьба против советской власти проходила под лозунгом борьбы с коммунистами и за «истинную советскую власть». Но, уничтожив разногласия с крестьянством по земельному вопросу, советская власть не могла уничтожить продразверстки, а это вызывало недовольство крестьянина, особенно когда продразверстка проводилась бессистемно, когда крестьянин не получал за забранное причитающейся ему денежной или товарной компенсации. В цитированной выше сводке сообщается о положении дела в Мариупольском уезде: «В городе и уезде чувствуется махновское настроение. Проходящими частями войск и агентами упродкома забираются скот, фураж и продукты, за что не платят денег, а выдают только расписки. В настоящее время конармия мобилизует лошадей, выдавая за забранное также расписки. Все это возмущает крестьян, питает махновщину, и есть опасения, что бессистемные реквизиции не дадут возможности крестьянам засеять поля».

А через две недели не замедлили сказаться и плоды этой политики: «М а р и у п о л ь. Общее настроение рабочих великолепное, обывателей — колеблющееся. В уезде свирепствует махновщина» [2].

Почему «в уезде свирепствует махновщина», — понять легко. «Грозное безденежье», — сообщает сводка. I конармией была объявлена мобилизация лошадей и частью была уже проведена, но приказом юго-западного фронта была отменена. Крестьяне за реквизированное требуют платы, на ссыпные пункты, без расплаты денег на местах, крестьяне хлеба не везут». А дать город ничего взамен не мог. «Хлеб дорог, ощущается бумажный кризис, нет кожи, мануфактуры и других фабрикатов и т. д.».

---

[1] Сводка № 26 начупревкома от 3/III 1920 г., л. 93.
[2] Сводка № 20 от 19/III, л. 111.

Съезд волревкомов Мариупольского уезда, происходивший 6 марта, также указывал, что подводная мобилизация и реквизиция проходят без системы. «Крестьянство постановило, — сообщает сводка о съезде, — хлеб давать по твердым ценам армии и рабочим» [1]. Но заготовительные организации не уплачивали и твердых цен. Это вызывало трения между местной властью и представителями общереспубликанских заготовительных организаций, что не могло способствовать разрешению кризиса.

«Мелитополь. Упродком в своей работе идет вразрез местным властям, совершенно с ними не считается. Ограничение отпуска хлеба местному населению вызывает контрреволюционную агитацию, спекуляцию хлебом» [2].

Собранные с трудом у крестьян зерно и фураж часто не утилизировались, а из-за халатности или неналаженности аппарата гибли. Так, например, опродком XIII армии заготовил в районе Александровского уезда (ст. Канкриновка) около 100 тысяч пудов фуража, но не реализовал собранного фуража. «Фураж этот находится в ужасном беспорядке и уже начинает преть, — писал уполномоченный губернского продкома о действиях армейских продовольственных организаций. — Если не будут приняты немедленно меры к прессовке фуража, то после прошедшего дождя фураж этот испортится по меньшей мере на 50%» [3].

Эти факты влияли на политическое настроение крестьянства. Недовольство намечается в марте, а в апреле оно приобретает четкие формы. «Общее политсостояние города и уезда неудовлетворительно, — сообщает сводка о Херсонском уезде. — Недостаток партийных агитаторов, индифферентное отношение обывателей к совласти, контрреволюционная работа деникинско-петлюровских агентов, антисемитизм, недостаток военной силы, дающий возможность контрреволюции поднимать голову. В уезде на 70% избраны советы. В выборах явное эсэровское засилье».

---

[1] Сводка от 13/III, л. 102.

[2] Политсводка начпоарма от 13/III, л. 102.

[3] Архив Красной армии, дело № 6914 Реввоенсовета XIII армии, л. 85.

К жалобам на продразверстку прибавляются жалобы на трудповинности, которые летом отнимали у крестьянина драгоценное время. «Настроение населения прифронтовой полосы махновское, — сообщает сводка особотдела XIII армии за 25 и 26 августа, — замечается ропот на почве возложенной трудовой повинности». Это же подтверждают и политсводки политотдела XIII армии: «В Мало-Камышевской волости (Александровский уезд. *М. К.*) обнаружено большое количество вооруженных дезертиров. Настроение этой волости махновское» [1].

Могла ли быть политика советской власти иной, можно ли было отменить разверстку и тем самым уничтожить основные причины недовольства крестьянства? Для этого познакомимся с состоянием продовольственного вопроса на Украине в 1920 г.

Продовольственный вопрос на Украине в 1920 году.

Потребность города в продовольственных продуктах на Украине в 1920 году, имея в виду удовлетворение только рабочих и их семей, в общем составляло за год 180 миллионов пудов. Продразверстка была рассчитана на 160 миллионов пудов, из которых комнезаможным должно было быть оставлено около 20 миллионов пудов, на город оставалось 140 миллионов пудов и плюс помольный сбор, что должно было дать 170 миллионов пудов. Такого количества хлеба, несомненно, продовольственный аппарат на Украине собрать не мог; даже если бы удалось собрать 120—150 миллионов пудов, то это было бы, по мнению наркомпрода Украины Владимирова, большим шагом вперед. На самом же деле было собрано значительно меньше — 9 721 тысяча пудов. Таким сравнительно ничтожным количеством нельзя было накормить городского населения. Даже ударная группа рабочего населения, та часть рабочего класса, которая должна была получать паек, в первую очередь горняки, рабочие воензаводов и т. д., получала его в ничтожном количестве. Так, например, эта группа рабочих получила муки в сентябре — 92% потребности, в октябре—91%, в ноябре—0; пшеницы, ржи, ячменя за эти месяцы—0%, крупы 19%, 12% и 8% потребности; мяса и рыбы — 11%, 14% и 0%; сахара, сахарных изделий за все

[1] Дело то же, сводка за 28 и 29 августа, л. 97.

три месяца — 0%; масла подсолнечного — 15%, 21% и 21%; махорки, спичек — 0%; зерно-фуража — 0%; мыла — 79%, 92%, 0% [1].

Деревня же получала необходимые ей продукты в ничтожном количестве. Мануфактуры, потребность в которой для всей Украины равнялась 300 миллионам аршин, было отпущено (из числа полученных из РСФСР 23 миллионов для всего населения Украины) 16 миллионов крестьянству, а 7 миллионов городскому населению. Железа, потребность в котором равнялась 3,6 миллиона пудов, отпущено было сельскому населению 420 тысяч пудов (14% потребности), шипов роздано было 38 000, т.-е. 28% потребности, гвоздей 150 тыс. — 40% потребности, галантереи — 150 тыс. гросс, т.-е. 2½% потребности. Обувь деревня совершенно не получала, так как при общей потребности в 3,6 миллиона пар было распределено между рабочими лишь 180 тысяч пар. Керосина, потребность в котором выражалась в 4,3 млн. пуд. в год, отпущено было лишь 137 тыс. пудов. Село и городской пролетариат жгли «каганці». [2]. Сахара произведено было на Украине до 4 млн. пудов, в то время как потребность одного городского населения равнялась 3,4 миллиона пудов, а с сельским населением — 5,7 миллиона пудов. Украина должна была из этого скудного запаса снабжать РСФСР и армию; отпущено было 2,7 млн. пудов, главным образом армии. Даже махорки, — продукта дешевого и всегда бывшего в достаточном количестве в украинской деревне, было недостаточно на Украине: в то время, как потребность в ней равнялась 1½ миллионам ящиков, распределено было лишь 150 тыс. ящиков, т. е. 10% потребности, причем 50% этого количества пошло на снабжение Красной армии. Таким образом деревня ничего не получала от города из продуктов городской промышленности, и продразверстка могла проводиться не путем обмена, а исключительно путем насильственного отбирания излишков продуктов. Правда, взамен своевременно внесенной продразверстки, каждая деревня должна была получить соль, в кото-

---

[1] Отчет Наркомпрода УССР в сборнике отчетов V съезду Советов УССР, стр. 14—16.

[2] Сосуд с растительным маслом, в котором горит фитилек.

рой особенно остро нуждалась деревня, но в большинстве случаев она ее не получала. Нечем и не на чем было даже довести до крестьянина городские товары. «У нас почти нет мешков (во время гетманщины были вывезены миллионы мешков, и сейчас у нас нет в достаточном количестве для провозки продуктов), заменить их тоже очень трудно. Главлеском не может достать достаточного количества материала для ящиков, железные дороги плохо действуют, и приходится перевозить по простым дорогам. Еще хуже обстоит дело с заготовкой скота. Тут часто случается, что маршрутные поезда находятся в пути 10—15 дней, часто есть станции, где нет воды, и поэтому большой процент скота пропадает... Заготовки иногда передаются в распоряжение других распределительных организаций». Так рисовал положение вещей на партийной конференции народный комиссар продовольствия УССР Владимиров. Если к этому еще прибавить частые крушения поездов, организуемые различными крестьянскими антисоветскими отрядами, уничтожение ими собранного хлеба и т. д., то станет ясна картина тяжелого кризиса, в котором находилось продовольственное дело республики.

Распределительный аппарат был отвратителен. Во многих аппаратах сидели, в лучшем случае, просто воры; обыкновенно же они совмещали эту профессию с сознательным стремлением к срыву работы советского аппарата, творя скрыто контрреволюцию. «Выдаешь наряд какому-нибудь лесозаготовительному органу, в уверенности, что отправляемые продукты дойдут до крестьянина. Рассылаешь в большом количестве соль по губерниям и следишь за ее переотправкой через уезды в волостные кооперативы, утешаешь себя мыслью, что деревня снабжена солью, но нет почти никакой физической возможности доказать, что эта соль дошла до крестьян, которые сплошь и рядом жалуются на неполучение соли. Выдаешь ежедневно в крупных городах большое количество продуктов для удовлетворения потребностей определенной группы потребителей, и существует почти полная уверенность, что многие из этих потребителей не получают хлеба или получают в меньшем количестве, худшего качества» [1].

[1] Журнал «Коммунист», орган ЦК КП(б)У, № 5 за 1920 г., Владимиров. Крупные и новые усилия.

Все же классовое расслоение села, вооруженная борьба пролетариата и бедноты против кулака дали возможность собрать из общего задания в 35 миллионов пудов 9 721 000 пуд., или 27,8%, в то время как в 1919 году из общей суммы разверстки в 12 093 000 было заготовлено лишь 1 613 000 (13%) [1]. Характерно, что наиболее бандитские деревни дали наименьший процент исполнения продовольственных нарядов. Александровская губ. дала 3,15%, Волынская — 2,69%, Подольская — 4,90%, Черниговская — 16,6%.

Недешево дались даже эти успехи на продовольственном фронте. За 9 месяцев 1920 года было убито крестьянством около тысячи продовольственных работников, не говоря уже об отдельных стычках красноармейских отрядов с партизанскими отрядами. Партия должна была напрячь все свои усилия и бросить значительные кадры своих сил в деревню. Для продовольственной работы было мобилизовано 10 576 человек, из них 323 коммуниста, а остальные беспартийные. По данным Военпродбюро, губкомами было мобилизовано и поступило через губпродкомы в распоряжение Наркомпрода 4 220 человек, из которых 767 было коммунистов, а остальные беспартийные. Сверх этого, в губерниях Екатеринославской, Одесской и Полтавской были произведены дополнительные мобилизации рабочих и коммунистов, давшие 5 800 беспартийных рабочих и 556 коммунистов. Таким образом, украинская организация, насчитывавшая 30 000 членов, дала одними мобилизациями в 1920 году не менее 1 646 человек, т. е. не менее 5%, на продовольственную работу.

Но сама партия своими силами, опираясь на городской пролетариат, не смогла бы провести колоссальную работу по изъятию хлебных излишков в деревне. Эту работу можно было провести только в союзе с деревенской беднотой. В 1919 году, не имея поддержки со стороны этого слоя деревни, продразверстка провалилась, а вместе с ней — и оборона Украинской республики. Для этого нужно было изыскать те формы классового сотрудничества пролетариата и бедноты, которые дали бы своим результатом расслоение деревни и выкачку хлеба, а для этого нужен был пересмотр прошлогодней земельной политики и некоторое изменение в политике комбедов.

[1] «Сборник отчетов народных комиссаров». Отчет Наркомпрода V Съезду советов, стр. 8.

Земельная политика советской власти в 1920 г.

Одной из причин разногласий с беднотой и середняками в 1919 г. была земельная политика социалистического землеустройства.

Вот почему в начале 1920 г., в третий приход советской власти на Украине, меняется наша земельная политика. Декретом 5 февраля 1920 г. объявлялось в ст. 3, что «все бывшие помещичьи, казенные, монастырские и удельные земли, конфискованные еще в прошлом году соввластью, переходят без всякого выкупа в пользование всего украинского трудового народа, и в первую очередь для удовлетворения нужд в земле безземельных и малоземельных крестьян и земледельческих рабочих. Все бывшие нетрудовые владельцы (помещики) и нетрудовые арендаторы подлежат немедленному выселению из своих экономий». По ст. 4 «все советские хозяйства, образовавшиеся в прошлом году из бывших помещичьих земель, переходят в непосредственное пользование безземельного и малоземельного крестьянства, за исключением тех участков, которые, с ведома самих крестьян и в форме, предусмотренной ниже (ст. 13 и 14), должны остаться для ведения образцовых советских хозяйств, опытных станций и т. д., где таковые необходимы будут для развития сельского хозяйства».

Согласно этому закону было передано крестьянам дополнительно, кроме всех прочих помещичьих земель, свыше 600 тыс. десятин земли (пахотной), принадлежавшей раньше совхозам. Из 2 млн. десятин, принадлежавших свеклосахарным заводам и лежавших под свеклосахарными полями, Главсахару оставлено было лишь 200 тыс. десятин, а 1 800 тыс. десятин было распределено между крестьянством [1].

Количество совхозов в 1920 г. сравнительно с 1919 г. пало в несколько раз. Об этом свидетельствует следующая таблица [2]:

[1] Доклад Мануильского на V Всеукр. партконференции. Бюллетень № 5, стр. 45.

[2] Отчет наркомзема УССР V Съезду советов Украины. «Збірник справоздань народних комиссариятив и центральн установ. УССР та уповожених народных комиссариятив РСФСР V зизду Рад», стр. 12.

Губернии	1919 год		1920 год	
	Количество совхозов	Количество десятин земли	Количество совхозов	Количество десятин земли
Харьковская	196	110 000	99	24 589
Полтавская	219	85 896	79	7 572
Кременчугская [1]	—	—	25	6 625
Черниговская	95	32 750	34	8 019
Киевская	40	11 954	21	3 406
Подольская	32	108 000	2	557
Волынская	194	100 000	20	2 327
Екатеринославская	140	297 000	33	14 203
Донецкая [1]	19	9 000	90	190 000
Александровская [1]	—	—	88	—
Одесская [1]	—	—	73	16 586
Николаевская [1]	250	350 000	76	66 875
Всего	1 185	1 104 600	640	340 759

Благодаря передаче всей помещичьей земли крестьянству в Таврической, Николаевской и Екатеринославской губерниях крестьянское хозяйство в среднем увеличилось с 8 до 13 десятин; в Полтавской и Харьковской губерниях — с 7 до 8 дес., в Киевской, Волынской и Подольской — до 5—6 дес.

Сохранились, главным образом, совхозы, имевшие либо специальный характер, либо смешанного типа. Имеются сведения о характере 551 из числа оставшихся совхозов, которые распре-

[1] Эти губернии были образованы в 1920 г., и данных по ним за 1919 г. не может быть; они территориально все время менялись, и потому сравнивать 1919 и 1920 гг. нельзя. Но можно проиллюстрировать уменьшение количества совхозов для всего района. Общее количество совхозов для юго-степи Украины в 1919 г. равнялось 409, с площадью в 656 000 дес.; в 1920 г. количество совхозов упало до 360 и площадь уменьшилась до 287 664 дес., т. е. в 2½ раза.

делялись следующим образом: 114 садоводств, 12 виноградарств, 8 огородничеств, 30 огородных садоводств, 16 племенных садоводств, 17 коневодств и конезаводств, 33 по разведению крупного рогатого скота, 1 — племенного свиноводства, 1 — племенного овцеводства, 25 молочных ферм и 294 смешанных хозяйства.

Общую характеристику происшедшей аграрной революции в 1920 г. дает наркомзем Украины Мануильский в своем отчете за 1920 г. V Съезду советов. «Аграрная революция на Украине, как и в России, носит на себе отпечаток полной уравнительности. Уравнительная земельная революция начала свое боевое наступление, как движение всей массы села против крупного помещичьего землевладения. Крестьянская масса стремилась разорением бывших дворянских „гнезд“ устранить сначала наиболее бьющее в глаза социальное неравенство. Ей мало было дела до того, что, сметая капиталистическую оболочку помещичьего землевладения, она в то же самое время разрушала крупное сельскохозяйственное производство, имевшее все технические преимущества перед мелким крестьянским хозяйством. Законы экономики и интересы всего народного хозяйства отходили на задний план перед стихийной тягой селянства к земле. В этом лежал корень непонимания крестьянством нашей прошлогодней (1919 г. *М. К.*) политики в отношении сохранения крупных экономий в виде советских хозяйств. В глазах крестьянской массы советское хозяйство было новой формой „панщины“, при которой произошла лишь замена прежнего собственника новым владельцем в лице государства. Аграрная революция нынешнего года не пощадила поэтому советских хозяйств и провела в отношении их ту же крестьянскую „уравнительную“ политику. Но полного экономического равенства внутри самой крестьянской массы она не создала» [1].

Гетманщина реставрировала помещичье землевладение, во многом вернула Украину к царским временам, и тем самым возвратилось старое единство всех социальных слоев в борьбе против помещика. В 1919 г. советская власть за краткостью времени пребывания своего на Украине не успела расколоть деревни. Поскольку советская власть удержала за собой значительную

---

[1] Отчет наркомзема к V Съезду. «Збірник», стр. 9.

часть помещичьей земли, весь инвентарь и урожай 1919 г. с бывших помещичьих земель, крестьянство по инерции продолжало выступать за захват помещичьей земли и тем самым против советской власти. Мелкобуржуазной природе крестьянина было безразлично, кто и для чего отымал у него землю — помещик-феодал или социалистическое государство[1]. В этом кроется то кажущееся противоречие между классовой борьбой в деревне в 1917 г. и некоторым единством деревни против советской власти в 1919 году. Лишь после того, как первый напор крестьянской стихии был удовлетворен, когда в вопросе земельном общекрестьянская программа была исчерпана, мог стать вопрос о расслоении крестьянства, и он встал и был проведен благодаря продовольственной политике советской власти 1920—1921 годов, но до этого, в 1919 г., крестьянство было единым. В третий приход (1920 г.) советская власть исправляет свою ошибку по земельному вопросу и проводит продовольственную политику, которая откалывает бедняка от середняка и заостряет классовую борьбу в деревне.

В 1920 г. беднота приступила к переделу земель кулаков и зажиточных крестьян, но если бы на этом остановился процесс поравнения деревни, то в конце концов беднота, не имея средств, не будучи организованной, вновь попала бы в экономическую и политическую кабалу к зажиточным элементам деревни. В 1920 г. пролетариат сумел организовать бедноту и создать союз с беднотой за счет кулака. Проводя продразверстку, он определенную часть усту-

---

[1] «Самым главным условием нашего успеха на Украине явилась правильная постановка и решение крестьянского вопроса. В 1919 г. мы успели наделать в этом вопросе много глупостей, как говорил Ильич, как агитацией в пользу коммун, так и организацией совхозов и отвода земель под сахарные заводы. Под это все отводилось к великому негодованию украинских крестьян очень много земли. Поэтому, когда создался Украинский ревком, после поражения Деникина, Ильич обратил свое главное внимание на этот вопрос. Хотя я был одним из сторонников максимальных уступок крестьянству, Владимир Ильич меня упрекал в том, что я иду недостаточно далеко. Он хотел целиком ликвидировать старую политику, и это было проведено в резолюции по Украине на декабрьской конференции РКП в 1919 г. в Москве. Здесь под непосредственным руководством и наблюдением Ильича был составлен новый земельный закон для Украины» (Раковский, Ильич и Украина. «Летопись Революции» № 2 за 1925 г., стр. 9.)

пал бедноте. В зажиточных губерниях оставлялось из собранной продразверстки 10% в пользу бедноты, в бедных же губерниях — Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской — 25% собранных запасов. Таким образом, беднота была заинтересована в том, чтобы собрать как можно больше продразверстки. К тому же запасов в совхозах из бывших помещичьих имений, как было в 1919 году, не было; кулак не имел этого выигрышного момента, и это использовал пролетариат в своей продовольственной политике. Вот как характеризовал Раковский эволюцию внутри деревенских отношений в 1919 и 1920 гг.; хотя наблюдения сделаны Раковским над районом, зараженным петлюровщиной, но выводы относительно политического поведения бедноты целиком могут быть отнесены и к махновской деревне.

«В бандах участвуют желтоблакитники (петлюровские офицеры), потом кулачество, дальше уголовный элемент, множество дезертиров, которых опять-таки следует присоединить ко второй группе кулачества, которые не желали давать своих сыновей в Красную армию. В то же самое время в бандах участвует, может быть, 10% и селянской бедноты. В позапрошлом же году (1919 год. *М. К.*) в бандах было ее не 10%, а три четверти. Это было в то время, когда кулачье организовывало против советской власти банды и имело возможность само в банды не вступать, а отправлять бедноту. Оно давало ей за это хлеба. У нас имеется масса показаний, в которых говорится, что кулаки объявляли, что они обеспечивают хлеб и что ей угодно, если беднота будет отправляться в банды. Это было в 1919 г.

«В 1920 г. в этом отношении произошла коренная перемена, в этом сыграло роль движение комнезамов и другой важный факт, так называемый продовольственный фонд, который расстроил отношения между кулаком и беднотой. Эту меру создания продовольственного фонда в деревне нужно считать одной из величайших мер на Украине. Вам известно, что из продразверстки на Украине деревне оставляется в богатых губерниях 10%, а в бедных — 25%. Таким образом, в деревне было собрано около 4 млн. пудов хлеба, большая часть которых пошла на поддержку бедноты. Из этого волостного фонда беднота получила хлеб, из него же она получит материал для обсеменения полей. В данный момент в одной Одесской губ. у нас имеется около

800 тыс. волостного фонда. В Николаевской губернии волостной фонд доходит до 1 млн. пуд. Этот волостной фонд был тем источником существования для бедноты, который ее почти оторвал от кулачества» [1].

Таким образом, в 1919 г. и даже в самом начале 1920 г. беднота находилась на содержании у кулачества и была его физической силой в борьбе против пролетариата [2]. Положение изменилось с созданием комнезамов.

Комнезамы.

Проводником нашей земельной и продовольственной политики в деревне были комитеты незаможных селян, сыгравшие в 1920 году большую роль в продовольственной работе советской власти и в разложении антисоветских партий.

Вслед за упомянутым законом от 5 февраля 1920 г., предоставляющим всю бывшую помещичью землю крестьянству, 19 мая был издан декрет об организации комитетов незаможных селян. Комитет незаможных селян — это был тот же комбед, но с более ограниченными правами. Результаты, получившиеся от организации этих комитетов, совершенно не связаны с объемом их прав, а лежали в изменившемся соотношении сил. В законе 5 февраля уже говорилось об обеспечении в первую очередь безземельных и малоземельных; затем этот закон был дополнен циркуляром СНК от 24 марта о наделении землей по потребительно-трудовой норме на едока, определяемой по среднему хозяйству данного района. Все, что было свыше этого надела, хотя бы эти хозяйства не применяли наемного труда, подлежало отрезке и распределению между безземельными и малоземельными, подобно землям помещиков.

[1] Раковский, Доклад на Харьковской губпартийной красноармейской конференции 15/II 1921 г., стр. 21.

[2] Возможность этого характерна не только для петлюровщины и махновщины, но и для тактики кулачества вообще, еще задолго до социальной революции. Зажиточные селяне одного из бунтовавших сел Подольской губ. в начале 1905 г. в борьбе против помещиков попытались применить также тактику содержания бедняков — сбором провизии, но этому помешали прибывшие войска (П. Маслов, Крестьянское движение в России.)

Уравнительная волна проходила вторую стадию, когда переделялись уже земли зажиточных мужиков. Руководителями этой революции в деревне являлись комнезаможники в процессе их создания и после. Аграрная революция, протекавшая весьма бурно, вызвала к жизни многочисленные комнезамы. За один месяц подготовительных работ было проведено компартией 620 крестьянских конференций, после которых в течение трех месяцев продолжался организационный период, давший к 10 ноября 1920 г. 9 599 комитетов; иначе говоря комнезамы были организованы во всех волостных центрах и в одной трети всех сел. За всю кампанию прошло до 3 000 волостных и районных съездов сельского масштаба, 94 уездных, 3 губернских и 1 всеукраинский.

«Следует отметить, что те уезды, которые были поражены бандитизмом или имели сильное кулачество и крепкого середняка, давали минимальный темп и минимальное количество комитетов. Одно из самых первых мест в этом отношении принадлежит такой кулацкой губернии, как Екатеринославская губ. К общему числу организованных комнезамов за отчетное время Екатеринославская губ. дает по месяцам следующий процент: к 1 августа — 7,7%, к 10 сентября — 26,6%, к 10 октября — 23,7%, к 10 ноября — 53%. Если сравнить этот процентный рост с таким же ростом комнезамов в Киевской губ., то, отбрасывая ряд явлений, отражающихся на организационном росте, мы все же с полным правом можем сказать, что сопротивление кулака организации комнезамов в Екатеринославской губ. было приблизительно в 4 раза сильнее, чем в губернии Киевской» [1].

В Александровской губ. дело обстояло из рук вон плохо. Ко времени Всеукраинского съезда 10 ноября 1920 г. было сорганизовано всего 54 комитета, в то время как в Киевской губ. оно равнялось 1 271, в Кременчугской — 781, в Николаевской — 756, в Полтавской — 1 237, в Харьковской — 1 190, в Черниговской — 765.

---

[1] «Обзор организации комитетов незаможных селян», изд. НКВД Украины, 1921 г., стр. 6. Называя Екатеринославскую губ. кулацкой, автор «Обзора» забывает о том, что наряду со сравнительно сильным кулачеством Екатеринославская губерния имеет и относительно бóльшую, чем в других губерниях, бедноту — благодаря большей степени расслоения, какое было в губернии накануне революции.

Правда, организации комнезамов в октябре и ноябре мешала близость фронта или оккупация части Александровской губ. войсками Врангеля. К тому же комнезамы первое время попадали в кулацкие руки. Кулачество зачастую само организовывало комнезамы и через них давило на бедноту, помогало бандитам и т. д. На этом строила свое отрицательное отношение к комнезамам внутрипартийная оппозиция во главе с Сапроновым и Дробнисом. Но уже к сентябрю — октябрю 1920 г. беднота выбивает кулачество из комнезамов. В Александровской губ., позже всех организовавшей комнезамы, переход комнезамов в руки бедноты имел место лишь в 1921 г. По словам начальника штаба махновской армии Белаша, в 1920 г., в начале периода организации комнезамов, Махно относился к ним положительно, но затем рассматривал их как своих врагов и сторонников Красной армии и советской власти. Если в первый период организации в комнезамах могли сидеть кулаки, то к концу 1920 года комнезамы являются одним из опорных пунктов борьбы советской власти против Махно.

Насколько интенсивно шла борьба между беднотой и кулачеством в районе махновщины в деревне, можно судить по количеству «планомерно экспроприированного» кулачества Одесской губернии. За 1920 г. было отобрано у кулачества Одесской губернии: рогатого скота — 4 000, лошадей — 550, овец — 100, свиней — 1 000, зерна — 92 тыс. пуд., сена — 7 тыс., масла растит. — 360, табаку — 2 100 пуд., кож — 800 пуд., сепараторов — 59, плугов — 900, борон — 425, сеялок — 304, веялок — 30, жаток — 529, молотилок — 89, других с.-х. машин — 50, локомобилей — 31, бричек и повозок — 300, грабель конных — 42. Весь этот инвентарь, кроме слишком крупных машин, перешел во владение бедноты через комнезамы [1]. После этих цифр нам становится понятна острая злоба кулачья, выразившаяся в категорических приказаниях Махно о «пресечении в корне деятельности комнезамов».

Общую характеристику деятельности комнезаможных дал в своем отчете ЦК КП(б)У, который так резюмировал то влияние, которое оказывали комнезаможники на жизнь украинской деревни:

[1] Раковский, Что дали незаможным их комитеты? стр. 13.

«В этих 6 091 комнезаможах [1], волостных и сельских, было организовано 723 тысячи мужчин и 105 тысяч женщин. Из них около 20% приходится на середняков, имеющих свыше трех десятин, а остальные 80% на малоземельных и безземельных батраков и рабочих.

«Из 790 волостных комнезаможей, на основании отчетов, в 608 происходило отобрание земли от кулаков; в 124 это отобрание не имело места. Общее количество отобранной у кулаков в течение этого периода существования комнезаможей земли доходит до 285 000 десятин.

«В 591 волости, имеющей комнезаможи, людская мобилизация прошла хорошо, в 160 — плохо. В 502 волостях лошадиная мобилизация прошла хорошо, в 134 — плохо. В 418 волостях отмечается присутствие дезертиров, в 305 — их нет. В 192 — наличие банд, в 534 — отсутствие банд. В 233 — наличие контрреволюционной агитации, в 440 — отсутствие контрреволюционной агитации. В 94 — плохие исполкомы, в 666 — хорошие. В 481 волости комнезаможи приняли участие в разоружении, в результате которого в деревнях было отобрано 33 000 винтовок. В 196 волостях разверстка была выполнена, в 541 волости разверстка выполнена только частично. В 683 волостях комитеты незаможных селян участвовали в выполнении разверстки. В 487 волостях продовольственные органы оставляли на местах для нужд сельской бедноты норму от 10 до 20%, предусмотренную законом о хлебной разверстке. В 261 волости этот процент не оставлялся. В 393 волостях отношение крестьян к комитетам незаможных селян сочувственное, в 257 — безразличное, а в 121 — враждебное. По инициативе комнезаможей проведено 1 455 субботников, 2 868 митингов, 3 166 лекций и докладов и 402 ревизии сельской и волостной кооперации» [2].

По отдельным губерниям количество отобранной земли чрезвычайно колебалось. Так, например, в Волынской губ. было отобрано у кулаков в тех селах, которые были представлены на съезде, 7 100 дес., в Донецкой губ. — 39 383 дес. у кулаков

---

[1] Комнезаможи, представленные на I Всеукраинском съезде комитетов незаможных селян.

[2] Отчет ЦК КП(б)У, Харьков, 1920 г., 15 ноября. Приложение к № 5 журнала «Коммунист», стр. 1.

и 10 800 у помещиков; в Екатеринославской было отобрано у кулаков 9 053 дес., в Киевской — 20 700 дес., в Кременчугской — 21 329 дес., в Николаевской — 37 400 дес., в Одесской — 114 648 дес. и у помещиков — 5 700 дес., в Полтавской — у первых — 63 859 дес. и у вторых — 1 150 дес., в Черниговской — у первых — 12 451 дес., у вторых — 7 000 дес., в Харьковской — у первых — 18 700 дес. и в Подольской — 4 000. Всего комнезаможники отобрали у кулачья 348 622 дес. в то время, как у помещиков было отобрано лишь 24 650 дес., т. е. 7% по отношению к отобранному у кулачья. Эти данные нагляднее всего рисуют характер второй стадии аграрной революции, направленной почти целиком против кулака и лишь доделывавшей отдельные мелкие детали первой стадии аграрной революции, направленной против помещиков.

Комнезаможники не только отбирали у кулачья его землю, но и разоружили украинскую деревню. По показаниям делегатов, ими было отобрано за время их существования — 33 075 винтовок, 5 пулеметов, 37 шашек, 36 бомб, 362 револьвера и 1 орудие. Правда, в этой части следует признать работу комитетов чрезвычайно слабой. Классовая борьба в деревне в годы гражданской войны в первую очередь начиналась с разоружения своего классового врага, а деревня была почти сплошь вооружена. Характерный пример, показывающий, насколько была вооружена деревня, можно привести из данных о разоружении села Вознесенки (Александровского уезда) в 1921 г.[1]. В первый раз село сдало добровольно оружия: 69 винтовок, 9 револьверов, 11 сабель, 65 обрезов ружейных стволов, 18 бомб, 2 300 винтовочных патронов, 62 штыка, 336 артиллерийских снарядов, 269 котелков, 80 фляг, 2 коробки пулеметных лент, 1 пулеметный щит, 43 походные лопаты. Таким образом, деревня могла выставить полностью вооруженный и снабженный необходимым воинским снаряжением приличный отряд. Через несколько дней в том же селе Вознесенске было выкачано вновь уже принудительно 41 винтовка, 35 обрезов, 40 винтовочных стволов, 1 068 винтовочных патронов, 14 сабель, 5 бомб и 15 револьверов. По истечении нескольких дней из той же деревни было выкачано вновь, в третий раз, 11 винтовок, 5 револьверов, 1 бомба, 28 обрезов, 35 штыков,

[1] Архив ГПУ УССР, дело № 84, л. 8, докл. Запгубчека в ВУЧК.

940 винтовочных патронов, 18 винтовочных стволов и 5 снаряженных гильз.

Вознесенка была одним из махновских опорных сел, на нее было обращено внимание Запорожской губчека, которая и производила в ноябре 1920 г. выкачку оружия.

Разгоревшаяся классовая борьба не могла остановиться только на экспроприации оружия и земельных излишков у зажиточных элементов деревни. Беднота шла значительно дальше. «Комнезаможные должны одновременно нанести последний удар кулаку для установления действительной диктатуры незаможного в деревне. Кулацкое хозяйство должно быть ликвидировано так же, как помещичье. Земля у кулака вся должна быть отобрана, его дом использован для общественных нужд, его мертвый инвентарь передан на прокатный пункт, его племенной скот сведен на случный пункт, а сам кулак должен быть изгнан из деревни, как помещик изгнан из своего поместья»[1]. Эта резолюция, полная жгучей ненависти и непримиримости к кулаку, была вынесена первым съездом комитетов незаможного селянства Украины в конце 1920 г. Беднота на этом не остановилась, она не только стремилась изгнать кулака из деревни, но и заменить единоличное хозяйство общественным. «Основной задачей всей земельной политики советской власти, — читаем в резолюции того же съезда, — является создание условий безболезненного перехода к обобществлению труда». В пунктах 3 и 5 той же резолюции беднота уже требует «землей наделять группы землепользователей, получающих ее в постоянное землепользование, причем ни отдельные граждане, ни объединения их не имеют права покупки и продажи земли или передачи земли в аренду, и обязаны, как правило, обрабатывать ее без помощи наемного труда... На отводимой безземельным в одном месте комнезаможными должна быть организована общественная обработка земли, причем это обобществление не должно носить характера принуждения, а свободного соглашения между отдельными землепользователями».

---

[1] Обзор деятельности комитетов незаможных селян со дня их основания по 1 декабря. Изд. НКВД УССР, стр. 49.

Целая пропасть отделяет эти резолюции сентября 1920 г., а также и все многочисленные резолюции уездных и волостных съездов селянской бедноты об отводе общего куска земли всей бедноте села для создания колхоза от резолюций февраля 1919 г., когда решительно все крестьянство требовало помощи единоличным хозяйствам. Вторая уравнительная волна, подрезавшая кулака и не уравнявшая все селянство, рассеяла мелкособственнические иллюзии бедноты. Она убедилась на опыте в невозможности единого фронта с зажиточными элементами села. Продовольственная политика это разногласие усилила, материально помогла бедняцким элементам деревни, сорганизовала их и помогла в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи физически продержаться.

Важную роль сыграло так же и то, что партия сумела бросить на партийную и советскую работу значительные кадры партработников, занятых ранее в Красной армии на политработе.

Начиная с 1920 г., колхозы на Украине из года в год растут. В 1920 г. их было 300, в 1921 г.—1 428, в 1922 г.—3 778, в 1923 г.—4 620 и в 1924 г. — 5 300, причем большая часть падает на степную полосу: Одесская губ. — 34%, Донецкая губ. — 12%, Екатеринославская губ. — 5%, Полтавская — 5,6%, Харьковская — 5%, Волынская — 2% и Черниговская 1,3% [1].

То, что мы не сумели сделать в 1919 г. голым декретированием, то сделала жизнь, то выполнила гибкая и правильная политика компартии в 1920 г., давшая возможность бедняку на практике изжить свои мелкобуржуазные иллюзии, разочароваться в них; благодаря этому партии удалось расколоть единую до того деревню и создать выгодный для обеих сторон союз, не нарушившийся до нынешнего дня.

С Махно в 1920 году идет лишь середняк и кулак. Во второй половине 1920 г. и в 1921 г. махновская деревня переживает острую гражданскую войну между беднотой и прочими слоями деревни.

Политическое расслоение села произошло, беднота организуется в комнезамы, а кулачество борется против самостоятельных бедняцких организаций.

---

[1] Терлецкий, Дифференциация украинского крестьянства и колхозы. Журнал «На Аграрном фронте» за 1925 г., № 2, стр. 59.

«Долой милицию, долой комнезамы, исполком и земельный отдел», — пишет в своем воззвании один из видных махновских командиров Христовой [1]. — «А вы, крестьяне, мои братья, кто чем можете, помогайте сбить незаможных кровопийцев, чтобы свободно жилось на Украине», — читаем в воззвании другого командира, взывающего от имени батька Махно [2].

«Рекомендую немедленно упразднить комитеты незаможных селян, ибо это есть грязь», — писал Махно председателю комитета села Доброволье [3]. В оперативном приказе на имя командира одного из отрядов революционно-повстанческой армии Украины (махновцы), подписанном командиром Махно и начштабом, в числе прочих пунктов имеются следующие: «П. 2. В корне пресечь организацию и деятельность комнезамов и комсомолов». «П. 4. Разгонять и в корне уничтожать милицию, чеку, продотряды и другие совучреждения» [4].

Понятно, что при таких условиях существование организации бедноты было зачастую невозможно, если оно не опиралось на вооруженную силу Красной армии. В Лозовском районе комнезамы перешли даже на нелегальное положение. В селе Троицком, Екатеринославской губ., комнезаможники были обезоружены кулаками. В селе Венислововке, Петровской волости, Полтавской губ., члены комнезамов избивались. В Ряжской волости, Константиноградского уезда, Полтавской губ., 30 комнезаможников были вырезаны кулаками в одну ночь. Оставшиеся незаможники на другую ночь вырезали 50 кулаков [5].

Отношение кулаков к активно выступающей против них бедноте рисует длинный список убитых комнезаможников. Из большого материала мы выберем часть того, что дают нам сами же представители махновщины [6].

«11/XII 1920 г. в селе Андреевке по распоряжению Махно было изрублено до 30 чел. отряда комнезаможников и сотрудников Бердянской ЧК.

---

[1] Музей ГПУ Украины, отд. «Махновщина», папка воззваний.

[2] Там же, дело то же.

[3] Там же, папка «Переписка Махно и руководителей махновщины».

[4] Архив ГПУ Украины, дело Белаша, т. IV.

[5] Раковский, Борьба за освобождение деревни, стр. 15.

[6] Архив ГПУ Украины, дело Белаша, т. I, л. 4.

«6/III в с. Белоцерковке, Бердянского уезда, Запорожской губ., по распоряжению Зинковского (нач. контрразведки. *М. К.*), изрублено два милиционера и 1 предкомнезаможа.

«14/III в Мелитопольском уезде, в с. Рубашевке, по распоряжению Зинковского и жены Махно, убит один председатель комнезаможных и три милиционера.

«27/III в с. Ивановке, Криворожского уезда, по распоряжению Зинковского, были изрублены 1 предкомнезаможа и 2 милиционера.

«30/III в с. Вырбове, Б. Токмакского уезда, Запорожской губ., изрублены, по распоряжению Зинковского и Галины (жены Махно), один предкомнезаможа и 2 совработника.

«5/V в с. Васильевке, Новомосковского уезда, Екатеринославской губ., изрублены 1 предкомнезаможа и 2 милиционера.

«10/V в с. Пески, Гадячского уезда, Полтавской губ., изрублены 2 комнезаможных, 5 милиционеров и 3 совработника.

«12/VII в с. Андреевке, Гришинского уезда, изрублены, по распоряжению Махно и Зинковского, 1 комнезаможник и 1 милиционер.

«15/VII в с. Святодухове, Гуляйпольского уезда, по распоряжению Махно, изрублены 1 предкомнезаможа и 3 милиционера.

«18/VII в с. Новотроицком, Мариупольского уезда, по распоряжению Махно, изрублены 2 комнезаможных и 1 сотрудница».

Мы могли бы привести до бесконечности длинный список жертв, понесенных организаторами бедноты. Приведенные примеры, из различных уездов и в различное время одного и того же года, показывают машину махновского правосудия на ходу. Характер приведенных убийств показывает, что они не были вызваны исключительными обстоятельствами, а были системой уничтожения руководящей головки бедняцкой части деревни. Кулачество уничтожало председателей комитетов бедноты, т.-е. организаторов, руководителей деревни [1]. Так практически стремилось кулачество проводить единство деревни, которое теоретически формулировали анархисты в «декларации РВС».

[1] Подобную же тактику применяет кулачество и ныне в борьбе с организаторами и руководителями деревенской общественности — селькорами. Индивидуальный террор для кулачества есть метод политической борьбы, равно как и индивидуальный суд — самосуд над врагами — его идеал.

Борьба Махно с советской властью в 1920 г.

Тактика Махно в деревне в 1920 году резко изменилась по сравнению с 1919 годом. Как мы уже указывали выше, советская власть путем проведения земельной политики сумела отколоть от Махно значительные кадры деревни. Продовольственная политика углубила раскол, обеспечила бедноту за счет кулаков и середняков и тем самым лишила Махно той опоры, какую он имел во всех слоях деревни в 1919 году. Не только город, но и часть деревни стали враждебны ему. Если раньше он применял террор по отношению к буржуазии и членам компартии, т. е. бил по всем активным политическим элементам города, то теперь, в 1920 г., он применял террор и по отношению к революционным элементам деревни, не разделявшим его убеждений и не помогавшим ему материально. Удары махновской армии прежде всего направлялись против продовольственного аппарата. Разгром складов, сожжение запасов собранного хлеба — один из обычных методов борьбы.

В длинном списке убийств и вреда, причиненного советской власти, данном Белашем суду, фигурируют 4 группы лиц: совработники, милиционеры, продагенты и комнезаможники. Комнезаможник был своим деревенским врагом, а остальные представляли ненавистную администрацию города и подлежали безусловному уничтожению. Характерным являлось то, что все представители власти в деревне подвергались безусловно уничтожению. Из своей деревенской бедноты кулачество уничтожало лишь организаторов, а не целиком всех организованных вокруг комитетов бедноты. Представители же государственной власти в деревне в лице 3-4 милиционеров, 1-2 совработников махновцами начисто уничтожались. Продагенты были даже еще более ненавистными врагами махновцев, чем комнезаможники. Им пощады безусловно не давалось. Сухо и деловито пишет об этом в своем дневнике жена Махно — Галина Кузьменко [1]:

«23 февраля (1921 г. *М. К.*) рано утром, часов в 10, наши хлопцы захватили двух большевистских агентов, которые были расстреляны.

---

[1] Архив Революции Украины, фонд Совнаркома УССР, дело № 144 — дневник жены Махно.

«После обеда выехали на Гавриловку. В Гавриловке захватили двух агентов, которые забирали скот, а также 1 инженера, который приехал организовать ревком и исполком. Тут мы переночевали.

«25 февраля. Вероятно, сегодня уедем отсюда. Тут остается Феня (убито двое)...

«25 февраля. После обеда переехали в Малороссское. Здесь поймали 3 агентов по сбору хлеба и проч. Их расстреляли».

Такими заметками полон дневник. О беспощадном уничтожении продагентов говорит в своих показаниях и Белаш.

Особенно интенсивно шла борьба махновщины с перечисленными элементами советской власти в деревне в середине 1920 г.

К этому времени расслоение успело оказать свое влияние на деревню, хлебные излишки отбирались от зажиточных элементов деревни. К этому же времени кулаки были выбиты из комитетов незаможных, сеть комитетов стала значительно гуще, представляя определенную угрозу для махновской армии, так как они, помимо всего прочего, являлись информаторами о движении и деятельности махновской армии. В июне борьба разгорается чрезвычайно сильно. Иллюстрацией могут служить сводки штаба XIII армии, в тылу которой шатались махновские отряды, нанося большой ущерб армии. Приведем сводки лишь за один июнь месяц, рисующие, какую большую угрозу армии представляла деятельность махновцев. Сводка штаба тыла за 10 июня сообщает: «В тылу армии около 18 часов нашими частями были заняты села Васильевка и Знаменка. Махновцы бежали в район Зайцево — Домаха. В этом районе бандами был остановлен воинский эшелон, идущий из Павлограда на Александровск. Бандитами захвачено 3 вагона снаряжения и 4 пулемета. Сила банды определялась в 500 сабель, 1 000 штыков и 250 тачанок и 8 орудий. Другая банда в 200 штыков при 4 орудиях и большом количестве пулеметов сгруппировалась в районе ст. Троицкая (15 верст северо-восточней ст. Раздоры) — Елисаветовка—Александровка. В последней деревне бандой был заказан ужин на 700 человек» [1].

Сводка от 8 июня сообщает: «На внутреннем фронте, по данным разведки, махновцы силой до 4 000 рассыпались на фронт

[1] Архив Красной армии, Москва, дело № 6986 — журнал военных действий XIII армии за июнь месяц 1920 г., л. 3.

к северу от участка железной дороги ст. Письменная—Ульяновка и вели наступление на юг. Бронепоезд „Советская Россия“ вступил в полдень в бой, отгоняя их огнем от железной дороги. Другой бронепоезд „Червоный Казак“ вступил с бандой в бой. В результате боя бронепоезда нанесли банде большие потери, заставив их, разбившись на мелкие части, бежать в с. Рождественское»[1].

Сводка от 12 июня сообщает о махновской армии как о разбитой и указывает, что остатки ее сгруппировались в дер. Конские Раздоры. 13 июня Махно выступает на Ново-Успеновку, а командование XIII армии бросает против него гайчурский отряд, дав задачу атаковать главные его силы с юго-запада и нагнать их на 42-ю дивизию. Чтобы окружить Махно, начальнику чаплинской группы приказывается оборонять чаплинский узел и не допустить прорыва махновцев к северу. Чаплинский отряд состоял из 1 200 штыков, 80 сабель и двух орудий. 14 июня он перешел со стороны Просяной в наступление на Больше-Михайловку. «Не дойдя 4 верст до Больше-Михайловки, — сообщает сводка от 15 июня, — северный отряд т. Белавина был атакован махновцами со значительной силой. В скором времени из северного отряда т. Белавина прискакали на ст. Просяную панически настроенные командир полубатареи и политком, которые сообщили, что северный отряд разбит на-голову, полубатарея попала к махновцам. Командир полубатареи и политком были арестованы. Для проверки упомянутых сведений в северный отряд выехал наштаба группы чаплинской, который на месте выяснил, что потеря в северном отряде была 30 человек, орудия сданы без боя, в отряде царило махновское настроение.

«Южный отряд под командой т. Марченко начал наступление со стороны ст. Мечетной на Б. Михайловку в 10 час. 15 июня. Бой длился весь день и отличался упорством, было несколько рукопашных схваток. Со стороны Махно действовало до 800 сабель и 600 штыков при 18 пулеметах и 8 орудиях. В отряде Марченко было 1 500 штыков, 70 сабель и полубатарея. К вечеру в отряде т. Марченко иссякли все боевые припасы, вследствие чего отряд отошел на ст. Мечетная—Гайчур. Потеря отряда — 100 человек ранеными, 40 человек контуженными и

[1] Архив Красной армии, Москва, дело № 6986 — журнал военных действий XIII армии за июнь месяц 1920 г., л. 3.

70 человек убитыми. Среди махновцев, надо полагать, потери были еще больше, так как его конные атаки несколько раз отражались картечным огнем. Результат этого боя поставил тыл XIII армии в весьма критическое положение».

Чаплинской группе дана была задача прикрывать чаплинский узел и линию Чаплино — Синельниково. Между тем эта группа была разбита махновцами: добрая половина ее, как сообщает сводка, оказалась настроена в пользу Махно.

Приведенная сводка показывает, сколь опасен был Махно, разрушавший тылы красных частей южного фронта, сражавшихся с Врангелем. Помимо больших операций, Махно предпринимал ряд мелких набегов на станции, воинские части и города. В Гришинском районе оперировали небольшие отряды махновцев. Волновахский уезд, чрезвычайно важный в коммуникационном отношении, точно так же как и Пологский, подвергались частым нападениям махновских отрядов и должны были охраняться, отвлекая вооруженные силы с фронта. Махновцы часто нападали на один и тот же пункт под-ряд несколько дней и тем создавали панику в тылу армии. Так, например, 21 июня небольшой отряд в 140 сабель сделал набег на Гуляй-Поле, захватил 24 повозки с патронами и скрылся. 22 июня другой отряд силою в 200 сабель и невыясненной численности пехоты при 6 орудиях совершил опять набег на Гуляй-Поле и выбил оттуда обозы 46-й дивизии и отряд в 300 штыков. 24 июня махновцы опять напали на красные части, стоявшие в Б. Михайловке (несколько верст от Гуляй-Поля). Совершали махновцы налеты и на советские войсковые части, проходившие через район, занимаемый ими. 25 июня махновский отряд в районе дер. Белой совершил набег на проходившую через район 174-ю бригаду. Но здесь не повезло махновцам. Они были разбиты, отступили, оставив на месте своих раненых. 26 июня в районе деревни Янисель 522-й полк во время походного движения был окружен махновцами и взяг в плен.

Воюя, махновцы пытались одновременно вести политработу среди крестьян. 28 июня в деревне Ново-Павловка Махно устроил для крестьян митинг с музыкой. Советский бронепоезд «Правда» разогнал этот митинг. В тот же день произошла очередная схватка с махновскими частями. «У дер. Андреевки произошла маленькая стычка с арьергардом Махно, — сообщает

сводка от 28 июня. — В 14 часов 30 минут части группы подошли к Ново-Ивановке, где начался бой с махновцами, силой до 1 000 штыков и 800 сабель при 6 орудиях, одном бомбомете, длившийся более трех часов. Махновская артиллерия открыла огонь и выпустила 100 снарядов. После обстрела противник предпринял шесть повторных атак, которые нашими были отбиты. Атаки вели густыми цепями, на флангах действовала кавалерия. После трехчасового боя наш пулемет от сильного нагревания перестал работать. Тогда махновцы повели седьмую стремительную атаку кавалерии, которая была встречена частями группы огнем в упор, однако фланговые части были окружены противником и некоторые роты 429-го и 430-го батальонов Вохра[1] попали в плен. Большая часть комсостава была изрублена. Наши потери: убитыми и ранеными 30 человек. Потери махновцев: до 150 человек убитых, 17 раненых и 250 взятых в плен»[2].

Приведенные нами сводки штаба тыла за один июнь месяц рисуют колоссальный вред, который причиняли махновцы Красной армии.

Махно и белые.

Борьба Махно с советской властью шла целиком на пользу Врангелю. Такой союзник, как Махно, был весьма выгоден для Врангеля, и он попытался установить с ним связь и привлечь его на свою сторону. 13 мая 1920 года Врангель в секретном приказе по частям своей армии указывает, что в случае перехода его армии в наступление она может вступить в соприкосновение с повстанческими частями Махно, украинскими частями и другими противокоммунистическими силами и предлагает «при соприкосновении с указанными противобольшевистскими группами сообразовать свои действия с действиями войск этих групп, имея в виду основную задачу свергнуть коммунизм и всемерно облегчить и помочь русскому народу воссоздать свое великое отечество». В архиве ГПУ Украины мы нашли интересный документ — фотографию мандата, данного некоему белогвардейскому офицеру от лица Добровольческой армии для перегово-

---

[1] Войска внутренней охраны.

[2] Архив Красной армии, Москва, д. № 6986. Журнал военных действий XIII армии за июнь месяц 1920 г., л. 3.

ров с Махно. Мандат является инструкцией-шпаргалкой, по которой этот офицер должен был вести разговоры и вместе с тем должен был явиться письмом к батьке Махно.

В этом письме белогвардейский офицер уверяет Махно, что его стремления могут во всей полноте быть проведены в жизнь при содействии Добровольческой армии, которая сейчас, желая исправить свои старые ошибки, ведет переговоры о союзе со всеми борющимися против коммунистов армиями, государственными организациями, не насилуя их внутреннего быта и политической платформы. «Сговориться о будущем устройстве бывшей Российской империи можно будет потом, раздавив коммунистов, на приемлемых для всех союзных армий условиях мирным путем».

Но соловья баснями не кормят и, отправляя посланца в крестьянскую махновскую армию, представитель белой армии обещает: «а) Вся земля без выкупа переходит в руки крестьян на условиях, вырабатываемых в каждой губернии съездом крестьян. б) Все местные самоуправления получают самую широкую демократическую автономию. в) Области самобытной культуры, населенные невеликороссами, получают автономию на началах федерации» [1].

Но делегат, посланный с письмом в махновскую армию, был расстрелян махновским штабом. Несмотря на то, что ни один из посылаемых делегатов не возвращался обратно к Врангелю, последний делал всяческие попытки афишировать свой союз с Махно.

Г. Раковский, военный корреспондент белогвардейских газет в армии Врангеля, в своей книге «Конец белых» рассказывает, как Врангель афишировал в белогвардейской печати и за границей свой союз с крестьянством. Но так как Махно все же союзником Врангеля не стал, то нужно было найти какого-нибудь лже-Махно, и такой нашелся в лице называвшего себя анархистом Володина, бывшего командира крымского направления армии Махно (тот самый, который «владел» Мелитополем в екатеринославский период истории махновщины).

Не только он, но и ряд махновских командиров, сбитых с толку борьбой Махно с красными частями, перешли на сторону

[1] Архив Красной армии, дело № 6984, л. 64.

Врангеля. В то время, как основное ядро махновской армии, состоявшее из революционных элементов, продолжало бороться против Врангеля, отдельные командиры-махновцы (Яценко, Гришин, Володин, Савченко и другие) выпускали воззвания о необходимости поддержки Врангеля. «Деникина нет, — пишет в своем воззвании командир „партизанского отряда батька Махно" Яценко: — есть русская армия, которой подадим руки и сомкнем стройные ряды. Станем любить друг друга и освободим свою истерзанную Русь святую от комиссарского царства и создадим власть по воле народа» [1].

Володин в своем воззвании призывал, «не жалея ни добра ни даже своей жизни, помочь нам освободить родную землю от насильников, помочь доблестной русской армии в ее борьбе с захватчиками власти». И кончал он свое воззвание лозунгами: «Да здравствует великая русская и неустрашимая армия во главе со своим вождем генералом Врангелем. Да здравствуют повстанческие отряды во главе с атаманом батько Махно» [2].

Гришин же писал: «Все как один, в повстанческие отряды и в русскую армию, которую я видел и убедился, что она несет освобождение от большевиков, свободу, покой и порядок» [3].

На сторону Врангеля перешли, кроме упомянутых командиров, еще Чалый, Прочан, Хмара, Голик и другие, которые и формировали отряды для борьбы с красными частями. Но попытки Врангеля заключить союз с самим Махно оказались неудачными: один из делегатов — капитан царской службы — был повешен в селе Времевке, другой — полковник — был расстрелян. На повешенном приклеили надпись: «Никогда никакого союза у Махно с белогвардейцами не было и не может быть, и если еще кто из белогвардейского стана попытается прислать делегата, то его постигнет участь, какая постигла первого» [4].

Борьба Махно с красными частями нашла свой отзвук за границей. Махно стал фаворитом патриотов и даже еврейской буржуазии, бежавшей за границу: «обожает Врангеля, отец евреям (последняя любимая его жена — еврейка), взял Але-

---

[1] Архив Красной армии, дело № 6984, л. 66.

[2] Там же, л. 63.

[3] Музей ГПУ УССР, папка «Махновщина».

[4] Архив ГПУ УССР, дело Белаша, т. XIII.

ксандровск, возьмет и Екатеринослав» — так насмешливо передает свои впечатления об эмиграции видный еврейский общественный деятель, украинский социалист-федералист [1].

Но у мелкобуржуазного контрреволюционного блока (кулаки и середняки), действовавшего против советской власти, отношение к Махно было неодинаково. К концу 1920 года середняк хотя и помогал Махно, но начинал тяготиться последним. Содержание собственной армии, которая должна была бороться с белыми и красными, начинало обходиться середняку очень дорого, тем более, что повстанцы боролись не столько с Врангелем, сколько с Красной армией. Кроме того, борьба Махно с Красной армией, нанося ей ущерб, этим самым усиливала Врангеля. Так, например, Махно при захвате г. Старобельска взял 4 пулемета, 40 000 патронов, 180 лошадей и выпустил 1 000 дезертиров. Он же собирался захватить г. Купянск, где думал добыть снаряды для своей артиллерии, так как его запас истощился, а Савонов [2] хотел захватить Изюм. Все это подрывало мощь Красной армии, а следовательно, борьбу с помещичьей реакцией, чего не мог желать середняк. Середняк с белыми мириться не желал. Разлад с красными был пустяком для него по сравнению с белой опасностью.

Борьба Махно с советской властью дала возможность Врангелю выдвинуться из Крыма и подвинуться вперед. 14 сентября Врангель переходит в наступление на участке Б. Токмак — ст. Нельговка. 19-го он берет Александровск, 23-го — Синельниково и угрожает Екатеринославу. К концу сентября в руках Врангеля Никополь, Александровск, Мариуполь, Бердянск и Мелитополь, т. е. основной район махновщины. Сами махновцы своими руками помогли Врангелю оккупировать их родную территорию.

Отношение населения к белым было абсолютно отрицательным. Положение дел рисует информация перебежчиков: «По словам перебежчиков, — сообщает сводка политотдела 3-й дивизии от 8—10/IX, — пленные красноармейцы ждут случая перейти на нашу сторону. Перебежка затрудняется строгим надзором со

[1] Моргулиес, Годы интервенции, книга III, стр. 226.

[2] Командир одного бандитского отряда, действовал в Изюмском уезде, считал себя анархистом и подчинялся Махно.

стороны офицеров. Объявленная белыми мобилизация в Михайловске и Белозерске не удалась».

«По словам перебежчиков, — сообщает сводка 42-й дивизии, — в армии противника широко применяется смертная казнь за неисполнение боеприказаний... Противник забирает скот и хлеб. Проводит насильственную мобилизацию по 41 год. Уклоняющихся порют и расстреливают. В селе Мордвинове расстреляно 28 взятых в плен коммунаров, командиров и выданных перебежчиков 40-й дивизии. Курс советских денег у белых на 50% дороже врангелевских».

Опять повторилась прошлогодняя история: крестьянин, отшатнувшийся от советской власти, выступивший против нее, помог контрреволюции победить ее, а почувствовав занесенную над собой помещичью плеть, захотел мира с советской властью. Правда, теперь не нужно было белым доходить до Тулы, чтобы середняк выступил против них. Теперь он немедленно реагировал на усиление белых.

Третье соглашение с советской властью и развал махновщины.

В конце сентября Махно обратился к советской власти с предложением заключить военное соглашение для совместной борьбы с Врангелем. Две цели преследовал Махно: во-первых, действительно разбить Врангеля, о чем он прямо заявлял и в своем предложении и в своих воззваниях против Врангеля, и другая цель — войдя в состав Красной армии, проделать прошлогодний трюк, т. е. разложить ее изнутри и перетянуть некоторые части на свою сторону. Первая задача совместными силами Красной и махновской армий была проделана. 14 октября начались знаменитые бои на каховском плацдарме. 20-го началось наступление Красной армии на Врангеля. 30-го взят был Перекоп. В начале ноября врангелевская армия была загнана через перекопскую воронку обратно в Крым, а 9 ноября выполнена самая трудная операция — форсирован Перекопский перешеек. Падение перешейка решило судьбу всей армии. Через 6 дней был окончательно ликвидирован Врангель.

Перед Махно выступила вторая задача — разложить изнутри некоторые части Красной армии и получить боеспособные элементы для дальнейшей борьбы с советской властью.

Но из Красной армии в 1920 г. Махно не мог почерпнуть новых сил для этой борьбы. Если в 1919 году недовольство середняка политикой советской власти привело к тому, что некоторые части Красной армии перешли на сторону Махно, как мы об этом уже писали, то в 1920 году этого быть не могло по многим причинам. Во-первых, за время революции образовался слой Красной армии, который получил на уроках гражданской войны правильное понимание своих классовых интересов. Отдельные ошибки или недостатки аппарата советской власти этот слой понимал как ошибки своего аппарата и даже иногда, будучи недоволен этим аппаратом, не становился врагом его, не выступал против него и не отдавал его на съедение белогвардейщине. Уроки деникинщины научили многому красноармейцев. Если и был ропот среди красноармейцев, то он вызывался «недостатками механизма» — в первую очередь, отсутствием обмундирования, снаряжения и вооружения. Это отмечают все политсводки XIII армии.

«40-я дивизия. — 353-й полк малочисленен и плохо вооружен. Настроение не коммунистическое». «42-я дивизия. — Настроение вялое, чувствуется усталость, но ропота нет. Вызывает недовольство недостаток обмундирования. Боеспособность в виду усталости слабая»[1]. «3-я дивизия, 24-й полк. — Недостаток шинелей на 75%, гимнастерок — 45%, сапог — 40%, отделом снабжения бригады отказано в предоставлении обмундированием за неимением». «1-я легартдив. — Недостаток шинелей 12%, сапог — 5%, шаровар — 12%, гимнастерок — 12%, нательного белья — 15%. Совершенно отсутствуют табак, мыло, сахар и картофель. Отдснабригом отказано за неимением таковых. Настроение красноармейцев уверенное в победе. В батареях разбиралась программа Бухарина. Открыты библиотека, читальня, клуб. В школе грамоты обучается 17 человек». «3-я легартдив. — Отсутствие обмундирования, главным образом шинелей, в виду наступивших холодов вызывает недовольство красноармейцев»[2].

---

[1] Архив Красной армии, доклады и сводки в РВС XIII армии, л. 108, политсводка за 30—31/VIII 1920 г.

[2] Архив Красной армии, доклад и сводки в РВС XIII армии, политсводка с 8 по 11/X 1920 г.

«42-я дивизия, 124-я бригада, 370-й полк. — Нет запасных частей к пулеметам. Ощущается недостаток 70% обмундирования и 90% обуви. Красноармейцы волнуются в виду отсутствия обмундирования. Настроение паническое в виду малочисленности полка... Наблюдаются случаи отказа итти в цепь, мотивируя отсутствием обуви и малочисленностью. Отношение к комсоставу недоверчивое. Приказания комсостава не всегда исполняются...

«371-й полк. — Настроение плохое, чувствуется сильная усталость. Приказы исполняются, но с неудовольствием и ропотом. Пулеметы не работают за отсутствием запчастей» [1].

«51-я дивизия. — Красноармейцы недовольны хозчастью на почве недостаточности продуктов продовольствия» [2].

Но как только появлялось в частях в достаточном количестве снаряжение и обмундирование, и красноармеец мог уже выполнять свои обязанности, настроение становилось бодрое и уверенное:

«3-я дивизия. — Разбежавшиеся во время отступления красноармейцы возвращаются группами. Получено 730 гимнастёрок. Продовольствие и фураж получаются своевременно. Красноармейцы и комсостав, несмотря на усталость, рвутся в бой» [3].

«51-я дивизия. — Продснабжение удовлетворительное. Литературой полки снабжаются аккуратно.

«125-я бригада. — Настроение красноармейцев и комсостава бодрое, революционное. Продснабжение удовлетворительное».

«52-я дивизия, 154-я бригада. — Убит военком Гагарин (в боях с белыми. *М. К.*). 20/VIII часть блестяще выполнила возложенную боевую задачу».

«155-я бригада. — Настроение боевое. Полки находятся в постоянных кровопролитных боях. Артпарк. — Настроение красноармейцев революционное» [4].

Находясь на позициях, армия одновременно и училась и, если было возможно, работала на крестьянских полях по уборке и обмолоту хлеба. «42-я дивизия. — Состоялся грандиозный

---

[1] Архив Красной армии, доклад и сводки в РВС XIII армии, политсводка с 8 по 11/X 1920 г.

[2] Политсводка за 28—29/VIII, л. 97.

[3] Политсводка за 30—31/VIII, л. 108.

[4] Архив Красной армии, дело № 60505, л. 165.

воскресник частей и учреждений штадива. Работали по уборке крестьянских полей и ремонту жел.-дор. моста. Участвовало до 500 человек, в том числе 150 крестьян. Снабригом обмолочено крестьянского хлеба с 7½ десятин, убрано с полей 7¾ десятины пшеницы. Крестьяне довольны оказываемой помощью». В районе 40-й стрелковой дивизии во время крестьянской недели было запахано 25 десятин, свезено 350 возов урожая, и построен театр в Андреевской волости. В районе 3-й стрелковой дивизии, в Токмакской волости, 164 красноармейцами на 161 лошади убрано 14 десятин кукурузы, арбузов 20 возов, подсолнухов 2 воза, соломы 6 возов, картофеля 81 воз, свеклы 1 воз. Свезено на мельницу и смолото 1 385 пуд. зерна, засеяно ржи 2 десятины, вспахано 8 десятин.

Были однако в Красной армии и резко противоположные элементы, мобилизованные из бывших дезертиров русских губерний и не познавшие прелести вновь явившегося помещика.

«46-я дивизия, школа комсостава. — Прикомандированные, прибывшее пополнение 25-го запполка, — большинство дезертиры Пензенской губернии. В боевом отношении слабо подготовлены, мало дисциплинированы, политсознание убогое, к соввласти и Врангелю безразличны. Говорят: лучше окопаться, чем наступать».

«3-я дивизия, 9-я бригада. — Прибывшее пополнение недостаточно обучено, при сильном обстреле не оказывает поддержки старым красноармейцам». Данное пополнение было из жителей Казанской, Симбирской и Нижегородской губерний, половина из них были дезертиры.

«40-я дивизия, 120-я бригада, 360-й полк. — Часть пополнения совершенно босая, ноги побиты, при наступлении противника труслива».

«Пополнение богучарцев (Воронежская губ. *М. К.*) характеризует песенка, распеваемая ими: „Дезертиром я родился, дезертиром и умру“».

Но даже и дезертиры, постепенно втягиваясь в жизнь Красной армии, подвергаясь благотворной обработке старых кадров ее, менялись, в особенности если они были на других фронтах или их территория была оккупирована белыми: «1-я дивизия. — Прибывшее пополнение состоит из бывших дезертиров,

уроженцев Тамбовской и Орловской губерний. В полках настроение удовлетворительное».

Поэтому случаи перехода к Махно были чрезвычайно редки. Лишь из дезорганизованной Сибирской добровольческой бригады, в которой были перебиты в боях почти все коммунисты и комсостав, истрепанной и истомленной в непрерывных боях, бежало к Махно 70 человек. Но вообще, если какая-либо часть терпела поражение от Махно, то случаев массовых переходов не было. Так, например, высланный против Савонова батальон должен был вернуться, так как он оказался малочисленен, причем одна рота была разложена и не выступила в бой, но перешел к Савонову из роты лишь 1 человек. Когда же красноармейцы узнали о союзе Махно с Врангелем, то и мысли о переходе к нему быть не могло. А содействовали распространению слуха о союзе Махно с Врангелем как отдельные махновские командиры, выпускавшие воззвания по сему случаю, так и перебежчики из врангелевской армии, имевшие возможность наблюдать соседство махновских и врангелевских отрядов.

Надежда Махно на измену частей Красной армии не оправдалась. Культурно поднявшаяся, политически закалившаяся в гражданской войне, Красная армия на третий год своего существования изменников из своего старого кадра не давала. Махно нужны были именно эти элементы из коренных украинцев, а не дезертиры, которые все равно не сражались бы и в его армии и у которых с Махно мало было социальных связей.

Здесь Махно прогадал и за недооценку этого момента был наказан.

Советская власть учла необходимость в первую очередь ликвидировать основную враждебную силу — Врангеля, после чего можно будет легче справиться с махновщиной и вообще с хозяйственной разрухой; поэтому она согласилась на прекращение военных действий против Махно на известных договорных началах. Договор был заключен в средних числа октября 1920 г. между советским правительством Украины и революционно-повстанческой армией Украины (махновцами).

Какова была тактика махновщины? Махно в указанном соглашении выговорил себе в политических вопросах следующее: «Пункт 2. Полнейшая свобода агитации и пропаганды — как

устно, так и печатно — махновцами и анархистами своих идей и пониманий, без всякого призыва к насильственному низвержению советского правительства и с соблюдением военной цензуры. В деле издания махновцы и анархисты, как революционные организации, признанные советской властью, пользуются техническим аппаратом советского государства, подчиняясь правилам техники издания». «Пункт 3. Свободное участие в выборах советов, право махновцев и анархистов вхождения в таковые и свободное участие в подготовке созыва очередного V Всеукраинского съезда советов, имеющего быть в декабре с. г.».

По военному вопросу договорено было, что РПА[1] входит в состав вооруженных сил республики как отдельная единица, сохраняя у себя свои прежние принципы и не проводя основ Красной армии; но махновская армия не имеет права принимать в свои ряды ни отдельные части Красной армии ни отдельных лиц, дезертировавших из нее.

Все эти пункты были еще терпимы, ибо не нарушали в области политической Конституции РСФСР и лишь в области военной вносили известный анархический элемент. Но кроме пунктов подписанных был еще один, добавочно внесенный махновцами.

«В виду того, что одной из существенных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся масс у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает 4-й пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действий махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советских республик».

«Пункт этот еще не подписан по соглашению обеими сторонами, он лишь в ближайшее время будет обсуждаться договаривающимися сторонами».

Но не суждено было вести переговоров. Этот вопрос был основным для обеих сторон. «Вольный советский строй» (мы показали, что он означает) абсолютно неприемлем диктатуре

---

[1] «Революционно-повстанческая армия (махновцев)» — так официально называли свою армию махновцы.

пролетариата. Соглашение могло быть действительным, покуда был общий враг. Как только был разгромлен враг, обе стороны настораживаются. Махно готовится к новому удару по советской власти. Для этого он концентрирует в Гуляй-Поле свои силы, доходящие до 3 000 человек, из которых 1 000 чел. кавалерии [1].

Но раньше, чем Махно успел выступить, в ночь с 24 на 25 ноября части Красной армии заняли перешеек и ударили по действующим частям армии Махно. В то же время другие части окружили находящиеся в Гуляй-Поле резервные части махновской армии, где находился и сам Махно.

Разгромить Махно и покончить с ним одним ударом не удалось. Разбив окружившую его советскую дивизию, махновцы узнали пароль и, пользуясь им, прошли через линию советских войск как красноармейская часть. Но ушло лишь человек 150. После соединения обеих разорванных частей махновская армия насчитывала лишь до 1 000 человек.

Освободившиеся силы Красной армии были брошены на Махно. Махно должен был увертываться от настигавших его ударов частей Красной армии. Снабжался он исключительно за счет крестьянства. Крестьянство этим было очень недовольно, но иногда оно помогало Махно.

«Крестьяне сел Долгенькое, Белая Долина и Богородицкое, что 20 верст юго-восточнее Изюма, оказывают содействие бандам во всех отношениях, включительно до подачи сведений о наших частях путем разведки» [2]. «В Новомосковском районе оперировавшая в лесу между селами Всехсвятским и Васильевкой банда, под руководством Огаркина и Иванова, снабжалась продовольствием и фуражом из окружающих деревень» [3].

Но не всегда крестьяне оказывали в должной мере помощь партизанским отрядам. В 1919 г. крестьянство имело в своем распоряжении урожай с бывших помещичьих имений и живой инвентарь, который остался после свержения гетманщины, а потому тяжесть гражданской войны с советской властью не падала на крестьянские плечи.

---

[1] Лебедь, Итоги и уроки анархо-махновщины, стр. 40.

[2] Архив Красной армии, оперативно-информационная сводка штаба особотделарма XIII от 7/IX.

[3] Там же, за 17/IX, л. 213.

В 1920 году положение стало иным. Прежних помещичьих имений не было, и содержать крестьянские отряды должны были сами крестьяне. Они выступали против советской власти из-за вводимой ею продразверстки и трудгужповинности, но «защитники» крестьянства, повстанцы, брали не меньше, а иногда и больше, и тогда крестьянство было недовольно последними. «По донесению начучастка Изюмского от 11/IX, бандой Савонова в Долженковской волости, что 20 верст южнее Изюма, у жителей отобрано 40 лошадей, а также с крестьян бандой снимается обувь и одежда. Настроение к бандитам враждебное» [1]. «В тех местах, где побывал Махно и забрал лошадей, настроение крестьян к советской власти хорошее и презирают Махно» [2].

Кроме того, к концу 1920 г. наблюдается отход бедноты из махновской армии, меняется соотношение социальных групп в его армии. «Социальный состав армии Махно в 1918 и 1919 гг. состоял из чистокровных пролетариев и крестьян, восставших против гетмана, — пишет в своем показании полуграмотный рабочий Белаш. — В 1920 г. социальный состав армии Махно состоит из старых повстанцев 1918 и 1919 гг. В конце 1920 г. и в 1921 г. социальный состав немного изменился, а именно: в армию Махно влились и сынки кулаков и солдаты армии Деникина и Врангеля, которые были Красной армией взяты в плен и потом перешли к Махно» [3]. «В начале 1921 г. в махновских отрядах остались преимущественно донцы, екатеринославцы и полтавцы», — рисует положение дела доклад Запор. губчека в ВУЧК [4]. В махновскую армию в значительной мере влились дезертиры из Красной армии, уголовные преступники [5]. Беднота же, наоборот, уходила.

В особенности повальный выход из армии наблюдался после предоставленной Всеукраинским съездом амнистии всем бывшим бандитам. Некоторое представление об этом выходе может дать

[1] Архив Красной армии, оперативная информационная сводка штаба особотдела XIII от 12/IX, л. 203.

[2] Там же, сводка от 4/IX, л. 20.

[3] Архив ГПУ Украины, дело Белаша, т. XIII, л. 176.

[4] Архив ГПУ Украины, дело № 84, доклад Запорожской ГЧК в ВУЧК, стр. 5.

[5] Архив ГПУ УССР, дело № 83, доклады Старобельской УЧК, л. 12, доклады Славянского уездн. политбюро, л. 14.

нижеследующая таблица, которая составлена нами на основании сведений, данных бывшими махновцами о себе в политбюро [1] Екатеринославского и Павлоградского уездов. За один месяц в этих двух уездах перешло на сторону соввласти [2]:

Безземельных			117
Владеющих	1	дес.	32
"	2	"	25
"	3	"	22
"	4	"	12
"	5	"	8
"	6—7	"	20
"	8—10	"	20
"	11—15	"	3
"	более 15	"	6

Из них беспосевных 102 чел. Эта таблица может дать нам некоторое относительное представление о повальном выходе бедноты из армии Махно.

Нэп к середине 1921 г. произвел второй раскол, изолировавший от кулаков уже и середняков, которые до этого сохраняли с кулачеством союз, местами активный, местами пассивный. Начальник штаба махновской армии В Белаш пишет, что «в июне 1921 г. крестьянство осознало новую экономическую политику и в большинстве своем отвернулось от Махно и стало на сторону соввласти, за исключением буржуазии и кулаков, которые были все еще на стороне Махно и помогали ему» [3].

На росте и падении махновской армии можно иллюстрировать постепенный отход от Махно бедноты в начале 1920 и середняков в 1921 году. Об изменении социального состава мы уже приводили сведения. Теперь приведем лишь фактические сведения о количественной эволюции состава армии. В конце 1918 г. и начале 1919 г. у Махно было приблизительно 20 тысяч

[1] После переформирования ЧК так назывались уездные отделы ГПУ.

[2] Архив ГПУ УССР, дело № 50. Бюллетени Екатеринославской губ. ЧК, л. 94.

[3] Архив ГПУ УССР, дело Белаша, т. XIII, л. 162.

штыков и до 8 000 сабель [1]. Во второй половине 1919 г. (после официального разрыва с советской властью) в армии Махно было до 40 000 штыков и до 15 000 сабель. Как видим, разрыв с советской властью усилил его ряды: к нему влились значительные силы кулачества, которые сумели перетянуть на свою сторону значительные кадры бедноты. Вторая половина 1919 г. была кульминационным пунктом махновского влияния: махновцы установили свою власть в очищенных от Деникина районах Екатеринославской и Таврической губ. со столицей в Екатеринославе. Деревня диктовала законы городу, но самостоятельная крестьянская республика продержалась месяц и была сметена отступавшими с севера белыми частями Слащева. В первой половине 1920 г. численность армии Махно в силу отхода бедноты резко падает — до 3 000 штыков и 1 000 сабель. Во второй половине 1920 г. некоторый рост — до 4 000 штыков и 2 000 сабель (вливаются бывшие деникинцы, врангелевцы, дезертиры, уголовные преступники и т. д.). В первой половине 1921 г. начинается отход середняка. Армия уменьшается до отряда в 1 000—700 сабель и во второй половине 1921 г. (июль) всего до 250 сабель, т. е. незначительной банды, с которой Махно уходит в последний рейд к границам Румынии.

С отходом середняка на сторону пролетариата меняется характер борьбы кулачества с советской властью. Нет прежней грозной армии Махно, а есть отдельные мелкие отряды, занявшиеся уголовщиной, грабежами. Так, информационные сводки Донецкой губчека за период с 1 октября по 31 ноября 1921 г. рисуют положение по Таганрогскому району, одному из районов махновщины, следующим образом: «За отчетный период активных выступлений против соввласти не было, в виду того, что ранее большинство бандитов было навербовано в бандитские отряды из местного населения и, потеряв своих главарей, окончательно распылилось по домам и специально занялось грабежами и убийствами, терроризуя мирное население. Такой бандитизм, чисто уголовного характера, в некоторых крупно-населенных

---

[1] Архив ГПУ УССР, дело Белаша, т. XIII, л. 175. Цифры эти и последующие о количественном составе армии взяты из показаний Белаша, т. XIII, л. 192. Верить им можно, поскольку Белаш раскаялся в своих ошибках и старается дать правдивые показания.

пунктах уезда дошел до такой степени, что граждане ставят условием исправного взноса продналога очистку их сел от бандитов (например, такой случай был в подгородных селах Троицком и Покровском, Таганрогского уезда)» [1].

Банды занимаются тем, что уничтожают списки на продналог, сжигают канцелярии сельсоветов, собранный продналог расхищают [2]. Но грабят не только продналоговый хлеб, но и крестьянский. Так, в Гренадовской волости Екатеринославской губ. банды забрали 150 пудов крестьянского зерна [3].

Сводки рисуют уже не прежнюю политическую борьбу с советской властью, а уголовный бандитизм мелких кулацких шаек, направленный и против советской власти и против всех прочих, кроме кулаков, слоев деревни.

Такова история махновщины, проделавшей полную эволюцию от громких фраз о международной революции до мелкого кулацкого бандитизма, от союза с пролетариатом до союза с румынским королем.

Интернационализм и национализм в махновском движении.

Еще в одном пункте меняется характер махновского движения в 1920 и 1921 годах. Махно и махновцы отбрасывают в сторону свой псевдо-интернационализм и избирают одним из методов борьбы с советской властью шовинизм, от чего было совершенно свободно движение в 1918 г.

Лакмусовой бумажкой, определявшей действительный интернационализм той или иной политической группы в годы гражданской войны, могло служить отношение в первую очередь к Советской России и во вторую — к национальным меньшинствам (на Украине к евреям). В начале 1919 года Махно послал в голодающий Питер несколько вагонов хлеба. В резолюциях съездов, направленных против большевиков, все же подчеркивался союз с Советской Россией. По отношению к евреям в 1918 и 1919 годах ни махновская армия в целом, ни ее руководящие верхи не были антисемитски настроены.

---

[1] Архив ГПУ УССР, дело № 83, доклады Донецкой губчека в ВУЧК, л. 25.

[2] Там же, доклады в ВУЧК, л. 6.

[3] Архив ГПУ УССР, дело № 50, доклады Екатеринославской губчека в ВУЧК от 13/VI 1921 года.

В руководящем составе махновской армии в 1918 и 1919 гг. было много евреев. Председателем Гуляйпольского районного военно-революционного штаба был местный еврей-колонист Коган; в составе махновских отрядов, боровшихся против гетмана и деникинщины и позже против советской власти, была, по словам Аршинова, еврейская батарея, т. е. весь состав ее, повстанцы и командиры, были исключительно евреи. В приказах махновского командования неоднократно подчеркивается недопустимость ограбления и издевательств над трудовым еврейским населением деревень и городов. Когда приехал Каменев в Гуляй-Поле, первое, что он увидел, была надпись на вокзале, сделанная рукой повстанца: «Бей жидов, спасай Россию». Махно расстрелял повстанца за этот монархический лозунг. Наконец, и идейное руководство в махновской армии в 1919 г. целиком было в руках анархистов, большая часть которых были евреи. К их числу принадлежали члены революционного военного совета Иосиф Готман (эмигрант), Алый-Суховольский, Елена Келлер и т. д.

Конечно, антисемитизм имел место в массе и среди отдельных командиров. Не обходилось и без ограблений евреев. Уже то, что приказы настойчиво долбят в головы махновцев о необходимости прекращения отдельных еврейских грабежей и грозят расстрелом за каждый факт грабежа, доказывает, что они имели место. Были даже отдельные случаи убийств и погромов. Так, например, весною 1919 г. успенским отрядом в 22 человека, под командой члена штаба Дерменжи, был устроен погром в еврейской колонии Горькой, в результате которого было расстреляно 33 человека стариков и детей, 2 тяжело ранено и одна девочка 15 лет была изнасилована. Против этого акта протестовал в «Пути к Свободе» один из махновских командиров П. Могила.

Но, не будучи сам антисемитом и выступая в своей печати против антисемитизма, Махно не особенно преследовал своих ближайших сотрудников за отдельные антисемитские акты. После описанного грабежа через несколько дней в штаб бригады Махно (тогда она еще была в составе Красной армии, в качестве бригады) приехал Дыбенко, чтобы познакомиться с состоянием частей. Несмотря на требование Дыбенко наказать Дер-

менжи за устроенный погром, Махно ничего не предпринял. Волин в своих показаниях трибуналу XIV армии, рассказывая о первой поездке анархиста Готмана к Махно, заявляет: «Отмечу, между прочим, что т. Иосиф (сам еврей) лично упрекал Махно в недостаточном противодействии антисемитскому настроению в его армии. На это Махно возразил: „Отчего же ваши Волины сидят где-то там и не едут сюда работать? Я предоставлю все возможности вести пропаганду — и средства и технические приспособления... Сам же я человек боевой и занят прежде всего фронтом. Мне некогда заниматься пропагандой"». В этом был залог легкой возможности для Махно скатиться к антисемитизму.

Все же, несмотря на эти одиночные факты, все движение не являлось антисемитским и тем более враждебно настроенным по отношению к Советской России. В махновской армии не имела места и агитация против Советской России, против «московских насильников», не было также и грандиозных погромов, которые организовывала в этот период петлюровская армия по прямому распоряжению своего командования.

Но совершенно иначе обстояло дело в 1920 году. Надежды на создание своей обособленной махновской республики были разбиты. Из махновской армии уходят, разочарованные движением, идейные представители анархизма (Барон, Марк Мрачный и т. д.). Тонкая анархистская позолота окончательно стирается. Махновский штаб, во главе со своим руководителем, обращается лицом к украинской интеллигенции. Оставшиеся в армии анархисты, во главе с Аршиновым и Д. Поповым (бывш. левым эсэром), слабы, чтобы противостоять напору шовинистической идеологии, завербовавшей себе сторонников в значительной части штаба, во главе с женой Махно. Союз с кулаком оказывает свое действие и на середняцкую часть армии. Махно начинает оказывать содействие петлюровским отрядам, заключает с ними перемирие, соглашение о ненападении и совместном действии против советской власти. Нападки махновских газет и самого Махно направлены против «московских насильников», воззвания пестрят все больше и больше такими перлами, как «освобождение родной Украины от русского гнета» и т. д. Окончательным актом, который должен был оформить переход махновцев в лагерь шовинистов, должен был быть выпуск специаль-

ного воззвания — универсала — об освобождении «неньки Украины» (показания Белаша и др.). Этот акт Махно не успел издать из-за своего бегства в Румынию.

Так махновщина, начав с прокламирования социальной революции, с того, что она является единственной носительницей третьей революции, с борьбы с «большевистской контрреволюцией», закончила союзом с кулачеством, подпала под влияние последнего. «Носители третьей революции» подняли знамя шовинизма.

ГЛАВА VIII.

МАХНОВСКАЯ АРМИЯ.

Организация и тактика.

Армия в махновском движении играла исключительную роль. Все движение находило свое организационное выражение в так называемой «Революционно-повстанческой армии Украины (махновцев)». Она была некоторой копией Красной армии. Махновцы переняли всю внешнюю сторону организации Красной армии, трехчленный состав каждой тактической единицы (дивизия имела 3 бригады, бригада — 3 полка, полк — 3 батальона и т. д.). Во главе всей армии, как и в Красной армии, стоял реввоенсовет, но избранный общим собранием комсостава и повстанцев. В махновской армии точно так же, как и в Красной, был политотдел, который носил наименование культпросвета. В 1919 году, даже после разрыва с советской властью, в махновских частях были политкомы, причем курьезно, что они избирались. Это подражание господствующему классу в системе организации армии свойственно всем крестьянским движениям. В эпоху торгового капитала Пугачев подражал екатерининской армии, создав свой совет «енералов». В эпоху диктатуры пролетариата крестьянство подражало в организации своей армии пролетариату, создав реввоенсоветы, политотделы и институт комиссаров.

Пролетариат создал свою армию, отличавшуюся от армии буржуазии в двух следующих организационных моментах: 1) Полное унаследование всей военной техники и военной тактики от предшествующего господствующего класса. Это с необходимостью вызывало использование военных специалистов буржуазии. Использование военных специалистов влекло за

собой введение института политконтроля, комиссаров, РВС и т. д. 2) Красноармейцы имели полный контроль над хозяйством армии через избранные ими контрольно-хозяйственные комиссии. Таким образом гибко сплетались два момента. Масса снизу контролировала хозяйство, рабочее же правительство сверху, через политкомов, контролировало военно-стратегическое выполнение военными специалистами заданий страны.

Крестьянская армия, в отличие от пролетарской, не унаследовала старой военной техники. Из богатого арсенала старой военной техники она взяла лишь два оружия — винтовку и пулемет — и оба изменила и приспособила для своих нужд. Винтовка была превращена в обрез, а пулемет был поставлен на тачанку. Военная тактика махновцев также самым коренным образом отличается от тактики армий пролетариата и буржуазии. Естественно, что военспецы в армии Махно были ненужны, и их махновская армия беспощадно уничтожала, как представителей буржуазно-помещичьего строя, не только ненужных, но даже вредных, с их точки зрения, крестьянству. Поэтому смешно было подражание махновской армией во внешних формах Красной армии и искажение ее существа, которое выражалось хотя бы в организации избираемого РВС.

Кстати, эта типично крестьянская черта подражания господствующему классу имела место и в других крестьянских движениях Украины в период гражданской войны. Так, например, Всеукраинский повстанческий комитет петлюровской окраски, образовавшийся в г. Золотоноше, имел у себя избранных комиссаров и командира. Они, понятно, принадлежали к одной и той же партии незалежников с.-д., так же как и у Махно все подконтрольные и контролирующие лица принадлежали к одному и тому же социальному слою — крестьянству и одной и той же политической группе — анархистам или анархиствующим. Понятное дело, что РВС никакого влияния на дела иметь не мог и не имел. Это была ширма, выкрашенная в черный анархический цвет, за которой командирами частей и всеми партизанами творились всякие гнусности. О влиянии его можно судить хотя бы по тому, что во главе его после Волина стал беспартийный повстанец Лащенко. «Состав реввоенсовета был из 22 человек; все члены реввоенсовета исполняли беспрекословно при-

казы и указания командарма Махно, действительно, не проявляя никакой инициативы» [1]. «Комсостав в лице Махно игнорировал РВС, дискредитируя последний» [2].

В те периоды, когда Махно воевал с совластью, фактически цельной армии не было. В 1919 г. армия Махно действует как одно целое, но, начиная с 1920 года, она разбивается на 2—3 группы (корпуса) под командой отдельных командиров. Каждая группа действовала совершенно самостоятельно. Выполнив данные им задания, все группы чаще всего сходились в определенном месте или бродили в определенном районе, покуда не натыкались друг на друга или не связывались через свою разведку. Комгруппы (командиры групп) иногда делали то же с отдельными полками. Когда на махновскую армию наседали красные части, Махно быстро отступал, стараясь уйти из поля зрения красных частей и затем немедленно повернуть им в тыл, оставив впереди для завлечения красных какую-либо отдельную часть. Чаще всего красные терпели поражения от этих совершенно неожиданных, коротких и сильных ударов с тыла. Когда красная часть, разбив махновцев, казалось, преследует их, они неожиданно оказывались у красных в тылу. Если этот прием махновцам не удавался, они, под давлением близко наступавшего врага, распускали армию на группы, уходившие в разные стороны, и тем сбивали с толку врага; иногда группы распускались даже по полкам, а полки по сотням, вплоть до мельчайших тактических единиц. В 1921 году вся Украина кишела этими махновскими партизанскими отрядами, которые то соединялись в единую силу, то опять распылялись по стране и, зарывая оружие в землю, превращались в «мирных селян».

Воробьев, один из махновских командиров, показал, что «отдельные банды между собой связи не поддерживали. Для связи же отдельных групп с главным штабом банды служат женщины и мальчики — контрразведчики 14—15 лет, в обыкновенной крестьянской одежде, с документами за печатью волисполкома других губерний. С большим успехом контрразведывательную службу несут старики-оборванцы, разыгрывающие

---

[1] Из доклада члена РВС махновской армии (члена РКП). Архив революции Украины, дело № 1-б, ½ л. 10.

[2] Там же.

роль странников. Эти агенты-разведчики после неудачного для банды боя, когда банда бывает рассеяна на отдельные группы, высылаются соответствующими опорными пунктами, куда и направляют разорвавшиеся от ядра части»[1].

Быстрое передвижение при всех этих условиях играло для махновской армии решающую роль. В день махновская конница уходила на 60—100 верст, в то время как регулярная конница обычно делала по 40 и в редких случаях до 60 верст в день. Достигалась эта быстрота тем, что махновцы меняли лошадей у крестьян. В 1920 и 1921 гг. они мобилизовали третью лошадь в крестьянском хозяйстве, что вызвало раздражение у крестьянства и ускорило отход его от Махно. В 1919 году армия Махно состояла главным образом из пехоты, в 1920 году преобладала кавалерия, а в 1921 году армия Махно состояла исключительно из конных частей.

Немногочисленная пехота была посажена на тачанки (телеги на рессорах) и мчалась вслед за конницей. Кстати, не случайна эта эволюция в количественном составе различных родов оружия. Повстанцы, ушедшие в пехоту, принадлежали к бедноте, конница же — к богатым слоям деревни. Это сказалось на отношении к советской власти. Подпольная организация РКП имела свои подпольные ячейки в 1919 году в пехоте и артиллерии, пулеметчики же и конница были недоступны коммунистической пропаганде, — они были махновской опорой.

Основное в махновской тактике это — стремление взять врага не извне, а взорвать изнутри. Так, например, в декабре 1918 года, командуя соединенными силами большевиков и анархистов в бою с петлюровцами за Екатеринослав, Махно применил следующий прием. Он посадил все свои войска в рабочий поезд, отправлявшийся с одного берега Днепра, где находятся рабочие поселки и ряд заводов, в другой — в центр Екатеринослава, где находятся заводы им. Петровского и Ленина (б. Брянский). Повстанцы въехали в поезде в центр города и, высадившись, сумели с малыми силами выбить петлюровцев.

---

[1] Архив ГПУ Украины, дело № 46, л. 6.

Правда, благодаря перевесу сил петлюровцев они вскоре были вновь выбиты из города [1].

В 1918 году Махно переодел свой отряд в форму войск гетмана и в таком виде, никем не узнанный, разъезжал по Александровскому уезду, избивая гетманские и австрийские отряды, с которыми мирно встречался и на которые совершенно неожиданно нападал. В 1919 году он перевел свой отряд через нашу линию фронта как красноармейскую часть. В 1921 году, будучи заперт Красной армией в Крыму, он прошел через расположение наших войск, пользуясь нашим паролем.

Кстати, одно из неудачных петлюровских восстаний в Киеве в 1920 году, так называемое Кореневское, которое описывает Раковский, было проделано примерно таким же путем. Человек 200 петлюровцев, переодетых паломниками, небольшими группами, имея под одеждой спрятанное оружие, проникли в город. Затем, собравшись на одной площади, часть из них напала на Подол (часть города), занявшись еврейским погромом, другие направились против красноармейских частей; но партизаны увлеклись еврейским погромом и были легко выбиты из города. В этих приемах проявлялась своя, чисто крестьянская хитрость, своя лукавая тактика, совершенно непохожая на обычную тактику регулярных частей.

Предательство было также одним из методов борьбы с врагом. Так, например, когда командование Красной армии приказало Махно сдать свою дивизию после известного конфликта в июне 1919 года из-за желания Махно созвать районный крестьянский съезд на линии фронта, Махно дивизию сдал и ушел лишь с небольшой группой повстанцев. Весь свой комсостав дивизии он оставил в части. Командование Красной армии совершило оплошность, не очистив от этого комсостава воинские части. Когда Красная армия начала отступать, бывший махновский комсостав, во главе с комполка Калашниковым, произвел переворот, снял дивизию с фронта и увел ее к Махно. С предательством граничит также и военная хитрость махновщины. Так, например, когда красная кавалерия теснила махновскую, махновцы, имевшие плохих лошадей, соскакивали с них и сда-

---

[1] «Наш Голос», орган Донецкого областн. и Харьк. комит. РСДРП, № 13, от 19/I 1919 г.

вались в плен, бросая оружие у своих ног; когда же красные, преследуя противника, проносились мимо, махновцы подбирали оружие, расстреливали их с тыла, захватывали лошадей и уходили в степь. Подобных примеров можно было бы привести множество (показание Белаша и др.).

Надо отметить, что эта изворотливость и хитрые приемы вызывались в значительной мере тем, что махновцы всегда стремились или остаться на своей территории или вернуться на нее. Это и принуждало их почти всегда применять в стратегии одну операцию — рейды. Кавалерийские рейды в империалистической войне, в условиях окопной войны, блиндажей, колючей проволоки, огневых завес, удушливых газов и т. д. были невозможны или играли незначительную роль. Они играли тогда только подсобную роль, выполняя задачу разрушения тылов и тыловых запасов противника. В крестьянской партизанско-повстанческой армии это стало господствующей формой борьбы. Сами эти армии не боялись рейдов в свои тылы, ибо их у них не было. Они не укреплялись на определенной территории, а постоянно передвигались. Захват же запасов противника представлял большой интерес для этих армий с политической точки зрения. Махно, например, все захваченное делил следующим образом: 50% шло в пользу армии и 50% в пользу местного крестьянства, причем в большинстве случаев он брал лишь наиболее ценное и легко перевозимое. Этим самым Махно снискивал симпатии местного населения. Проделать то же самое не могла ни одна регулярная армия. Вообще эта тактика возможна лишь для деклассированных элементов и для мелкой буржуазии. Но эти приемы, бывшие прекрасным политическим оружием в руках Махно против советской власти (раздача в голодные годы запасов советских складов — обуви, мануфактуры, сахара и т. д.), были одной из причин гибели армии Махно из-за недостатка снабжения.

Снабженческого аппарата у Махно не было. Армия жила и воевала за счет захватываемых у противника запасов и оружия. Питалась она у местного крестьянского населения. В 1919 году во время борьбы с Деникиным крестьянство охотно кормило махновцев. В 1920 году, когда помещичьей угрозы в лице Деникина не было, борьба шла уже с советской властью из-за того,

что совласть отбирала хлеб у крестьян, а сам Махно стал брать у них не меньше, — крестьянство стало оказывать ему меньшую помощь и даже ворчать на него. У махновской армии не было уже прежней возможности грабить запасы различных армий во время их борьбы между собой. Да и запасы истощились, приходилось нажимать на крестьянина. Махновская же недисциплинированная армия привыкала к грабежу, бандитизму и, за неимением объектов для этого в лице пролетариата и буржуазии, принялась грабить крестьянство.

Махновцы имели и хранили в особых складах лишь запасы оружия и золота. Складом служила по старине «земля». В различных местах Екатеринославской губ. махновцами было устроено несколько потайных складов оружия, местонахождение которых знали только командир части, пара рядовых повстанцев и какой-либо местный крестьянин. Так, например, в с. Федоровке, Гуляйпольского уезда закопано было 200 винтовок и 500 патронов, в Цареконстантиновке — 60 винтовок и 15 000 патронов, в Михайловке, Гуляйпольского уезда — 20 артиллерийских хомутов, 100 винтовок и 500 патронов, в с. Сахновщине, Полтавской губ. — до 300 снарядов и 3-4 миллиона русских патронов.

В укромных местах пряталось золото. Махно, раньше чем уйти за границу, спустился из Уманского уезда в Екатеринославщину за зарытым в Дибривском лесу золотом. Деньги нужны были ему, как он объяснил ближайшим друзьям, для напечатания за границей «Истории махновщины», которую должен был написать Аршинов. А к истории Махно чувствовал не только платоническую любовь. Он думал, что она оценит его, как руководителя, отца, «батька» революции, что она поставит его рядом с Разиным и Пугачевым. История эта в слащавом стиле и полная лжи и клеветы на советскую власть была написана Аршиновым и издана в Берлине.

Так награбленные в еврейских местечках различные золотые вещи были переплавлены в «свободолюбивых» Румынии и Польше в анархическую проповедь «третьей, свободной, безвластной революции».

Говоря о социальном составе армии, мы должны напомнить, что в первой главе уже было сказано, как Махно начал свою

деятельность с несколькими крестьянами Гуляйпольского района и довел свой отряд, благодаря слиянию с другими мелкими партизанскими отрядами, до нескольких сот человек. В конце 1918 года при наступлении на Екатеринослав он имел, по словам Лебедя, до 500 кавалеристов. С уходом в Гуляй-Поле отряд сокращается до 200. Во второй половине 1919 года, по словам начальника штаба махновской армии, Махно имеет 40 тысяч штыков и 15 тысяч сабель. По словам секретаря подпольного губревкома Екатеринославской губ. (который должен был знать численность махновской армии, так как в самом РВС было два члена РКП и в аппарате РВС подпольная партийная ячейка, насчитывавшая 17 человек), в РПА была 25 тысяч человек, из них пехоты 14 тысяч (вся на тачанках) и кавалерии 6 тысяч, остальное — служба связи при полках, артиллерия и пр. Вооружение — 48 орудий, 4 броневика, 4 бронепоезда, около 1 000 пулеметов [1]. У махновской армии не было обычного разделения на едоков и бойцов. Снабженческий аппарат отсутствовал. Армия в 35—50 тысяч бойцов — это большая сила, равная доброй советской армии на южном фронте.

В период борьбы Махно с деникинщиной к нему примкнула вся беднота, с Махно шел и середняк и зажиточный.

В армии Махно было много и деклассированного элемента. За время империалистической войны и нескольких революционных и контрреволюционных переворотов на Украине образовался широкий кадр людей, выходцев из крестьянства, которые потеряли всякую связь с деревней и в нее возвращаться не могли или не хотели. Частая смена господства различных партий, борьба с оружием за власть требовали постоянного наличия боевых сил. Каждая из партий формирует свои боевые дружины, кадры которых отрываются от производства, становятся ландскнехтами на службе у крупной и мелкой буржуазии. Побежденные в бою, они переходят с оружием в руках на сторону победителей. В стране, возвратившейся к эпохе натурального хозяйства, возникают армии мелкой буржуазии и землевладельцев-полукрепостников, больше похожие на отряды из эпохи торгового капитала, нежели на армии эпохи империализма. К Махно примкнул этот

---

[1] «Пролетарская Революция» 1922 г., № 9, стр. 201.

деклассированный элемент. Его роль была ничтожна в начале 1919 года. К концу года он усиливает свое влияние, а в 1920 г., после ухода части анархистов, занимает руководящее положение. В РВС заправляет делами Д. И. Попов, бывший левый с.-р., организатор московского лево-эсэровского мятежа, перекрасившийся у Махно в анархиста. Это тип дегенерата-садиста, человека, поклявшегося собственноручно убить 300 коммунистов и сумевшего довести свою «работу» лишь до 200 жертв. Такие люди ненавидели советский режим и не желали с ним мириться. Попов был самым ярым врагом примирения с советской властью.

Тонкая и хитрая военная тактика, о которой мы упоминали, и своеобразный состав армии требовали командира, которому бы отряд безгранично доверял, отважного, хитрого и опытного. Таковыми и являлись махновские командиры. Все они были из одного уезда, даже из одной волости, прошли всю школу империалистической войны и выслужились во время нее в царской армии до подпрапорщиков, фельдфебелей, старших унтер-офицеров. Таковы, например, Каретников, член штаба, гуляйпольский крестьянин, б. офицер, Марченко, помощник Махно, гуляйпольский крестьянин, Щусье, б. матрос, крестьянин Гуляйпольского уезда, Петренко, командир корпуса, б. прапорщик военного времени, гуляйполец. То же самое относится и к другим видным махновским командирам.

Унтер-офицерство дало Красной армии Буденного, а Махно — ряд талантливых командиров. Унтер-офицеры и прапорщики пережили всю тяжесть империалистической войны. Они прошли хорошую школу, и весь их опыт, когда совласть не могла использовать в свою пользу, крестьянство использовывало против совласти.

Но верховное военное руководство находилось не в чисто крестьянских руках, а, что чрезвычайно интересно, в руках одиночек рабочих или полурабочих. Махно, организатор и единоличный руководитель армии, происходил от бывшего крепостного крестьянина помещика Шабельского, после освобождения ставшего конюхом на местном механическом заводе. В детстве Махно был пастушком общественного стада, а после, до своего ареста и суда за убийство пристава Корачев-

цева, — рабочим-маляром на механическом заводе. Кстати, Махно учителем не был. Общераспространенная версия об этом неверна. Народные учителя были руководителями в петлюровских отрядах. Чубенко, личный друг Махно, член штаба, вместе с Махно начавший организацию восстания, был рабочий-железнодорожник. Белаш, начальник штаба, начавший даже писать тактику гражданской войны (имеется в одном из томов его дела), — железнодорожный машинист. Аршинов, учитель и руководитель Махно, завкультпросветом, — бывший рабочий.

Головка махновщины отчасти состояла из бывших рабочих, но в большинстве своем деклассированных, либо они были рабочими мелких полуремесленных предприятий, либо по роду своей деятельности были распылены среди крестьян (железнодорожники). Они сами питались крестьянской идеологией, но вносили стройность и организованность в крестьянское движение.

Повстанческие «гнезда».

В первой главе мы приводили указания Эйдемана и Раковского относительно локальности действий крестьянских отрядов. В нашем распоряжении имеются материалы, дающие интересные данные по этому вопросу. В Архиве Красной армии имеются именные списки частей махновской армии, в которых есть данные относительно каждого повстанца: о его месторождении, возрасте, месте жительства до поступления в армию и о сроке пребывания в армии [1]. Нами были разработаны данные относительно некоторых частей, которые вскрывают очень яркую картину и рисуют своеобразие организации крестьянской армии. Подвергнем анализу состав армии по месту происхождения. Возьмем обычный партизанский полк — 24-й Терновский пехотный полк, которым одно время командовал упомянутый нами Д. И. Попов, бывший левый с.-р. Всего в полку было к середине декабря 1919 г. 135 человек, по происхождению своему они делились следующим образом:

[1] Архив Красной армии, дела штаба революц.-повстанч. армии (махновцев), дело № 7002.

из Александровского уезда, Екатер. губ. . .	87	человек
„ Павлоградского „	22	„
„ Екатеринославского „	10	„
„ Новомосковского „	4	„
„ Бердянского „	3	„
„ г. Александровска	1	„
„ Херсонской губ.	1	„
„ Курской губ.	1	„
„ Владимирской губ.	1	„
„ Тульской губ.	1	„
„ Таврической губ.	1	„
„ Виленской губ.	1	„
„ Харьковской губ.	1	„

Таким образом, на 2/3 полк состоял из крестьян двух уездов: павлоградцы и александровцы составляли 109 человек, т. е. подавляющую часть полка.

Анализируя состав повстанцев этого полка по их происхождению по волостям, обнаружим еще более любопытную картину. Из 87 повстанцев Александровского уезда происходили:

из Новогупаловской волости	68	человек
„ Лукашевской „	9	„
„ Свистуновской „	4	„
„ Гуляйпольской „	2	„
„ Успеновской „	2	„
„ Мало-Архангельск. „	1	„
„ Натальевской „	1	„

т. е. немного больше половины падало на одну волость. Если мы проанализируем состав павлоградцев по их происхождению по волостям, то обнаружим, что из 22 человек — 21 происходили и были постоянными жителями Михайловской волости и лишь 1 был из Славгородской. Из 10 жителей Екатеринославского уезда 9 происходили из Никольской волости и лишь 1 — из Ямбургской. Три волости фактически и дали этот полк, — вернее, его составила одна Новогупаловская волость, и она получила подкрепление из двух других волостей. Но продолжим наш анализ дальше. Принцип «гнездовости» оказывается действующим и по отношению к селам. Из 68 повстанцев Новогупаловской волости 22 человека были из села Новогупаловки и 46 чел. из Терновки — села, бывшего, вероятно, ядром полка и давшего имя этому полку.

Проверим установленный нами принцип на составе другого полка, другого рода оружия, — 1-го Екатеринославского кавалерийского. В полку было всего 254 человека, из них происходили и были постоянными жителями:

Александровского уезда	203	человека
Мариупольского „	15	„
Павлоградского „	10	„
Бахмутского „	5	„
Бердянского „	4	„
Екатеринославского „	4	„
гор. Александровска	3	„
разных других губерний	10	„

Здесь то же явление, что и в первом случае, но еще более резко выраженное, так как полк более многочислен. Проследим дальше. Повстанцы Александровского уезда происходили:

из Больше-Михайловской волости	75	человек
„ Ивановской „	28	„
„ Успеновской „	22	„
„ Гуляйпольской „	22	„
„ Гавриловской „	18	„
„ Мало-Михайловской „	16	„
„ Камышевской „	7	„
„ Михайло-Лукашевской „	5	„
„ Ново-Николаевской „	4	„
„ Натальевской „	1	„
„ Туркеновской „	1	„
„ Воскресенской „	1	„
„ Павловской „	1	„
„ Вознесенской „	1	„
„ других волостей	1	„

181 человек, т. е. почти $^3/_4$ отряда, происходили из первых шести волостей (кстати, некоторые из них давали повстанцев и в Терновский полк), причем немного менее трети отряда происходили из одной волости — Больше-Михайловской. И здесь принцип, установленный нами, подтверждается.

Проверим принцип «гнездовости» на составе повстанцев из других уездов.

Из 15 повстанцев, выходцев Мариупольского уезда, 14 падает на Андреевскую волость и лишь 1 на Елизаветовскую. Все

4 повстанца из Бердянского уезда падают на одну волость; из 10 повстанцев Екатеринославского уезда — 7 чел. из Васильковской и 3 из трех других волостей; из повстанцев Бахмутского у.— 4 из Покровской волости и лишь 1 из Гришинской. Представители других губерний, как элемент случайный, не играли никакой роли, так как на каждую губернию приходилось по одному человеку. Происходили они из Брест-Литовской, Тульской, Брянской, Черниговской и других губерний, т. е. состав был самый разнообразный, и никаких выводов относительно их делать не приходится.

На этом прекратим наш анализ. Читатель нам поверит, что если бы мы продлили его, то могли доказать, что повстанцы происходили из нескольких сел, которые являлись гнездами повстанческого движения. Это же можно доказать и на тех частях махновской армии, которые носили названия не полков, а отрядов. Название «отряд» указывает на непродолжительность пребывания в армии, ибо с течением времени отряды переименовывались в полки. В рассматриваемый нами период было три отряда: Ново-Николаевский, Григорьевский и отряд Гаркуши. В Ново-Николаевском повстанческом отряде было 103 чел., из которых деревня Ново-Николаевка дала 73 человека, т. е. 70% отряда, и деревня Любавка той же Ново-Николаевской волости — 26 чел., т. е. 25% отряда, а вместе 95% отряда; прочие происходили из других губерний — 3 из Полтавской и 1 из Курской. В Григорьевском отряде, насчитывавшем 68 чел., 59 происходили из села Григорьева — Криворожского, Александровского уезда Екатеринославской губернии, и остальные 9 — из разных других сел.

Нам могут возразить, что наше положение о «гнездовости» доказывает лишь то, что одна-две деревни, под влиянием насильственного акта со стороны правительства, одновременно выступили против него и таким образом заложили основу полка. Даже если это предположение верно, то следует дать ответ, почему именно выступили эти деревни, а не другие, почему деревни других волостей того же уезда не выступали и всегда представлены малым числом повстанцев. Но даже и предположение, что деревня сразу выступила и тем составила полки, неверно. Доказать это можно на таком разительном примере, как состав Григорьевского отряда. Этот отряд, несмотря на то, что он весь состоял из жите-

лей одного села, был организован не сразу. По времени пребывания в отряде, отряд распадается на поступивших в 1918 г. — 4 чел. и в 1919 г. — 66 чел. Из них поступили:

В 1918 году

В сентябре	1 чел.
„ октябре	2 „
„ декабре	1 „
Всего	4 чел.

В 1919 году

В январе	1 чел.
„ марте	2 „
„ апреле	54 „
„ июне	1 „
„ сентябре	3 „
„ октябре	2 „
„ ноябре	3 „
Всего	66 чел.

Судя по цифрам, в 1918 г. против гетмана выступило лишь 4 человека, но это невероятно, и потому следует предположить, что лица, боровшиеся против гетмана, ушли из отряда, и фактически из старого состава отряда в апреле 1919 г. состояло 7 человек, к которым примкнуло еще 54 чел., а затем этот отряд пополнялся постепенно. Способствовало этому постоянному пополнению отряда то, что он всегда или очень часто являлся в свой собственный район, и, таким образом, недовольные крестьяне могли легко уйти к нему.

Более характерное доказательство может быть проведено лишь на большем количестве людей. Обратимся к составу 5-го Екатеринославского кавалерийского полка. По времени поступления в полк повстанцы распадаются следующим образом:

Поступившие в 1918 году

В первую четверть	19 чел.
„ вторую „	2 „
„ третью „	2 „
„ четвертую „	87 „
Всего	110 чел.

Поступившие в 1919 году

В первую четверть	23 чел.
„ вторую „	4 „
„ третью „	48 „
„ четвертую „	56 „
Всего	136 чел.

(7 человек не дали о себе сведений).

Такую же картину постепенного нарастания можем наблюдать и на примере Ново-Николаевского отряда. Поступили в отряд:

В 1918 году		В 1919 году	
В сентябре	4 чел.	В апреле	1 чел.
„ октябре	1 „	„ июне	9 „
„ ноябре	1 „	„ августе	7 „
„ декабре	8 „	„ сентябре	11 „
		„ октябре	60 „
Всего . .	14 чел.	Всего . .	88 чел.

Кстати, по данным о приливе в армию Махно повстанцев можно судить и о политических симпатиях крестьянского населения к Махно в те или иные месяцы. Обратившись к 1918 г., увидим, что во всех приведенных нами случаях рост поступления повстанцев наблюдается особенно сильно в декабре 1918 г., в период активной борьбы махновцев с белогвардейцами и петлюровцами, закончившийся поражением махновского отряда под Екатеринославом. Спадает волна добровольчества в первую четверть 1919 г., когда на Украину пришла советская Красная армия, и особенно ничтожен прилив добровольцев и даже, вернее, почти отсутствует во вторую четверть 1919 г., когда махновская армия находилась в полуприкрытом антагонизме с советской властью. Третья четверть 1919 г. дает Махно новый приток добровольцев. В этот период Махно уже борется с советской властью, симпатии крестьянства на стороне Махно, ибо он борется с советской властью, которая не нашла общего языка с крестьянством Украины из-за продразверстки и земельной политики. Самый большой приток сил был в последней четверти 1919 г., когда Махно приходилось бороться с Деникиным, когда сказалась политика буржуазно-помещичьей реакции, когда Махно опять стал близок советской власти, а середняк качнулся сильно влево. В этот период махновская армия впитала даже и большевистские элементы деревни, так как была единственной крупной военной организацией, вооруженным путем боровшейся с деникинщиной в ее тылу.

Было ли вступление в махновскую армию явлением случайным, «порожденным мечтою юношей, увлекаемых какой-либо предвзятой идеей», как объяснял это Яковлев в своем докладе о бандитизме на V Всеукраинской партийной конференции, или это было сознательным выступлением хозяйственных элементов деревни. В нашем распоряжении имеются данные о возрасте

повстанцев. Они тоже дают весьма интересную картину для наблюдателя. Для анализа возьмем те же части, на которых мы остановили свое внимание и при анализе повстанцев по их происхождению и местожительству. По возрасту состав 5-го Екатеринославского полка распадался:

До 20 лет включительно	72 чел.
От 21 до 25 лет включительно	126 „
„ 26 „ 30 лет „	51 „
Свыше 30 лет	4 „
Всего .	253 чел.

То есть состав в большинстве своем хотя и был молодой, но основную массу его составляли те слои деревни, которые начинали хозяйствовать. В силу военной обстановки они находились в армии, были оторваны от хозяйства, и их легче было бросить против Деникина и против советской власти.

Дисциплина.

Махновская армия не могла похвастать дисциплиной. Отправить какую-нибудь воинскую часть на фронт или же заставить выполнить мелкий приказ, если она этого не желала, было очень трудно. Так, например, штаб 1-го Донецкого повстанческого корпуса, отдавая весьма срочный приказ командиру батареи при 1-м Екатеринославском полку, добавляет недвусмысленно: «В противном случае будут приняты меры» [1]. Или, например, в другом приказе штаба того же корпуса, предлагающем начальнику связи связаться телефоном со штабом полка и со штабом корпуса, добавлено: «Делать одно и то же предписание несколько раз я не нахожу нужным и пишу в последний раз». Расхлябанность частей рисует приказ командира 1-го корпуса: «Проходя ночью по городу, я у нескольких патрулей спросил пропуск, они мне ответили, в то время как патрули должны спрашивать первыми у проходящих и отнюдь не говорить пропуска, а отзыв, когда их спрашивают». Командир другого корпуса, Петренко, на собрании командного состава, созванного после

[1] Архив Красной армии, дела штаба РПА им. батька Махно, дело № 6982, л. 89.

отступления из Екатеринослава, жалуясь на недисциплинированность в частях, указывал, что «если полку отдать приказ итти в наступление в 3 часа ночи, то он соберется не раньше 11 часов дня». В кавалерии, по его словам, «много скрывается дезертиров, саботажников, которые при появлении противника бросаются бежать в панике и тем расстраивают остальные ряды». Комкор Марченко, вероятно, более честный, заявил, что виноваты сами командиры. «Нужно принять энергичные меры по отношению к старшему комсоставу, который недисциплинирован, в первую очередь к командирам полков и лишь в последнюю очередь по отношению к повстанцам» [1].

В армии наблюдались случаи, когда части снимались с фронта и самовольно уходили в тыл или меняли данное им направление. Несмотря на все попытки высшего командования армии сколотить дисциплинированную армию, она разлагалась. Это вызвало даже специальный приказ Махно по армии от 13 декабря 1919 года, в котором он писал: «Видите ли вы, что армия разлагается и что, чем дальше будет царить халатность командиров к своему делу, повстанцев — к тому, на что они призваны, тем скорее армия себя разложит и умертвит. Революция погибнет . . .

«Вы оглянитесь вокруг. Вы увидите сотни и тысячи раненых и больных повстанцев. Вы услышите их стоны и проклятия к тем, кто бросает их. А кто их бросает? Не те ли, кто бросает фронт и, позорно скрываясь по деревням, продает всю армию?».

Штаб армии в 1919 году в виде наказания отбирал у провинившихся повстанцев-кавалеристов лошадей и оружие и сдавал командирам их части, но каждая часть была замкнутой семьей, каждый командир зависел от своей части, поскольку он был выбран ею, и поэтому о каком-либо серьезном наказании провинившихся не приходилось думать.

Разлагающее влияние на дисциплину оказывало и пьянство, хотя за пьянство Махно в своих приказах грозил расстрелом.

Но можно ли было от рядовых повстанцев требовать трезвости, когда пример пьянства подавали сами командиры? На поставленный на собрании 1-го Екатеринославского полка вопрос

---

[1] Архив Красной армии, дела штаба РПА им. батька Махно, д. № 6981, л. 2.

о пьянстве повстанцы постановили: «Приостановить выдачу спиртных напитков как повстанцам, так и командирам, и прекратить картежную игру».

Когда на том же собрании командир корпуса поставил вопрос об исполнении приказов, собрание постановило: «Обсудив этот вопрос, собрание товарищей повстанцев решило единогласно выполнять с условием, если командиры, издающие приказы, были бы трезвы» [1]. Хороша армия, в которой командиры беспробудно пьянствуют, а солдаты подчиняются им условно!

Но если в 1919 году полковые собрания махновцев постановляли прекращать пьянство, то в 1920 и 1921 гг. море безудержного пьянства захлестнуло всю армию, и никто бы не подумал поставить вопрос о прекращении пьянства. Сам «батько» давал этому пример. Об этом можно прочесть в дневнике жены Махно [2].

«7 марта . . . Еще с Новоселок „батько" начал пить. В Варваровке совсем напился, как и его помощник Каретник. Еще в Гагаровке „батько" начал уже дурить, бесстыдно ругался на всю улицу. Орал как сумасшедший. Ругался в хате при детях и при женщинах. Наконец, сел на лошадь верхом и поехал на Гуляй-Поле. Благодаря морозу упал в грязь . . .

«12 марта. Эти дни стояли в Гуляй-Поле. Этими днями много пили. Скандалили мало. Выпивши, батько был очень говорлив, — что он очарован чистотою повстанческого движения. Сегодня поехали на Успеновку.

«13 марта. Стоим в Успеновке. Батько и сегодня выпил. Говорит очень много. Ходит пьяный по улице с гармоникой и танцует. „Надто приваблива картина". За каждым словом бесстыдно ругается. Наговорившись и натанцовавшись, заснул».

Нарисованная картина сама за себя много говорит. Пьяный «вождь», восторгающийся «чистотою движения».

Пьянство стало настолько бытовым явлением, что, когда махновцы попадали в нормальную обстановку, они не прекращали пьяного разгула. Это относилось и к низам и к верхам в одинаковой степени. Делегация махновской армии, прибывшая в конце 1920 года в Харьков, во время переговоров о совместной борьбе

[1] Архив Красной армии, архив РПА им. батька Махно, дело № 6988, л. 70.

[2] Архив Революции, Харьков, фонд Совнаркома УССР, дело № 144.

против Врангеля, наилучшим образом аттестовала с этой стороны бытовую сторону армии. Хозяйка квартиры, в которой жила махновская делегация, показывала при допросе: «Недели три или около месяца... были сплошным ужасом. Попов (председатель делегации, бывший левый с.-р. *М. К.*), его шофер Бондаренко и многие другие все время пьянствовали, бушевали и хулиганили, всегда угрожая оружием; с их приходом дом принял вид вертепа: всюду была грязь, пьяные люди и беспрерывная и самая площадная ругань. Двери на улицу и во двор никогда не запирались, и кто приходил и уходил, не поддавалось учету... Вообще день начинался с пьянства, ругани, стрельбы в квартирные лампы и прочее и кончался тем же. Мы жили как в плену и вечно дрожали за свою жизнь, рискуя погибнуть от шальной пули кого-либо из пьяных разбойников» [1].

Если пьянствовали и буйствовали сам батько и верхушка его армии, то что же оставалось делать рядовым? Лучшая революционная часть армии ушла. Армия в конце 1920 и 1921 гг. состояла в большинстве из бывших деникинцев, врангелевцев и других деклассированных элементов города и деревни. Руководство находилось в плену кулацкой идеологии. Лучшие революционные традиции армии были давно потоплены в вине, которое размывало дисциплину и смыло последние остатки идейности в армии. Вино ускорило лишь процесс гниения и разложения армии.

Грабежи.

Махновская армия первые два года ее существования, в 1918 и 1919 годах, не являлась бандой грабителей, как обычно ее представляют себе обыватели и даже некоторые политические работники. Внимательно проследив официальные документы махновской армии, убеждаешься, что в 1918 и 1919 годах махновское командование делало всяческие попытки обуздать свою вольницу, не допускать грабежей и бандитизма. Приведем несколько характерных приказов. В приказе № 3 по ударной группе армии говорится: «Прекратить всяческие выдачи мандатов на право реквизиции и конфискации; таковые будут выдаваться реввоенсоветом, штабом армии и армейским снабжением». Или, напри-

[1] Архив ГПУ СССР, дело Д. Попова, л. 37.

мер: «При взятии в плен ни в коем случае не подвергать раздеванию, так как таковые большей частью желают поступить в ряды повстанческой армии и остаются без обмундирования». В приказе № 4 от 17 ноября 1919 года говорится: «Ни в коем случае не производить самосудов и убийств, не заявив в штаб группы или же местным властям . . . Последний раз напоминаю прекратить всякого рода самочинные выступления, как-то: конфискации, реквизиции и обыски . . . За неисполнение сего вся ответственность падает на командиров».

В период господства махновцев в Екатеринославе «такого повального грабежа, как при добровольцах, при Махно не было. Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре; он тут же расстрелял их из револьвера. Но, конечно, грабежей было немало под обычным предлогом поисков спрятанного оружия. Один вид грабежа производился с ведома и разрешения самого Махно; он касался квартир деникинских офицеров: не успевшие уйти из города и спрятавшиеся офицеры были все перебиты, а квартиры офицеров дочиста ограблены» [1].

Меньшую степень грабежей, относительное спокойствие, наступившее в Екатеринославе при Махно, подтверждает в своей брошюре Курган, подпольный партийный работник, посланный Зафронтбюро в тыл Деникину.

Поэтому совершенно неправ т. Раковский, когда пишет, что «по конституции махновской армии два дня в месяц она имела законное право грабить. Но, конечно, махновцы эти два дня превращали в целый месяц».

Грабежи кулацких отрядов типа Струка, Петлюры и др., несомненно, были узаконены, но они были незаконными в армии Махно. Всеукраинский повстанческий ревком, состоявший из незалежников и пытавшийся в 1919 г. поднять восстание против советской власти на Украине, может быть, и установил, что «в с е, д о б ы т о е к а з а к о м в б о ю, п е р е х о д и т в его собственность», — как пишет об этом Раковский в своей брошюре [2], но

[1] Г у т м а н, Под властью анархистов, «Русское Прошлое» 1924 г., № 5, стр. 63.

[2] Р а к о в с к и й, Борьба за освобождение деревни, стр. 31.

в армии Махно, наоборот, взятое в бою должно было поступать, согласно приказам, в общеармейский котел.

Но если поставить вопрос, как исполнялись приказы, то это и будет ответом на вопрос, грабила ли армия. Наилучшей иллюстрацией состояния дисциплины в армии являются махновские же приказы. «Мной неоднократно отдавалось в приказе, — читаем мы в приказе по 1-му Донецкому корпусу, — что мандаты и удостоверения на право обыска, конфискации и реквизиции считать правомочными, выдаваемые только лишь штабом армии и реввоенсоветом, выдаваемые же командирами отдельных частей — недействительными. Несмотря на это, командиры до сих пор продолжают действовать самостоятельно, не желая подчиниться моим приказам. Еще в последний раз приказываю командирам всех частей отобрать таковые удостоверения и впредь не выдавать, в противном случае лица, задержанные в означенном преступлении, будут расстреляны, как бандиты»... Но никого не пугали эти угрозы расстрелом. Это было не больше, чем общепринятым «оборотом речи» эпохи революции.

Как понимал рядовой повстанец запрещение грабить? Он считал себя в праве брать то, что ему необходимо, полагая, что брать излишки—это не значит грабить. Наилучшей иллюстрацией может служить эпизод, рассказанный Гутманом. Махновец, сняв с местного жителя брюки, скинул свои отрепья и заявил: «Вот так давно бы! А то уж у шести просил: дайте, пожалуйста, штаны, совсем обносился. Все говорят: нет лишних. А вот теперь нашлись. Нам батько Махно запрещает грабить. „Ежели, говорит, тебе что нужно, — возьми, но не больше“. Ну, а мне больше и не надо».

Грабежи армии в этот период были в значительной мере вынужденными обстановкой. Окруженные со всех сторон, не имея ни тыла ни баз снабжения, истрепанные в боях, махновцы неизбежно должны были прибегать к самоснабжению. Население это понимало и нередко предпочитало махновское «безвластье» деникинской «твердой власти». Крестьянин же, поступивший в армию, не мог не смотреть на город, с которым он воевал, как на объект возможного обогащения: город должен был содержать его, город должен был заплатить за его «службу революции». Тем более это относилось к буржуазным и еще больше к дворянским

элементам города. Поэтому-то убийство повстанцами 30 еврейских семей в колонии Горькой не является типичным для 1919 года. В 1919 году население страдало еще больше от грабежей и убийств деникинской, петлюровской и григорьевской армий, а потому поступки махновцев казались по сравнению с ними малозначительными. В 1920 году, когда все белые армии были разбиты, а лучшие элементы махновской армии ушли из нее и армия подвергалась неустанному преследованию частей Красной армии, — грабежи махновской армии были невыносимы для населения. К тому же город был разорен, да, кроме того, он хорошо охранялся, грабить можно было только деревню, а в деревне не было ни помещика ни богатого совхоза, и потому грабить можно было только крестьянина. Крестьянин, который раньше сочувствовал махновцу, начинал его ненавидеть и превращался в его врага. Это шло параллельно экономическому и политическому расслоению села, являлось даже выражением этого расслоения, — чем дальше, тем больше, и к концу 1920 г. махновская армия почти полностью превратилась в ряд мелких уголовных шаек, терроризовавших крестьянство, что лишь ускорило ее собственную гибель.

Санитарное состояние армии.

Мы коснемся этого вопроса только потому, что на нем ярко можно выявить разницу методов борьбы между регулярными, будь то буржуазные или пролетарские, и партизанскими, крестьянскими армиями.

Один из основных принципов организации всякой регулярной армии — стремление к сохранению своего живого боевого состава. Армия даже в капиталистическом государстве с его анархией производства является островком, где осуществляются некоторые элементы планового хозяйства. Формирование армии, равно как и вся ее жизнь, регламентируется твердым планом, увязанным со всем хозяйством страны. Всякое пополнение армии свежими кадрами может происходить лишь в определенные моменты и дает армии лишь определенное количество бойцов; поэтому выпадение из состава армии вследствие поражения или эпидемии большого количества людей, само уже является предпосылкой к поражению, тем более, что армия втя-

гивает в критические моменты все боеспособные слои населения. Всякая внеочередная мобилизация взамен выбитых из состава армии элементов нарушает нормальный ход хозяйственной жизни государства; поэтому, а не вследствие каких-либо отвлеченных принципов человеколюбия, капиталистическое государство бережет здоровье и физическую крепость солдат своей армии. Армия для буржуазии, равно как и для пролетариата, есть часть хозяйственной системы, тесно увязанная со всем хозяйством страны. Вследствие этого существование в армии сети лечебных учреждений преследует нормальное состояние армии. Совсем иначе обстояло дело в крестьянской армии. Во-первых, она не имела тыла, где могли бы спокойно быть созданы все лечебные учреждения. Она не имела источников снабжения, которые регулярно и равномерно снабжали бы эти лечебные заведения. Кроме того, эта армия благодаря постоянному передвижению с места на место не имела возможности организовать правильную эвакуацию повстанцев в тыл в случае ранения. Раненых, если их было немного, усаживали на пулеметные и снарядные тачанки. Они тряслись вместе со всей армией до какого-либо безопасного пункта, где их оставляли на произвол судьбы, либо же, если армия отступала быстро, их просто бросали. Тифозных бросали и даже сталкивали с телег, если они пытались сесть на них. Господствовал принцип: «каждый сам за себя». В конце 1919 г. в махновской армии свирепствовал тиф. Махновцы разместились по частным квартирам и тем самым разнесли заразу среди местных жителей. Оставив город Никополь, они бросили несколько тысяч больных тифом. То же было в Екатеринославе, Александровске и в ряде других городов, где сыпно-тифозные либо умирали сами, не имея никакого ухода, либо пристреливались наступавшими деникинскими частями. Чтобы эвакуировать раненых из г. Александровска в Екатеринослав, пришлось мобилизовать всех имевшихся в г. Александровске извозчиков, а также крестьян из ближайших сел. Собственного транспорта для перевозки раненых махновская армия не имела.

Правда, занимая Екатеринослав, командование армией пыталось создать санитарно-медицинскую помощь: так, например, командир 13-го полка организовал в местных банях мойку всех

своих солдат — больное достижение в махновской армии. Были мобилизованы врачи, по крайней мере в приказах об этом упоминается. Была создана санитарная комиссия, причем реввоенсовет выделил двух своих членов для работы в санитарной комиссии. Но санитарная комиссия не работала, и реввоенсовет связи с названной комиссией не имел. Чтобы уничтожить беспорядок в распределении больных по госпиталям, было приказано всех больных и раненых не направлять непосредственно в госпиталь, а в околоток, чтобы в случае эвакуации города предоставлялось возможным вывезти больных.

Штаб армии решил даже организовать в Екатеринославе курсы при армейском лазарете для фельдшеров и сестер милосердия, где им должны были читаться лекции о скорейшей подаче помощи больным и раненым [1]. Но сами сестры являлись рассадниками венерических болезней, и штаб приказал еженедельно отправлять их на медицинское освидетельствование.

Штаб армии запретил также, чтобы в войсковых частях, где не было лазарета, больные находились вместе с здоровыми, Был даже создан распределительный пункт в помещении бывшего Английского клуба, куда приказано было направлять всех заболевших партизан. Но все эти попытки были сметены во время отступления, и армия вернулась к своему первобытному состоянию. Раненые были брошены по городам, их не успели вывезти, а больных даже не желали брать с собой. К этому еще следует прибавить отсутствие медикаментов. Насколько армия нуждалась в медикаментах, свидетельствует следующий факт. В ночь с 31 декабря 1919 года на 1 января 1920 года при передвижении штабного обоза была утеряна фельдшерская сумка с медикаментами и медицинскими инструментами. Чтобы найти ее, штаб армии отдал специальный приказ командирам всех четырех корпусов и всем частям, входившим в их состав, о том, чтобы было объявлено всем повстанцам об утере сумки и о необходимости доставки ее в штаб армии. «Медикаменты необходимы для армии в то самое время, когда последняя

---

[1] Архив Красной армии, архив РПА им. батька Махно, дело № 6986, л. 6.

объята ужасом тифозного заболевания», — говорилось в приказе [1].

Те, кто не пали в боях с врагами, пали, подкошенные тифом. Последних было во много раз больше, чем первых, и вообще больных было больше, чем здоровых. В конце 1919 года махновская армия, сразив Деникина, сама была сражена тифом, а в 1920 и 1921 годах водка, сифилис, разгул и бандитизм доконали махновскую армию.

[1] Архив Красной армии, архив штаба РПА им. батька Махно, дело № 6993, л. 6.

ГЛАВА IX.

АНАРХИСТЫ В МАХНОВЩИНЕ.

Роль анархистов в истории махновщины и велика и мала. Велика — поскольку руководящей партией движения официально были анархисты, и движение само приобрело название по имени своего руководителя, анархиста, мала — поскольку не анархисты вели за собой массы и руководили движением, а восставшие массы вели за собой поклонников стихийности — анархистов, не смогших оказать существенного влияния на движение.

Махновщине сочувствовали не все российские анархисты. Активно принимали в ней участие лишь украинские — так называемая конфедерация анархистских групп Украины «Набат», в которую вошли украинские анархисты-коммунисты, анархисты-синдикалисты и анархо-синдикалисты-коммунисты.

Прежде всего нужно остановить свое внимание на екатеринославской группе, поскольку Екатеринославская губ. была основным театром действия махновщины и поскольку из недр Екатеринославской федерации вышел сам руководитель этого движения.

В 1905—1907 годах в России было 3 центра анархизма — Белосток, Одесса и Екатеринослав. В первом кадрами анархистских групп и им сочувствующих служили евреи-ремесленники, во втором — отбросы города, люмпен-пролетариат и в третьем — рабочие-металлисты из окрестных заводов. В 1917 году екатеринославская группа сравнительно с прочими городами России и Украины была очень сильна, издавала свою газету «Голос Анархиста»; в большинстве своем она состояла из безработных, рабочих, служащих и учащихся. Как будто соперничая с РКП, анархисты заняли то же помещение, что и пар-

тия, так что двери комитетов обеих организаций помещались друг против друга. В городе было несколько анархистских коммун, захвативших ряд зданий, существовавших за счет захваченных в этих домах съестных припасов. Гостиницы «Франция», «Палас», б. Английский клуб и дом Бабушкина, где помещались три коммуны, были местом, где можно было встретить рядом со старым анархистом уголовных преступников, о которых открыто говорили как о бандитах. Вторых было больше, и они были лицом «коммун». Захваченных припасов было мало. Нужно было промышлять. Налеты совершались не только на буржуазию или интеллигента-середняка, но и на рабочие организации. Так, например, в марте 1918 года были ограблены анархистами продовольственный комитет на 283 тыс. руб., Брянский кооператив рабочих, касса трамвайного товарищества, касса 8-й армии (царской) на 100 тыс., «а мелких и не перечесть», — сообщала газета «Звезда» [1].

Орган РКП «Звезда» и военно-революционный штаб долго и безуспешно требовали очистки организации от уголовных элементов. Но ничто не действовало. Тогда военно-революционный штаб силами Заднепровского отряда Красной гвардии и отрядами еврейских социалистических партий Серпа и Бунда, разоружил, после особенно наглого налета, одну из коммун, называвшую себя анархистами-максималистами.

При наступлении немцев екатеринославские анархисты, подобно анархистам всех прочих городов и сел Украины, создали свой отряд для борьбы с немцами, который, больше грабя, чем воюя, отступал до Таганрога. Этот отряд, как и прочие анархистские и лево-эсэровские отряды, разложился и был распущен. В только-что сформировавшуюся 1-ю Донскую Красную армию анархисты, отрицая принцип регулярности для революционной армии, в большинстве войти отказались и распылились. Большинство анархистов Украины эвакуировалось в Саратов и Самару. В Саратов прибыл Махно, бежавший из своего «гордого района». Эсэровское восстание выгнало анархистов из Саратова в Москву и другие города России. В этот период происходит раскол в среде анархистов: часть вливается в РКП,

[1] Орган Екатеринославск. губкома РСДРП(б), № 48, от 15/III 1918 г.

часть все больше и больше приходит к мысли о вооруженной борьбе с советской властью; колеблющиеся предпочитают уехать в украинское подполье. Махно был одним из немногим уехавших на подпольную работу на Украину.

Во время борьбы украинского крестьянства с гетманщиной мы не находим указания, чтобы анархисты, как политическая группа, где-либо принимали активное участие в этой борьбе. Не только в деревнях, но и в городах, даже там, где в 1917 году анархисты были довольно реальной силой, в период борьбы с гетманцами они ни в чем не проявили себя, вернее они отсутствовали. Анархисты в это время были в Москве и занимались критикой советской власти. Они совместно с левыми с.-р. особенно жестоко нападали за «похабный» Брестский мир, за «отказ бороться с мировым империализмом» и т. д. Вместо реального дела борьбы с империализмом там, где масса сама стихийно втягивалась в бой, эти поклонники стихийности предпочитали отсиживаться в московских гостиницах, где было все же спокойнее, чем в фронтовой обстановке, в какой находилось каждое украинское село, каждый украинский город. Из анархистов, вероятно, один лишь Махно уехал в июне—июле месяце на Украину, в родное село, драться с немцами, да и то это было сделано им не столько как анархистом, сколько под влиянием крестьянских настроений. Когда поднятое им движение разрослось, когда создалась небольшая армия, все еще подвергавшаяся угрозе быть уничтоженной немцами, анархисты попрежнему оставались в Москве, ломали копья за всякого рода принципы. Только после того как создалась довольно крупная сила, и притом германская армия была разложена окончательно, а сама махновщина становилась «вольницей», — появляются у Махно одиночки анархисты: Чалдон, Скорпионов, Чередняк, Юголобов и т. д. Все они были больше анархистами по названию. Чередняк являлся типичным бандитом, Скорпионов перешел к белым, остальные были не лучше. Грабежи, вино, разврат, сифилис — неотъемлемые атрибуты этой первой группы анархистов, прибывших к Махно.

Не разложившееся еще махновское движение, благодаря своей крепкой связи с широкими массами крестьянства, относилось резко отрицательно к анархистам. Это отношение вы-

зывали не только бандиты, прикрывавшиеся анархистским именем, но и все анархисты, бывшие в армии Махно; оснований для этого было достаточно. Так, например, во время заключения первого соглашения с советской властью, когда Махно был назначен комбригом, анархисты использовали этот момент. Анархисты Венгеров, Черняк и Карпенко набрали, как указывал сам Махно, денежных авансов у советской власти и не отчитались. Впрочем, анархист Венгеров захватил деньги также и в Харьковской федерации, где также не отчитался. Подобное отношение к чужим деньгам являлось основным качеством всех анархистов, «активно» содействовавших Махно. Так, например, к Махно приехала вся Ивангородская волостная конфедерация анархистов, заявившая, что она приехала как целая боевая группа, и предлагала использовать ее на ответственных постах. Но в тот же день выяснилось, зачем приехала эта группа: им поручили охранять денежный ящик, который они и сломали, пытаясь ограбить кассу. Случайно оказавшийся свидетель сообщил об этом Махно, который расстрелял двух часовых, сломавших кассу, а остальным перестал доверять. Приехал к Махно также видный анархист Черняк, привез с собой группу анархистов. Вместо культурного воздействия на массы пропагандой, создания крепких анархических ячеек в махновской армии, т. е. вместо проведения разумной политики партии, которая претендовала стать руководительницей массового крестьянского движения, вождем третьей революции, — Черняк предложил организовать... контрразведку, которая, по его мнению, была нужна махновской армии. Состав организованной им контрразведки был чрезвычайно подозрительный. В нее входили: Яков Глагзон (позже один из руководителей анархистов подполья, взорвавший в сентябре 1919 г. МК РКП), Цинципер (в будущем также активный участник взрыва), Левка Задов, он же Зинковский — уголовный преступник с большим уголовным и тюремным стажем, выполнявший все время в махновской армии роль палача, и его брат — Д. Задов, тоже уголовник.

Во время пребывания контрразведки в гор. Мариуполе она прославилась не меньше деникинской. «Когда я пошел в город, — рассказывает в своем показании член штаба Чубенко, — то там только и говорилось о махновской контрразведке. Одни

говорили, что их обобрали, другие, что кого-то убили, третьи, что кого-то изнасиловали»...

Даже гуляйпольская группа анархистов в период соглашения Махно с советской властью, т. е. в период революционной борьбы махновщины с белыми в начале 1919 года, вела оппозиционную тактику по отношению к Махно, считая неправильным соглашение с советской властью. Несомненно, что в этот период Махно, отражая настроение крестьянства, не мог рвать с советской властью, что выразилось хотя бы в инциденте с М. Никифоровой. Махно отказал ей дать средства на организацию борьбы с советской властью в Москве и стащил ее с трибуны, когда она выступила против большевиков.

Разрыв анархистов с советской властью оформляется значительно раньше, к концу 1918 г. Анархисты готовятся к вооруженной борьбе с ней; разрыв находит свое выражение в резолюциях 1-й конференции анархистских групп Украины, состоявшейся в Курске в ноябре месяце. Открытый разрыв советской власти с попутчиками революции не мог не привести к оформлению анархистами своих расхождений с РКП. В России в 1918 г. были недовольны политикой советской власти в первую очередь буржуазия — враг пролетарской революции вообще, и люмпен-пролетариат—враг пролетарского порядка. «Люмпен» был против введения революции в определенное русло, против окончания «разрушительного» периода и перехода революции к созидательной работе. Во время первого периода революции люмпен-пролетариат был активным участником ограбления награбленного, понимая его в своем узком профессиональном смысле, а после ограбления буржуазии пытался грабить и пролетариат в лице финансово-мощных организаций (кассы, заводы и т. д.). Но сам «люмпен» политически и физически бессилен был что-либо сделать без активного выступления других социальных групп. Анархисты 1918 г. отображали в большинстве идеологию люмпен-пролетариата, поскольку анархистов-коммунистов, представлявших именно эту группу, было большинство в России. Угнетенная буржуазия была разгромлена и находилась в политическом отношении в худших условиях, чем сам «люмпен». «Люмпен» требовал «абсолютной свободы» не во имя защиты буржуазии, а для продолжения «разрушительного» периода, чтобы

продолжить редко выпадающие на его долю в истории медовые месяцы веселого, пьяного, сытого и разгульного житья. Но партия люмпен-пролетариата и люмпен-пролетаризировавшейся во время революции части городской мелкобуржуазной интеллигенции становится активной и опасной с началом крестьянских движений. В середине 1918 года и особенно к концу его вспыхивает ряд крестьянских восстаний на Украине против гетмана. Результаты этой борьбы желают использовать анархисты для борьбы с большевиками. Большевики уже на Украине были, крестьянство, по мнению анархистов, осталось ими недовольно, оно осталось недовольно и гетманщиной и свергло ее, а посему есть почва для «продолжения» революции, есть почва для анархистской революции.

«В то время, как революции в разных странах носят пока характер партийно-политический и, таким образом, ведут к временному укреплению в мировом масштабе большевизма, в творческом бессилии которого трудящиеся всего мира еще не убедились, — Украина уже пережила большевистский режим, испытала его на себе и более или менее почувствовала его неспособность переустроить общество на началах подлинной свободы и экономического равенства. И это обстоятельство заставляет думать, что грядущая революция на Украине сразу же может направиться по пути беспартийно-массового народного творчества и сразу же может превратиться в революцию, долженствующую создать анархо-коммунистический строй. Мощность, жизненность, плодотворность и непобедимость революции, направившейся по этому пути, явится примером, достойным подражания для остальных стран, и тем самым окажет влияние на характер международной революции, толкая ее на путь революции анархической»[1].

Хотя освобождение Украины от немцев было не непосредственным плодом крестьянских восстаний, хотя не на полях Полтавщины, Киевщины или Таврии решилась судьба Украины, а на полях Франции, где был разбит немецкий империализм, анар-

---

[1] «К товарищам», обращение секретариата конфедерации анархистских групп Украины «Набат» — в брошюре «Первая конференция анарх. орг. Украины», стр. 4. Издание секретариата конфедерации анархистских групп Украины («Набат»).

хисты считали свержение гетманщины непосредственным плодом крестьянских восстаний. Если крестьянство смогло свергнуть помещика, то оно сумеет сбросить и советскую власть и приступить к творчеству социальной революции. Как же представляли себе ее анархисты в конце 1918 г.? Об этом говорит достаточно красноречиво «декларация об условиях совместной работы анархистов», принятая единогласно той же конференцией 16 ноября 1918 г.

«Весь этот двуединый процесс крушения государственнической, политически властнической формы общежития (буржуазно-капиталистической или же коммунистической) и постепенной творческой замены его новой, экономически-массовой, безвластной, подлинной коммунистической формой, — вплоть до наступления эры спокойного дальнейшего развития окончательно сложившейся новой общественной организации, мы и называем социальной революцией. Всякая иная революция может быть лишь с большей или меньшей примесью социального содержания. И утверждаем, что социальная революция может осуществиться (если обладает достаточными объективными силами) только в таких реформах, только таким путем, или же не осуществится вовсе и окажется в конечном счете раздавленной, т. е. закончится крахом и восстановлением в тех или иных формах буржуазно-капиталистического строя» (подчеркнуто в «декларации». *М. К.*). [1].

Критерием для определения социальной революции служит безвластность, т. е. отрицание диктатуры пролетариата, как необходимого этапа на пути от крушения капитализма к коммунизму. Конференция, действительно, на этом заострила вопрос: «Ни о какой переходной стадии между „разрушенным капитализмом“ и „анархическим строем“ не может быть речи, — читаем мы в другом месте той же декларации. — Никакой переходной стадии на деле (подчеркнуто в «декларации». *М. К.*) не имеется». От принятия или непринятия диктатуры пролетариата зависело отношение анархистов к большевикам. Принятие этого тезиса означает смерть «теоретическому» анархизму. В этом

---

[1] «К товарищам» — обращение секретариата конференции анархистских групп Украины «Набат».

заключалось все противоречие и глупость так называемых «советских анархистов» (Рощин, Гордин и др.), принявших диктатуру пролетариата и оставшихся анархистами.

«Весь спор, все расхождения вертелись около понятия социальной революции и вопроса о переходной стадии, — читаем мы в отчете о конференции в петроградском анархо-синдикалистском «Вольном Труде». — В то время как одна часть конференции усматривала в текущем моменте все еще революцию политическую, другая часть категорически утверждала, что перед нами революция социальная. Точно так же вызвал спор и разногласия и вопрос о переходной стадии. В то время как одни отрицали ее и указывали, что переходную стадию смешивают с моментом строительства социальной революции, другие ее признавали, но, признавая ее, все-таки никто не сумел нарисовать ее характерные признаки. Одни предполагали, что переходная стадия — это „советская власть", „советизм" так сказать, другие предпочитали „синдикализм", „ячеечную теорию" и т. д., третьи просто признавали ее, не желая даже утруждать себя вопросом, в чем же будет состоять эта система переходной стадии» [1].

Мелкобуржуазная природа анархиста не могла принять диктатуру пролетариата, хотя сознательно принимала диктатуру отдельных командиров. Конференция отвергла диктатуру пролетариата. Это было общей почвой для создания «единого анархизма».

«Единый анархизм» имел своих сторонников главным образом, если не исключительно, среди украинских анархистов. Анархисты-коммунисты, анархо-синдикалисты и анархо-коммунисты-синдикалисты Украины и создали на 1-й конференции единую анархистскую организацию Украины «Набат», которая политически руководила махновщиной.

«Трудно сказать, что появилось раньше — „набатовщина" или „единый анархизм", — пишет некий анархист-неонигилист Андреев: — быть может, они одновременно породили друг друга, но теперь они стали синонимом, и расколоть их, не убивая обоих, нельзя» [2]. До октября 1917 г. в русско-анархической среде

---

[1] «Вольный Труд, орган петроградской группы анархо-синдикалистов, № 2 (1918 г.).

[2] Андреев, Неонигилизм, стр. 48—49.

обнаруживались лишь центробежные тенденции. Расхождения эти начались еще с 1904 г. «Харьковский Набат» (редактор Волин), ведший в 1919 г. агитацию за необходимость организационного сплочения анархистских сил, в статье «набатовца» Андрея дает следующие сведения о расколе анархистов в 1906 году [1].

«В 1904—5—6 гг. анархисты делились, главным образом, на три течения: на безначальцев, чернознаменцев и хлебовольцев.

«Суть воззрения безначальцев заключалась в том, что они совершенно отклоняли работу в массе. Они говорили: пропагандировать анархистские идеи следует только прямыми действиями. У них поэтому занимали первое место безмотивный террор и экспроприация.

«Чернознаменцы говорили, что совершенно уйти от массы нельзя. Но итти в рабочие организации они находили вредным для цельности и чистоты анархической идеи, а посему они искали иного способа поддерживания связи с массой. Для этой цели они старались организовать чисто анархические ячейки на всех фабриках, заводах и мастерских.

«Хлебовольцы же говорили, что анархическая пропаганда может иметь успех лишь при помощи „хождения в массы", а посему надо совершенно уйти в массовые организации и там работать».

В 1917 году среди анархистов преобладали анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты и анархо-синдикалисты-коммунисты. Первых было больше всего, и они были группой господствующей. Анархо-синдикалистов (или революционных синдикалистов, как стали они называть себя после того, как название «анархист» стал синонимом «бандита») и анархо-синдикалистов-коммунистов было мало, но зато эти группы были теоретически грамотны и были сильнее в промышленных центрах (Питер, Иваново-Вознесенск, Харьков). На 1-й конференции «Набата» было анархистов-коммунистов — 9, анархо-синдикалистов — 1 и анархо-синдикалистов-коммунистов — 5, причем первые представляли редакцию газеты «Набат», гг. Харьков и Николаев; анархо-коммунисты представляли организации Александров-

[1] «Харьковский Набат», № 9, от 23/III 1919 г., ст. «О едином анархизме».

скую, Киевскую, Конотопскую, Подольскую, т. е. чисто крестьянские.

Так некогда разомкнувшиеся после поражения буржуазной революции кадры анархизма вновь сомкнулись после победы пролетарской революции, но не для защиты и укрепления революции, а для борьбы с ней, тем самым наглядно иллюстрируя свою контрреволюционную сущность.

Борьба с большевиками началась в конце 1918 г. и начале 1919 г., с занятием Украины советскими войсками.

Свержение гетманщины, до известной степени реставрировавшей монархию, восстановило ряд демократических свобод, существовавших на Украине до прихода немцев. Легально издавался и распространялся на Украине орган меньшевиков «Наш Голос», в котором сотрудничали Мартов, Далин, Сан и другие; анархисты издавали в Харькове, Екатеринославе и Елисаветграде свои газеты; левые с.-р. оспаривали в своих органах у большевиков право на совершение Октябрьской революции. Все эти партии созывали свои собрания и критиковали справа и «слева» советскую власть. Особенно шумно и развязно вели себя анархисты, полагавшие, что теперь пришла очередь за их революцией. Надо сказать, что политический шум, производимый анархистами, и их претензии не имели под собой никакой реальной почвы. Даже в мелкобуржуазной Украине во время II Съезда советов, в начале 1918 г., анархисты имели всего лишь 3 мандата, в то время как большевики имели 428, объединенные левые с.-р. (украинские и русские) — 414, украинские с.-д. — 13, с.-р. (русские и украинские) — 4 и беспартийные — 82 [1].

Следовательно, никаких реальных предпосылок к утверждению о большом влиянии на массы у анархистов не было. Но это их не смущало. «В нашей работе и борьбе мы исходили отнюдь не из рассуждений о „реальной“ возможности или невозможности безвластного коммунистического общежития. Все подобные рассуждения мы считаем как раз глубоко нереальным делом. Мы считаем, что на учитывание „возможного“ или „невозможного“, на этом поссибилизме будущего

---

[1] «Звезда», № 51, от 20/III 1918 г.

(так же, как и на поссибилизме настоящего), социалисту и революционеру вообще нельзя строить ни своей принципиальной позиции, ни, следовательно, своего, вытекающего из этой позиции реального поведения.

«...Мы исходим не из глубоко (по нашему мнению) метафизического положения о возможности или невозможности безвластного коммунистического общежития, а из единственно, на наш взгляд, реального положения об основной, постоянно (в потенции) присущей людям и обществам людей способности построить, осуществить такое общежитие...

«...Ни определенной возможности, ни определенной невозможности для нас нет. Для нас есть только определенная способность, которой мы должны помочь и которая в конечном счете может или быть воплощена в жизнь или, наоборот, снова задавлена препятствиями»[1]. (Подчеркнуто в подлиннике. *М. К.*).

Исходя из таких предпосылок, естественно, анархисты, считавшие, что наступает третья революция, должны были стремиться к оказанию наибольшей помощи этой пресловутой «способности». Уверенность у анархистов в возможности установить коммунизм в любую минуту дня и ночи в особо благоприятные, как казалось им, моменты, должна была вести к объединению всех анархистских сил. Приведенное рассуждение Волина является теоретической предпосылкой «единого анархизма».

В феврале 1919 г. екатеринославский предгубисполком, местный рабочий-металлист Аверин, закрыл анархистский «Набат», что вызвало бурю возмущения во всех анархистских группах. Вся анархистская пресса подняла бешеную травлю против большевиков. Но компартия по отношению к анархистам не применяла или применяла слабые репрессии. Арестованные в Екатеринославе Авериным несколько человек были выпущены. В Курске запретили выступать Волину, и скандал, учиненный в связи с этим анархистами, прошел им даром. Анархисты же время даром не теряли. Они готовились к борьбе с советской властью. Так, например, в «Харьковском Набате», редактируемом Волиным, в № 10, от 30/III 1919 г., рекомен-

---

[1] Волин, Наша позиция, «Харьковский Набат», № 6, от 2/III 1919 г.

дуется анархистам для удобства работы, во избежание арестов, становиться на учет, но в Красную армию не итти, во исполнение директив большинства анархо-синдикалистского съезда, состоявшегося в декабре 1918 года в Москве. Анархисты ищут недовольную массу, ищут то движение, которое они сумели бы возглавить и направить против советской власти. Уже на 1-й конференции набатовцами принимается резолюция о необходимости принять участие в борьбе крестьянских повстанческих отрядов против гетмана, затем, чтобы «внести в эту борьбу анархическое содержание, стремясь теперь же подготовить в анархическом направлении грядущую победу и организацию сил революции». В апреле 1919 г. уже явственно расхождение совласти с крестьянством из-за нашей земельной и продовольственной политики. «Набатовцы» пытаются это использовать. 1-й съезд конфедерации, состоявшийся в апреле 1919 г., принимает уже резолюцию, в которой говорится: «Наступает давно предвиденный анархистами момент, когда масса населения, не удовлетворенная в своих чаяниях и разочарованная в последней социалистической власти, готова вступить с этой властью в решительную борьбу. История ныне возлагает на нас великую обязанность подсказать массам этот выход, помочь им в их исканиях, придать их творческой способности то „зрение", которого им недостает»[1].

Анархисты ставят вопрос о конкретной возможности приложить свои теории к крестьянскому движению.

«Поскольку последняя (советская власть) вынуждена будет кой-когда и кой-где смотреть сквозь пальцы на развертывающуюся самодеятельность масс, допуская ее и отступая от своих властнических позиций, постольку борьба революционных масс против власти и за свою подлинную самодеятельность будет итти по пути нарастания сознания и спокойного созидательного действия явочных массовых организаций; поскольку власть в дальнейшем неизбежно приступит к сопротивлению и борьбе против таких самочинных действий масс, — постольку быстро определится и выдвинется второй момент борьбы — необходимость и неизбежность *бурного разрушающего на-*

---

[1] Архив ГПУ УССР, дело группы «Набат».

тиска вплоть до прямых вооруженных столкновений»[1].

Далее «съезд полагает, что позиция анархистов в отношении развертывающейся таким образом борьбы должна выразиться в следующем:

«а) Всеми имеющимися в их распоряжении средствами помочь трудящимся массам сознать, крепить, развить и начать осуществлять в жизни тенденцию самодеятельности к самостоятельному организационному и революционному творчеству, призывая их к игнорированию на этой почве государства, власти правительства...

«в) Указывать массам на предстоящую неизбежность активной и, возможно, вооруженной борьбы с противодействием власти, помогая таким образом сознанию масс заранее выработать правильное понимание характера, форм, сущности задач и целей этой назревающей борьбы».

В резолюции о Красной армии указывается, что «единственной и реальной в случае необходимости защитницей социальной революции съезд считает партизанскую повстанческую армию». Но резолюция не упоминает Махно. Причина: союз Махно с советской властью. Анархисты в это время еще находятся в поисках другого стихийного массового движения и готовы возглавить любое массовое движение против советской власти. Махновское движение хотя и являлось массовым, но объективно было не против, а за советскую власть, поэтому-то оно не удовлетворяло анархистов. Вот почему, когда вспыхнул григорьевский мятеж, то отношение к нему анархистов было вначале безусловно не враждебное. Анархисты сохраняли дружественный нейтралитет. Руководители елисаветградской группы анархистов отговаривали молодых анархистов выступать против Григорьева с оружием в руках, мотивируя необходимость помочь стихийному движению против советской власти [2]. И только после того как григорьевцы стали расстреливать анархистов,

[1] Резолюция 1-го съезда конфедерации анархистских групп Украины по вопросу об отношении к соввласти. Архив ГПУ Украины. дело группы «Набат».

[2] И. Тепер (Гордеев), Махно, стр. 40. Изд. «Молодой Рабочий», Харьков, 1924 г.

отношение к ним анархистов резко изменилось. Отношение анархистов к григорьевцам можем узнать по ответу, посланному елисаветградской группой анархистов гуляйпольской в ответ на запрос гуляйпольцев о характере григорьевского восстания [1].

«...Из посылаемых вам газет и листовки вы ознакомитесь приблизительно с этим движением. Но поскольку Григорьеву удалось завладеть частью города, то безусловно установлено погромное настроение, так как на Чечелевке и Кайдаках зарегистрировано 35 убийств исключительно евреев [2].

«В большинстве своем идущая за Григорьевым масса — крестьяне, недовольные комиссародержавием и чрезвычайками. Все бы это было ничего, если бы это движение не возглавлялось старым полковником, а ныне атаманом Григорьевым» (подчеркнуто мною. *М. К.*). Значит, погромы, убийства представителей пролетариата «было ничего». В то время как рабочие профсоюзы добровольно мобилизовали 10% своих членов на борьбу с Григорьевым, анархисты сочувствовали григорьевщине, хотя ее и побаивались. Первое время григорьевцы анархистов не трогали, и анархисты не выступали против Григорьева и спасали себя званием анархиста [3]. Но елисаветградская группа анархистов состояла из евреев, и они боялись, чтобы и им не влетело, как евреям. «Не знаем, что день грядущий нам готовит. Возможно, что перебьют, как жидов», — меланхолически повествуют далее авторы письма. «Из тех сведений, что мы имеем, среди своих войск они (командный состав в григорьевской армии. *М. К.*) ведут пропаганду в том направлении, что анархисты — те же коммунисты, ибо пока не было анархистов, то большевики были большевиками, а как появились мы, анархисты, то большевики превратились в коммунистов» и т. д. [4].

Как видим, не по вине анархистов им не удалось стать во главе первого погромного движения против советской власти. Второй мятеж Махно, происшедший в июне месяце того же года, шел уже под анархическим флагом.

---

[1] «Путь к Свободе», № 2, от 24/V 1919 г.

[2] Чечеловка и Кайдаки — рабочие окраины гор. Екатеринослава. Помимо евреев григорьевцы убивали и русских рабочих-коммунистов.

[3] И. Тепер (Гордеев) Махно.

[4] «Путь к Свободе», № 2, от 24/V 1919 г.

Восстание Григорьева лишь ускорило момент разрыва Махно с советской властью, и в этом разрыве анархисты играли не последнюю роль. Злым гением Махно являлся анархист Аршинов, за время долгого сиденья в Бутырках воспитавший Махно, как анархиста, и всегда настаивавший на необходимости разрыва с советской властью. После разрыва с советской властью отдельные видные анархисты выступили с обвинениями против нее. Барон писал статьи в Одессе, Волин — в Елисаветграде, Алый-Суховольский — в Екатеринославе и Киеве в местных анархических газетах. Разрыв с советской властью давал надежду анархистам овладеть махновским движением и направить его по пути «социального творчества третьей революции».

После разрыва с советской властью в средних числах августа, к Махно прибыли Волин и Готман И. («Эмигрант») [1]. До них уже с конца 1918 г. к Махно стекались одиночками и группами анархисты. В начале 1919 г. к нему приехал Аршинов, который стал редактором «Пути к Свободе»; но газета за слабостью сил выходила редко и неаккуратно. За Волиным прибыла еще группа анархистов. Движение приобрело свою политическую голову. Волин должен был «теоретически обосновать» движение.

Набатовцы наладили издание газеты «Путь к Свободе». Она же выходила нерегулярно под украинским названием «Шлях до Волі». Кроме нее издавался еще «Голос Махновца» для рядовых повстанцев. Наконец-то анархисты дорвались до «массового» антисоветского движения и взяли на себя политическое руководство. Так встретилась «теория» и «практика» махновщины. Председателем РВС махновской армии избирается Волин, командующим — Махно. Создается культурно-просветительный отдел во главе с Аршиновым. Культпросвет был политотделом махновской армии.

Насколько было сильно влияние анархистов на Махно и махновскую армию? «Отношение самого Махно к РВС было отчасти игнорирующим», — пишет Волин в своих показаниях следователю реввоентрибунала XIV армии. Но Волин смягчает факты:

---

[1] Архив ГПУ Украины, дело Волина, л. 22.

Махно и командный состав совершенно игнорировали РВС. О ничтожном влиянии анархистов на махновщину дает показание коммунист Дыбец, комиссар одного из железнодорожных участков, захваченный в плен махновцами и освобожденный лишь благодаря усиленным просьбам Волина и Готмана (арестованный был в личной дружбе с Волиным в эмиграции). «Волин, будучи идейным анархистом, на Махно особенного влияния не имел. Последний был целиком в распоряжении своего штаба, с которым только и считался. Удерживание Волина как заложника также не достигает цели, так как заложники не могут остановить того или иного решения Махно. Гораздо ценнее, как заложник, был бы один из его командиров отрядов, хотя бы самого незначительного. С последним Махно гораздо более считается» [1].

Несмотря на незначительное влияние, которое оказывали анархисты на махновщину, они продолжали работать и выступать от ее имени. Махновщина, полагали они, должна была быть орудием выполнения анархической революции, и эта задача будет в конце концов выполнена махновцами.

Следующим этапом в развитии «Набата» была постановка вопроса о непосредственной борьбе за «третью революцию», декларированная Волиным на александровском съезде советов местностей, отбитых у Деникина, в октябре 1919 года. В это время махновщина находилась в своем зените. Деникин захватил Украину и двигался к Москве, а в тылу у него Махно отвоевал значительную территорию в несколько уездов и создавал свое «безвластное общество». Армия его насчитывала до 50 тысяч организованных повстанцев. Все крестьянское население видело в нем освободителя от белого гнета и боготворило его. Все это кружило голову и ему и анархистам. Махно ими выставлялся как человек, призванный судьбою совершить третью революцию. Они не понимали, что махновщина, яркое выражение антипомещичьих настроений, сильна в своей борьбе с остатками крепостничества, но окажется слабой в борьбе с пролетариатом. Третья революция была теоретически прокламирована 1-й конференцией «Набата», и казалось, что предсказанная

---

[1] Архив ГПУ Украины, дело Волина, л. 37.

конференцией третья революция началась. Вот как анархисты представляли себе этапы революции:

«Конференция (1-я конференция 1918 года. *М. К.*) рассматривает путь, пройденный до сих пор русской революцией, лишь как первый этап, как первую волну великой революции, имеющей громадные шансы стать всемирной, социальной и в конечном счете анархической революцией». Совершающуюся ныне революцию в Германии и других центральных странах (Австро-Венгрии, Болгарии и проч.) конференция рассматривает как второй этап, вторую волну революции, стремящейся стать всемирной, социальной и анархической. Третью и последнюю волну, которая разовьется в странах «со слабо развитым партийным, и наоборот, с сильно развернувшимся беспартийно-рабочим классовым анархическим движением... даст живительный дальнейший толчок в направлении к революции истинно социальной и анархической» [1]. (Подчеркнуто в подлиннике. *М. К.*). В выпущенной РВС махновской армии «декларации» в октябре 1919 года констатируется уже начало третьей революции. «Надвигается третья революция, которая в настоящее время уже началась, в которую Украина ныне уже вступила» [2]. «Для нас, анархистов, — пишет один из видных «набатовцев», — смысл происходящих событий не обусловливается исключительно повстанческим движением махновцев (подчеркнуто в подлиннике. *М. К.*). Смысл их гораздо шире и глубже, выходит далеко за пределы самого по себе повстанческого ядра. Смысл событий заключается в наступившей повстанческой волне третьей революции, несущей трудящимся массам раскрепощение от ига власти и капитала во всех его формах и проявлениях» [3].

В № 5 «Пути к Свободе» от 7 октября 1919 года Волин пишет: «Мы считаем, что, раз начавшись, третья крестьянская повстанческая революция сбросит всякую власть и, выведя движение на широкую дорогу истинно социального строительства, даст, наконец, всей революции решительный толчок к осуществлению

---

[1] Резолюции 1-й конференции, стр. 21—22.
[2] Декларация РВС, стр. 6.
[3] «Набат», № 26 от 1/XII 1919 г.

ее конечной цели: свободное создание общественной жизни при помощи свободных же, объединенных снизу же трудовых организаций — без партий, без организаций, без „управляющих" и без „власти"».

Типичную для мелкого буржуа борьбу с угнетающим его капитализмом и остатками крепостничества, воплощавшуюся в борьбе против Деникина, и борьбу против продразверстки, против военного коммунизма, выразившуюся в борьбе с советской властью, «набатовцы» принимали за борьбу за социализм. Преклоняясь перед всяким массовым движением только потому, что оно массовое, они признавали революционными и явно петлюровско-белогвардейские восстания, как, например, борьбу с соввластью атамана Зеленого, основательно истреблявшего евреев, представителей советской власти и красноармейцев тоже в «своем» районе, Триполье, Киевской губ. «Украина дала революционное повстанчество, махновщину и зеленовщину»[1].

А в своей «Истории махновского движения» Аршинов договорился до того, что «лишь в таких движениях, как бунт Разина или революционное повстанчество наших дней, народ бывал хозяином». Вновь заговорил бакунизм на той почве, где он может выступить — в аграрно отсталых странах, подвергающихся процессу быстрой капитализации и дифференциации крестьянства, — как протест против процесса закрепощения капитализмом мелкой буржуазии. Но бакунизму суждено было себя дискредитировать на Украине, как дискредитировал он себя на Западе.

Почти ровно через год после александровского съезда, когда разгоревшаяся классовая борьба в деревне принесла свои плоды — политический раскол в деревне и падение влияния махновщины до минимума, — оформляется раскол и в рядах «Набата». На 3-й конференции конфедерации «Набат» 3—8 сентября 1920 г. в резолюции о повстанчестве и махновщине им дается иная оценка, чем год тому назад.

«В силу целого ряда условий современное крестьянское повстанчество ограничивается задачами разрушительного характера, не имея вполне усвоенных идей в области новых форм общежития. За редким исключением, когда повстанческие

---

[1] «Путь к Свободе», № 3, от 28 сентября 1919 г.

отряды, с бандитами и белогвардейцами во главе, имеют явно реакционный отпечаток, повстанчество в большинстве своем состоит из смутно революционной, несознательной крестьянской массы, часто поддающейся на удочку дельцов из петлюровского лагеря. Конференция считает нужным подчеркнуть, что крестьянские восстания последнего времени не революция, а бунт, и никаких изменений в общественных формах они не несут».

«Конференция находит, что происходящие восстания ни в коем случае нельзя считать началом третьей социальной революции, и предостерегает товарищей от ошибочной ставки на бунты»[1].

«Набат» этой резолюцией отмежевывается от махновщины и повстанчества. Но уже поздно. Весь 1919 и значительную часть 1920 года анархисты в ней участвовали, ее политически возглавляли и видели в ней носительницу анархических идей. Что они задним числом поумнели и отреклись от махновской армии, — являлось плодом ее упавшего значения и явно обнаружившегося в 1920 г. даже для анархистов ее контрреволюционного характера.

«Что же касается так называемой революционно-повстанческой армии Украины, то относительно ее приходится отметить, что ее ошибочно называют анархической. Вообще анархическая коммуна не может быть добыта усилиями ни героев-одиночек, ни специально военной силой, даже если бы она целиком состояла из анархистов, да и не из анархистов состоит махновская армия. В подавляющей своей части это сдавшиеся в плен красноармейцы и средние деревенские повстанцы-добровольцы. Два года борьбы против разных властей под руководством анархиста Махно выработали внутри армии некоторое ядро, которое усвоило лозунги безвластия и вольного советского строя. Это ядро составляет тип промежуточный между обычным бунтарем, инстинктивным искателем справедливости, и сознательным революционером-профессионалом. Работая в согласии с анархистскими организациями, это ядро могло бы стать одним из активных отрядов пропаганды анархистских идей. Этому мешает,

[1] Резолюции 3-й конференции конфедерации анархистских групп Украины «Набат» (газета «Набат», № 2 (23), от 15/XI 1920 г.).

однако, то обстоятельство, что стоящий во главе махновщины „батько“ Махно, обладающий многими ценными для революционера качествами, принадлежит, к сожалению, к тому типу людей, которые личные свои капризы не всегда умеют подчинять интересам дела. Отсутствие согласованности действий руководителей махновского движения с общим ходом анархического движения вредно отражается на характере махновщины»[1].

«Набатовцы» проглядели совершившееся расслоение украинской деревни и взваливают вину на Махно и на «несогласованность руководителей». Несогласованность была и выражалась в том, что так называемых «идейных» анархистов фактические руководители махновщины игнорировали. Но не все набатовцы пришли к отрицательной оценке махновщины. Резолюция о махновщине не была принята по анархистской традиции «единогласно». «Некоторые участники конференции не были согласны с отдельными местами печатаемой резолюции», — прибавлено в виде примечания к резолюции о повстанчестве и махновщине. «Единый анархизм» раскололся. Аршинов и Волин остались верны махновщине, Барон, Марк Мрачный и другие анархо-синдикалисты, наоборот, ушли от нее. Резолюция 3-й конференции отображала настроение уходящей от махновщины синдикалистской части «Набата». Отношение к махновщине той части анархистов, которая оставалась в РПА, было прежнее, оно выражено в статье Аршинова, помещенной в «Набате» уже в дискуссионном порядке.

«. . . Махновщина . . . представляет собою два явления: первое более широкое — это сдвиг больших рабоче-крестьянских масс в сторону общих лозунгов анархизма. Второе — боевая организация махновцев, их армия. Приэтом армия, благодаря концентрации в ней почти всех организаторских сил, является руководителем всего движения в целом.

«. . . Поддерживая движение, мы тем самым берем на себя ответственность за каждый его политический и социальный шаг. А раз это так, то анархисты, вошедшие в армию, должны взять на себя право самого

[1] «Набат», № 1 (28), от 4/XI 1920 г., резолюция 3-й конференции конфедер. анарх. орг. Укр.

непосредственного участия во всех практических шагах этого движения. Нелепо отвечать за движение, за все мероприятия армии и в то же время не быть активным участником всех актов военно-политического смысла, предпринимаемых руководящим органом движения — армией» (подчеркнуто в подлиннике. *М. К.*).

Это были последние схватки в среде «Набата».

Большинство «Набата», его анархо-синдикалистская часть, переоценивало свои ценности: «... Нужно еще и еще раз напомнить товарищам, что было бы непростительной ошибкой ставить какую-либо ставку на повстанчество. Ибо, во-первых, далеко еще не достаточно знать, против чего мы боремся. Гораздо важнее осознать, за что мы боремся (подчеркнуто в подлиннике. *М. К.*). Во-вторых, — а это существенное, — повстанчество, даже наиболее революционное, даже если оно идет под черным флагом безвластия, все же неспособно само, без широкого участия безвластных и противогосударственных организаций, рабочих города и деревни, творить великое дело социальной революции» [1].

Не от хорошего житья пришлось анархо-синдикалистам отказаться от махновщины. Причина ясна: «Каждый мыслящий анархист, каждый сознательный революционер должен будет признать, что без... производственных организаций, не имея в своем тылу целой сети коммун, враждебно настроенных против власти и капитала (частного и государственного), повстанчество обречено на неминуемую гибель или оно может принять самую уродливую форму (подчеркнуто в подлиннике. *М. К.*). ... Опыт последней неудачной революции должен, кажется, всех нас заставить переделать наш старый бакунинский лозунг: „Дух созидания есть в то же время и дух разрушения"; а то разрушать оказалось много мастеров, а создано очень мало» [2].

---

[1] Из статьи М. Мрачного (секретаря Харьковской группы анархистов), «Набат», № 2 (29), от 15/XI 1920 г.

[2] Там же.

Для нас ценно констатирование одним из видных руководителей «Набата» того факта, что никаких «производственных» организаций, т. е. никаких широких социальных слоев, к концу 1920 г. за махновщиной не стояло. Анархо-синдикалисты понимали это и бежали с тонущего корабля махновщины. Представителям же деклассированных элементов чужда вообще мысль о необходимости социальной опоры для движения, — они остаются продолжать борьбу. В конце 1920 года во время действия мирного соглашения между советским правительством Украины и «революционно-повстанческой армией Украины (махновцев)», анархисты получают полную свободу агитации и пропаганды как устно, так и печатно, без призыва к насильственному свержению советской власти, подчиняясь военной цензуре. Получают они свободу участия в выборах в советы и участие в подготовке созыва V Всеукраинского съезда советов. РПА входит в состав вооруженных сил республики, как партизанская, подчиняясь в оперативном отношении высшему командованию Красной армии, сохраняя свои порядки и не проводя основ Красной армии.

Не войной, так соглашением пытается анархический федерализм добыть себе существование. Но анархический федерализм неосуществим при диктатуре пролетариата так же, как и в эпоху капитализма.

Во время разрыва Махно с советской властью ЧК арестовывает махновскую делегацию — Попова, Буданова и Хохотву— и пересылает их в Москву, где они и были расстреляны. Москва с махновщиной не шутила и с нею не возилась. «Набат» был ликвидирован органами ЧК. 11 «набатовцев», попавшие на скамью подсудимых, после двухнедельной отсидки были постановлением Президиума ЦИК Украины высланы за границу. Быстрым темпом идет развал махновщины. От нее отошел бедняк и середняк и даже наиболее сознательная часть анархистов. Кроме небольшой группки анархистов, связавших свою судьбу с судьбой Махно и бежавших с ним за границу, в стране остался едва ли десяток-другой анархистов. Махновщина дискредитировала не только себя, но и «набатовцев» и анархизм в России вообще.

Махновщина и леонтьевское дело.

Есть один эпизод в истории великой русской революции, когда анархо-махновщина сыграла свою подлую роль, — эпизод, требующий своего освещения: это — вопрос о связи махновщины со взрывом МК РКП(б) в сентябре 1919 года. Подробно описывать происшедшее событие нет нужды, поскольку оно имеется в документах, приведенных в «Красной книге» ВЧК и воспоминаниях свидетелей — пострадавших при взрыве и работников ВЧК, производивших следствие [1]. Важно выяснить вопрос о том, какую роль играли анархисты в этом акте и, что более важно, был ли этот акт отражением воли крестьянства, его недовольства политикой советской власти. Но в этот период — вторая половина 1919 года — крестьянство должно было забыть все свои мелкие распри с советской властью и напрячь все усилия к тому, чтобы отразить наступление Деникина. С начала августа махновская армия вела усиленные бои с Деникиным, и поэтому крестьянству выделять своих людей для удара по советской власти в Москве было по меньшей мере нецелесообразно. В этот период в махновскую армию вошел даже один красноармейский полк, не успевший уйти на север. В полку существовала комячейка, во главе полка стоял коммунист. Благодаря наличию общего врага было бессмысленно, с точки зрения махновщины, уничтожить этот полк только потому, что он находился под влиянием коммунистов. Махно, как реальный политик, это и понимал. Взрыв могли совершить только анархисты, которые стояли за постоянную антисоветскую борьбу махновской армии. Это и было дело рук такой группы анархистов, которая покинула армию после разрыва Махно с советской властью для пропаганды анархо-махновских идей в России. Если виднейшие русские анархисты отвернулись от махновщины и «изменили», по мнению анархо-махновцев, анархизму и русской революции, воплощавшейся, в их представлении, в стихийной борьбе масс с советской властью, то часть анархо-махновцев решила распространить свое влияние на Россию.

[1] Сборник «25 сентября 1919 г.», изд. «Московского Рабочего» 1925 г.

Краткий перечень событий, предшествовавших взрыву, таков. Разрыв Махно с советской властью застает некоторых анархистов в Харькове, другие после разрыва уезжают из махновской бригады. В Харькове ЧК после нападения Махно на красноармейские отряды и убийства нескольких советских работников расстреляла несколько видных махновцев: Михалева-Павленко, близкого друга Махно, члена штаба, Озерова, начальника снабжения бригады, Бурбыгу и других. Махно впоследствии не мог простить советской власти расстрела Михалева-Павленко. Съехавшиеся в Харькове анархо-махновцы решили ответить террором руководителям Украинской советской республики —убить Раковского, Пятакова и других. «Но страсти остыли, и решено было начать бить по центру, т. е. по Москве, оттуда якобы исходит все зло» [1].

В Москву потянулись со всей Украины. Так, например, показания анархистов подполья указывают на прибытие из Бердянска некоих анархистов Кремера, Португалова и Бельцова, а из Харькова приехала группа латышей-анархистов человек в 20. Все это происходило в момент подхода Деникина к Харькову. Видную роль среди анархистов подполья играл Петр Соболев. До приезда Соболева в Москву организационные собрания приехавших анархистов ни к каким конкретным решениям не приходили. На повестке дня стояли обычно лишь 2 вопроса: постановка организации и финансовые дела. Но с приездом Соболева организация приобрела своего руководителя. Он организовал несколько экспроприаций. Были ограблены в Москве два отделения Народного банка. Кроме того, были организованы экспроприации в Иваново-Вознесенске, в Туле, где подвергся ограблению артельщик рабочего кооператива, причем был убит кучер, везший артельщика. Ограбления эти дали возможность выпустить несколько листовок: «Правда о махновщине», «Где выход?», «Медлить нельзя», газетку «Анархия», №№ 1 и 2, и «Декларацию», известившую после о взрыве в Леонтьевском переулке. На награбленные деньги, помимо всего, содержались анархисты, и предполагалось создание анархистских организаций в различных городах России. Для этой цели были командированы

---

[1] «Красная книга» ВЧК, показание М. Тямина, стр. 284

Я. Краснокутский в Сибирь и на Урал, А. Шапиро и Марк в Уфу, Курбатов в Самару, еще один анархист в Брянск и т. д. Группа латышей, получив деньги, награбленные в Народном банке, уехала в Латвию якобы организовать там подпольную анархистскую организацию.

Третьим видом расходов награбленных денег была покупка оружия, взрывчатых веществ и типографии.

Но не все награбленные деньги шли в пользу анархистов. Экспроприации совершались не только одними анархистами, но в тесном содружестве с левыми с.-р.-максималистами. В ограблении рабочего кооператива Тульского медно-прокатного завода принимали участие анархисты Я. Глагзон, Вороновский, Хлебныйский (дядя Ваня), максималист Петраков, левый с.-р. Прохоров. Но, ограбив коллективно, «идейные борцы» разворовали часть денег для своих личных нужд. Левые с.-р. Костромин, Сидоров и Харитонов, участвовавшие в этом деле, взяли себе по 25 тыс. рублей, Чеботарев и Рудаков — по 10 тыс. рублей. Эти «партийцы» предложили председателю назначенного над ними ЦК левых с.-р. партийного суда взятку в 2 тыс. рублей [1]. Но и ЦК левых с.-р., совершив уголовное деяние, подчинился уголовной этике и уплатил «наводчикам» П. Антонову и Кузнецову 10 тыс. рублей. ЦК же получил в результате ограбления лишь около 30 тыс. руб.

Вся власть у «анархистов подполья» концентрировалась в руках небольшой группы лиц — П. Соболева, Глагзона. Первый ведал боевыми делами, второй — финансами. С ними держал тесную связь и являлся членом руководящей головки левоэсэровско-анархистского подполья Черепанов. Соболев лелеял мысль о решительном ударе по советской власти: «Главою организации анархистов подполья, Петром Соболевым, обладавшим диктаторскими полномочиями, предполагалось организовать взрыв Кремля. Для этой цели, как он полагал, необходимо пудов 60 пироксилину. Все усилия прилагались к тому, чтобы достать это количество» [2]. Но план неожиданно был изменен предложением Черепанова произвести взрыв МК РКП, где должны были в тот вечер заседать видные руководители советской вла-

[1] «Красная книга» ВЧК, стр. 292.

[2] «Красная книга» ВЧК, показание Розанова, стр. 295.

сти, в том числе и Ленин. Предложение это было принято, в тот же день взрыв был произведен 5 лицами: П. Соболевым (бросившим бомбу), А. Барановским-Поповым, М. Гречаниковым, Ф. Николаевым (левый с.-р.) и Черепановым (левый с.-р.). Место, куда нужно было метнуть бомбу, указал Черепанов, так как он знал хорошо расположение особняка. В этом здании раньше помещался ЦК ПСР.

Анархисты подполья предполагали не ограничиться этим актом, но организовать взрыв во время октябрьских торжеств. Раньше, чем этот чудовищный акт был подготовлен, активные участники взрыва были выслежены ЧК, и часть была арестована, а другая часть, забаррикадировавшись на даче в Краскове, после нескольких минут перестрелки, взорвала себя с дачей на воздух.

Результаты взрыва в Леонтьевском переулке оказались потрясающими: убиты 12 человек, ранено 28 человек. Среди убитых был секретарь Московского Комитета Загорский.

Кто совершил этот акт? — первый вопрос, который задала себе вся рабочая Москва. Ответ был единодушный — белогвардейцы. За два дня до акта 23 сентября по Москве были расклеены извещения ВЧК, в которых сообщалось, что ею раскрыт белогвардейский заговор «Национального центра», во главе которого стояли кадет Щепкин, профессор Астров (к.-д.), меньшевик Розанов и другие. «Кто их убил, — это знают все, — говорил Троцкий на похоронах погибших жертв взрыва. — Имена белогвардейского центра у всех перед глазами. Там князья, бывшие помещики, бароны, бывшие крупные сановники царизма, бывшие домовладельцы, кадеты, эксплуататоры разных рангов»[1]. Действительно, казалось, что только явный белогвардеец может бросить бомбу в руководящую партию обороны революции в тот момент, когда революция эта подвергается наибольшей опасности. Поэтому-то и думали, что это дело является делом рук кадетов. «Покушение на наших товарищей было актом весьма „благородным“: убиты из-за угла женщины и дети; ранена одна беременная женщина, которая тут же преждевременно родила; оторваны ноги и расшиблены черепа нескольких рабо-

---

[1] «Правда», № 217, от 30/IX 1919 г.

чих, и мозги самых передовых людей нашего времени смешаны с кучей мусора, песку, щебня от взорванного здания. Приемы благородные. Но только наивный человек будет удивляться тому, что метание бомб в беременных женщин совместимо с гуманными взглядами кадетской интеллигенции, которая издавна славилась своим высоким идеализмом. В самом деле, ведь почтенная компания из „Национального центра" являлась правою рукой генерала Юденича... Чему же удивляться, когда белогвардейские агенты жгут и режут в Москве так же, как они это делают в Стокгольме. Это — их ремесло» [1].

В приказе Комитета обороны об объявлении Москвы на военном положении, вызванном происшествием, говорится об акте, как о деле белогвардейцев. И когда в «Правде» от 5 октября появляется первое извещение о том, что по Москве разбросаны прокламации за подписью «Повстанческого комитета революционных партизан», приписывающие акт анархистам, — партия не верит, не верит тому, что анархисты совершили это. Несмотря на борьбу, которую вели анархисты с советской властью, не верилось, чтобы они совершили акт, способствующий панике внутри рядов революции и усилению деникинского нажима на Москву. Н. Л. Мещеряков в статье «Деникинцы под маской анархистов» указывал, что деникинцы скрываются под маской анархистов, ибо анархисты не могут совершить этого акта... «При чтении прокламации (анархистов подполья о взрыве. *М. К.*) ясно видно, что это дело рук белогвардейцев, прикрывающихся именем анархистов. Авторы прокламации даже плохо усвоили себе, что такое анархизм и какая может быть у анархистов организация, — они называют себя „комитетом". Но ведь у анархистов комитетов не бывает» [2]. Автор статьи доказывал, что взрыв дело рук не анархистов, а прикрывающихся именем анархистов. Но в «Правде» от 4 ноября Комитет обороны обратился «ко всем рабочим Москвы, ко всем идейным анархистам» с воззванием, в котором говорилось: «Расследование взрыва в Леонтьевском переулке привело Комитет обороны к убеждению в том, что ближайшее участие в этом взрыве приняла одна из многочисленных анархистских групп, которой явно

[1] Бухарин, Барон и рабочий «Правда», № 216, от 28/IX 1919 г.
[2] «Правда» от 5/IX 1919 г.

руководила рука белогвардейского провокатора. Эта группа присвоила себе название „Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан“ и через несколько дней после взрыва выпустила извещение о том, что взрыв в Леонтьевском переулке дело анархистских рук. В то же время в письме, найденном у одного анархиста, он пишет: „Теперь Москва на-чеку. Пару дней тому назад местный комитет большевиков взорван бомбой, погибло больше десятка. Дело, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человек, мнящий себя Наполеоном. Они сегодня, кажется, публикуют извещение, что это сделали они“».

Строки эти принадлежат анархисту Барону (Факторовичу), одному из идейных руководителей махновщины в начале 1920 г. Свидетельство столь компетентного лица о том, что «леонтьевское дело» является делом рук главным образом анархистов, вернее, их руководителя (вероятно, подразумевается Соболев), должно было служить достаточным основанием.

Однако М Н. Покровский полагает, что акт являлся делом рук главным образом с.-р. «До с.-р. добрались не сразу. Раньше появилось воззвание анархистов подполья, которые приписали эту честь себе» [1].

М. Н. Покровский полагает, что руководителями акта были левые с.-р. Анархисты были одураченным материалом в руках левых с.-р. Ссылаясь на то, что решение о взрыве пришло им в голову лишь за 6 часов до взрыва, после неожиданного предложения Черепанова, Покровский пишет: «Несчастные парнишки — анархисты, которые были потом расстреляны; о мертвых нехорошо говорить плохо, — но это была просто одураченная шпана, которой вскружили голову принципиальные враги большевизма и коммунизма для того, чтобы их использовать. Потом уже в своей прокламации они написали, что на заседании Московского комитета обсуждались меры борьбы с бунтующим народом и т. п.; а вначале с.-р. пришли к ним и сказали, что большевики собираются отдавать Москву деникинцам. И анархисты, которые протестовали даже против угнетения де-

[1] Покровский, Историческая обстановка к моменту взрыва в сентябре 1919 г., сборник «25 сентября 1919 г.», стр. 26.

гей, оказались такими квасными московскими патриотами, что решили бросить бомбу. ... Анархисты были рукой, левые с.-р. были мозгом» ... [1].

Мы не согласны с этим определением. Дело в том, что среди анархистов подполья, действительно, была одураченная молодежь, но она в акте принимала весьма малое участие. Фактически руководили всем Соболев и Глагзон. Мы не установили прошлого Соболева, но Глагзон был одним из организаторов махновской контрразведки. Он приехал вместе с Черняком к Махно в начале 1919 г., а Черняк, как это нам удалось выяснить на основании архивных материалов ВЦИК, еще в начале 1918 года организовал на юго-восточном фронте контрразведку в одном из многочисленных военных штабов Красной армии, сражавшейся на донском фронте. Членами штаба в той армии были 2 коммуниста и несколько анархистов, среди которых был небезызвестный Анатолий Железняков. Штаб этот распоряжением советского командования был расформирован, и судьба анархистской контрразведки нам неизвестна; вероятно, она перешла в какую-либо дивизию, где руководство находилось в руках левых с.-р. или анархистов. Надо полагать, что Глагзон, Цинципер и другие будущие участники леонтьевского взрыва, приехавшие вместе с Черняком к Махно, имели до того большой стаж в области контрразведки. Считать их «одураченными парнишками», во всяком случае, не приходится.

Мы считаем, что Черепанова нельзя считать мозгом дела только потому, что он предложил взорвать МК, и анархисты, не предполагавшие совершить этот акт, согласились на него. Дело в том, что предложение Черепанова встретило совершенно подготовленную почву. Ведь анархисты предполагали произвести решительный удар по советской власти. Главою организации анархистов подполья Петром Соболевым, обладавшим диктаторскими полномочиями, предполагалось, как сказано выше, организовать взрыв Кремля, для чего ему необходимо было пудов 60 пироксилину, и все усилия прилагались к тому, чтобы достать это количество [2]. Не все ли равно, взорвать ли Кремль,

[1] Покровский, Историческая обстановка к моменту взрыва в сентябре 1919 г., сборник «25 сентября 1919 г.», стр. 28.

[2] «Красная книга» ВЧК, стр. 295.

в котором находится Совнарком, или заседание МК, на котором должен присутствовать руководитель Совнаркома? Анархисты потому, вероятно, и согласились на предложение Черепанова, что намеченная цель приближалась и облегчалось ее выполнение.

Мы отнюдь не умаляем «заслуг» партии левых с.-р., но мы не желаем стушевать позорную роль анархистов. Одно то, что анархисты, «борцы за абсолютную свободу», выступавшие против большевиков при создании ВЧК, которую они сравнивали с охранкой и деникинской контрразведкой, для борьбы с большевиками создали контрразведку, боровшуюся такими методами, перед которыми методы ВЧК казались младенческими.

Чтобы лишний раз проиллюстрировать, что анархисты подполья не были «одураченными парнишками», можно указать на тот факт, что они сумели одурачить нескольких коммунистов, использовав их для своих целей. Так, например, документы архива ВЧК выясняют, что комиссар штаба одной из советских дивизий, сражавшейся на южном фронте, коммунист, бывший анархист, выдал или продал им несколько бланков штаба дивизии с печатями. Другой коммунист поддерживал все время с ними связь. Здесь и не пахнет «одураченными парнишками».

Но анархисты добились результатов, прямо противоположных своим намерениям. Еще не зная о том, кто совершил этот акт, партия объявила, в связи с приближением Деникина к Орлу и взрывом в МК, партийную неделю, которая дала в одной лишь Москве новых 14 000 коммунистов. Когда же рабочий класс России узнал, кто совершил этот акт, — анархисты и левые с.-р. стали в глазах пролетариата союзниками Деникина. Только после прокатившейся по всей России волны негодования ЦК левых с.-р. исключает Черепанова и всю группу так называемых левых с.-р.-«активистов» из партии. Но было уже поздно. Истекшее после взрыва время, в течение которого партия сохраняла молчание, еще не зная результатов и надеясь на всеобщее восстание против советской власти, окончательно дискредитировало ее. Об анархистах же говорить не приходится. Арестованный в Москве Барон, будущий руководитель анархо-махновцев в 1920 году, отмежевался от этого акта. Группа, работавшая непосредственно в махновской армии, была отрезана

от русских событий деникинской армией, в тылу которой она действовала. Но через полгода и эта группа разочаровывается в методах вооруженной борьбы с советской властью, отходит от махновщины и от динамитной агитации за «абсолютную свободу». Дискредитированный в глазах пролетариата и крестьянства взрывом МК, разочарованный в махновщине и других повстанческих движениях, анархизм сгнил в многочисленных авантюрах. Подавляющая часть оставила ряды анархистов, а остатки были выплеснуты за борт революции, туда, куда были выброшены все остатки старой умершей капиталистической России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Подведем общий итог.

1. Махновщина зародилась и развилась в районе, где структура сельскохозяйственного производства и классовых отношений в сельском хозяйстве характеризовались в основном следующими признаками:

Помещичий сектор,—первое: большая величина помещичьего землевладения по сравнению с крестьянским; второе: преобладание крупных землевладельцев над средними и мелкими; третье: сохранение остатков крепостничества (хотя они быстро разрушались под давлением быстро развивавшегося в сельском хозяйстве капитализма).

Крестьянский сектор сельского хозяйства характеризовался: 1) большими размерами надельной и купчей крестьянской земли на хозяйство, 2) более быстрым, чем в других районах, темпом скупки помещичьей земли, 3) большим проникновением капитализма в крестьянское сельское хозяйство, 4) большая, чем в других районах Украины, обеспеченность живым и мертвым инвентарем, 5) экстенсивно-зерновое хозяйство, влекшее за собой стремление к расширению площади своих запашек, встречавшее препятствие в виде монопольного владения земли в лице помещ. хозяйства, а это влекло за собой 6) более высокие цены на землю в сравнении с другими районами и необходимость вследствие этого для сельской буржуазии отдавать значительную часть своих капиталов на уплату капитализированной ренты вместо вложения в свое предприятие; 7) социальные отношения внутри крестьянства района характеризуются более глубоко, чем в других частях Украины, зашедшим расслоением; 8) большей обеспеченностью буржуазии данного района средствами производства по сравнению с буржуазией другого района; 9) большее, чем в других районах, количество бедноты, однако не влиявшее на социальные

отношения деревни, так как вся она отсасывалась в местную металлическую и горную промышленность.

II. История махновского движения проделала эволюцию от бедняцкого, середняцкого бунта против буржуазно-помещичьей реакции до кулацкого движения. Эта эволюция сопровождалась троекратным колебанием махновщины между революцией и реакцией в зависимости от ряда внешних социально-экономических предпосылок.

Первый этап махновщины: период борьбы с гетманской реставрацией старых дореволюционных отношений в сельском хозяйстве. Этот период является продолжением борьбы, которую вело крестьянство этого района против помещиков и Врем. правительства в 1917 г. Этот период тянется вплоть до установления соввласти на Украине и ее первых законов на Украине о земле в 1919 г. Этот период является середняцко-бедняцким движением.

Борьбою против этих законов начинается второй этап развития махновщины—период попеременной борьбы с соввластью и с контр-революцией. Этот этап следует разбить на несколько самостоятельных периодов. Второй и часть третьего квартала 1919 г. проходят в борьбе с соввластью. В борьбе участвует большинство деревни, отчасти и беднота. Аграрная и продовольственная политика соввласти УССР не удовлетворяла ни один из «социальных слоев деревни». Сельская буржуазия была недовольна соввластью по вполне понятным соображениям. Середняки потому, что государство отымало у них часть б. помещичьей земли, а, следовательно, и урожая с них, которые крестьяне считали только своей. Кулачество же купило этот блок ценою разгрома и захвата запасов б. помещичьих имений, на которые претендовал голодающий пролетариат и армия. Бедноте же совдасть не смогла предоставить условия получения необходимых прожиточных средств. В последнем и лежала причина провала комбедов на Украине в 1918 г.

Хотя отказ крестьянства от помощи пролетарской революции и не сопровождался переходом махновской армии на сторону реакции, однако отход крестьянства от революции помог победе буржуазно-помещичьей реакции в лице Деникина, который оккупировал всю Украину и часть РСФСР. Но помещик, руководивший русской контр-революцией, восстановил старые дореволю-

ционные социальные отношения в сельском хозяйстве. Середняк и бедняк выступают против Деникина. Кулак отходит в сторону. Август—декабрь 1919 г. заполнен борьбой махновщины с Деникиным. Этот этап развития отличается исключительным интересом, поскольку в тылу Деникина полтора месяца существовала подлинно-крестьянская республика, созданная середняцко-бедняцким движением. Следующий этап — с начала 1920 г., с момента прихода соввласти, махновщина вступает в новый фазис развития. Соввласть исправляет прошлогоднюю ошибку по земельному вопросу. Под непосредственным руководством Владимира Ильича устанавливается система обеспечения бедноты путем процентных отчислений с продразверстки от середняка и сельской буржуазии. Мелкобуржуазный контрреволюционный блок не мог обеспечить в прошлом (в 1919 г.) бедноту за счет урожая с бывших помещичьих полей, ибо последних нет. Беднота переходит окончательно на сторону пролетариата.

Однако продразверстка, тяжело ложившаяся на кулацкие и даже середняцкие слои деревни, вызвала соответствующую политическую реакцию у этих слоев. Происходит второй переход махновской армии из попутчиков Красной армии в стан ее врагов. Махновская армия не желает итти на польский фронт, громит тылы южных советских армий, сражавшихся с Врангелем. В этот период (вторая половина 1920 г.) махновщина представляет собою блок кулака с верхушкой середняков, направленной против советской власти. Колебания крестьянства использовывает Врангель, выдвигающийся из Крыма и захватывающий часть территории Екатеринославской губ. Но внутри мелкобуржуазного контр-революционного блока происходит новое разногласие: середняк охотнее приемлет диктатуру пролетариата и сопровождающую его в период гражданской войны продразверстку, нежели буржуазно-помещичью контрреволюцию, реставрирующую до революционные социальные отношения. Кулак, наоборот, тянет в обратную сторону. Махновская армия, которая выражала в основном интересы середняка, вновь переходит на сторону соввласти для борьбы с Врангелем. После поражения Врангеля мелкий буржуа полагает, что уничтожена возможность восстановления дореволюционных социальных отношений в сельском хозяйстве, и поэтому махновская армия в третий раз рвет с сов

властью, пытаясь установить свою независимость и самостоятельное политическое господство мелкого товаропроизводителя. Но введение продналога удовлетворяет середняка и тем самым разлагает махновщину. В армии остается и продолжает борьбу лишь незначительная часть армии, ее кулацкая часть.

III. Те периоды, когда середняк сражался с буржуазно-помещичьей реакцией, он имел союзника слева, в лице деревенской бедноты, в 1918 г. во время борьбы с гетманом и донскими казаками в его армию вступали даже горнорабочие, в 1919 году, во время борьбы с Деникиным — красные полки, руководимые коммунистами. Бедняцкие элементы играли руководящую роль в движении. Когда же середняк, примыкавший к махновскому движению, колебался в своем отношении к совvласти, это движение возглавлял и использовал кулак.

В период борьбы с контрреволюцией движение шло под рабоче-бедняцким руководством, в период борьбы с совvластью — под кулацким.

Объяснением этому является хвостистская тактика руководящей головки армии. Вся она, включая и того, чьим именем называлось все движение, не руководила, в подлинном смысле, движением, а лишь оформляла стремление массы, являясь ее идеологическим и техническим агентом. Меняющийся состав в различные периоды развития аграрной революции вызывал изменения политических настроений массы, а это влекло изменения как состава членов штаба, так и его политических настроений.

IV. Не было руководства армией и со стороны анархистов. В махновском движении участвовала украинская организация анархистов «Набат», состоявшая из анархо-синдикалистов-коммунистов и анархистов-коммунистов. Первые являлись представителями идеологии малоквалифицированного рабочего, рабочего полуремесленных предприятий; вторые—деклассированных слоев общества. Однако обе фракции «Набата» пришли к махновщине лишь в августе 1919 г., сразу же после первого разрыва махновщины с совvластью. Разочарованные в григорьевщине, они не могли раньше примкнуть к махновщине вследствие ее советской ориентации (участие в составе Красной армии). Они пришли к махновщине после ее разрыва с совvластью в середине 1919 г., пытаясь использовать ее в целях «третьей революции». Анархо-

синдикалистская фракция ушла из движения уже в следующем 1920 г. после того, когда выявилась у них невозможность построения самостоятельной и независимой коммуны силами махновской армии. Вторая же фракция, представлявшая интересы деклассированных элементов, остается в движении, выполняя функцию адвоката кулацких интересов. Деклассированные, окончательно порвавшие с своим классом элементы не ставили и не могли ставить вопроса: з а ч т о они борются, за какой новый тип производственных отношений, ибо не несут с собой новый тип производственных отношений.

Разбитые в борьбе, деклассированные элементы не могут найти себе применения в хозяйственной системе страны и должны покинуть ее, став невольными агентами мировой контрреволюции так же, как они являлись агентами русской в период гражданской войны; кулачество должно смириться перед волей пролетариата, вступив на путь мирного органического развития своего хозяйства по трудовому пути.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ТОРГСЕКТОР ИЗД-ВА „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД: УЛИЦА ГЕРЦЕНА,
ДОМ № 15. ТЕЛЕФОНЫ: 217-79, 217-78.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
ЛУБЯНСК. ПАСС., 46—49. Т. 2-24-09.
ОТДЕЛЕНИЯ: В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, СВЕРДЛОВСКЕ,
НОВГОРОДЕ, ЧЕРЕПОВЦЕ И В
УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ ЛЕНИН-
ГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ

5